ultima

Пол МАКОУЛИ

АНГЕЛ Паскуале страсти по да ВИНЧИ

www.arbooks.ru

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Средневековая Флоренция живет, пользуясь изобретениями и открытиями великого Леонардо: типографские станки печатают газеты, по улицам, наряду с конными экипажами, перемещаются паровые повозки, а цеху художников готовы составить конкуренцию механики, вооруженные новейшим изобретением да Винчи, которое позволяет мгновенно запечатлевать действительность. Однако эпоха берет свое: заговоры, убийства по-прежнему господствуют на извилистых улочках промышленного города.

Накануне визита Папы Льва X от руки таинственного убийцы гибнет ассистент Рафаэля, самого прославленного человека во всей Флорентийской Республике. Ключ к разгадке, последнее изобретение Великого Механика, попадает в руки молодого художника Паскуале. Вместе со знаменитым журналистом и сыщиком Никколо Макиавелли он ведет расследование, то и дело оказываясь в смертельной опасности. Одно кровавое преступление влечет за собой другое, и в конце концов угроза нависает над самим Леонардо. Теперь спасти гениального мастера способен только ангел…

- Пол Макоули
  - часть первая
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
  - часть вторая
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
  - часть третья
    - 1
    - 2

- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25

Пол Макоули
Ангел Паскуале: Страсти по да Винчи

Посвящается В.

Салаи, я хочу жить в мире с тобой, а не в войне. Хватит войны, я сдаюсь.

Леонардо да Винчи, из записных книжек

часть первая
ПРАЗДНИК СВЯТОГО ЛУКИ

1

Утро, только что рассвело. Небо, наконец избавившееся от испражнений литейных мастерских и мануфактур, глубокого синего цвета самого лучшего ультрамарина, по четыре флорина за унцию. Мужчины спешат по улице Красильщиков, на них кожаные фартуки, с шеи свисают длинные перчатки, волосы зачесаны назад и убраны под кожаные шапки. Деревянные подошвы стучат по булыжникам, слышны бодрые голоса, хлопают ставни небольших мастерских, открывающихся по всей улице. Подмастерья вывешивают на крюки над дверьми мастерских мотки цветной шерсти: красные, синие, желтые, — они дрожат в холодном косом свете на стенах, с которых осыпается охра. Раздается глухое торопливое пыхтение, когда кто-то запускает машину Хироу, которая с помощью замысловатой системы блоков и ремней поворачивает лопасти в красильных чанах и приводит в движение винт Архимеда, поднимающий воду из реки. Клуб дыма, вздох, небольшое облачко пара поднимается над прогнутыми терракотовыми крышами, пыхтение переходит в неторопливое, размеренное биение.

Паскуале, накануне вечером перебравший вина, со стоном пробудился, когда ритмичные удары начали сотрясать пол, кровать на колесиках и его самого. В прошлом году их материальное положение ухудшилось, вокруг заказа для больницы Санта-Мария Нуова разгорелся скандал, и, когда дела, и без того еле теплившиеся, вдруг совсем пришли в упадок, учитель Паскуале, художник Джованни Баттиста Россо, снял комнаты во втором этаже высокого узкого дома в восточном конце улицы Красильщиков. Хотя одна комната была просто чуланчиком, а вторая, где спал Паскуале, не чем иным, как частью коридора со стоящей в нем кроватью, главное помещение было просторным и светлым, из него открывался ласкающий глаз вид на сады францисканского монастыря Санта-Кроче. Зимними утрами Паскуале допоздна валялся в постели, наблюдая за тенями, пляшущими на потолке узкой комнатенки, когда внизу по холодным темным улицам шли красильщики с фонарями; весной он разворачивал кровать к противоположному окну, чтобы наблюдать дрожащую игру света и тени на листьях деревьев в саду. Но все это лето машина Хироу будила его на рассвете, и сейчас ее вибрации перемежались с приступами похмельной тошноты, пока он нашаривал, но так и не нашарил сигареты.

Слишком много вина вчера вечером, вина и пива, пожалуй, неудачная смесь, а потом настала его очередь стоять на часах у

тела Бернардо; Паскуале и еще трое учеников, все с пистолетами, на случай, если похитители трупов обнаружат их укрытие, пили густое темное вино, сладкое как мед, размахивали оружием, рискуя в пьяном угаре перестрелять друг друга, как каких-нибудь злоумышленников. Несчастный Бернардо лежал бледный и неподвижный, его лицо казалось вдохновенным, освещенное целым лесом свечей в изголовье гроба; два серебряных флорина блестели на закрытых глазах — столько денег он ни разу не видел за свою короткую жизнь. Двенадцати лет от роду, самый младший ученик Якопо Понтормо, Бернардо был этим утром сбит vaporetto: окованное железом колесо проехало по его груди, а заодно и по его жизни. Очень плохое знамение, ведь погиб он семнадцатого октября, в канун праздника святого Луки, небесного покровителя городского Братства Художников.

Звуков становилось все больше, они вплывали в открытое окно. Выстрел автоматической пушки ознаменовал открытие городских ворот, скрипы доносились в соответствии с законом распространения звуковых волн в воздухе: сначала близко и громко, затем все дальше и слабее. Прогрохотали по булыжнику деревянные колеса велосипеда, ездок бодро насвистывал. Женщины переговаривались друг с другом через узкую улочку. Затем колокола церквей, далеких и ближних, зазвонили к утренней мессе. Медленный тяжелый звон самого Санта-Кроче сливался с грохотом машины Хироу в красильне и, казалось, поднимался и опадал, когда два ритма то совпадали, то расходились.

Паскуале предпринял последнюю тщетную попытку нашарить сигареты, застонал и сел, оказалось, он полностью одет. У него было стойкое ощущение, что этой ночью хирург выпустил из него всю кровь. Макака Россо сидела на широком подоконнике в ногах постели, поглядывая сверху вниз водянистыми карими глазами и задумчиво отрывая кусок штукатурки длинными гибкими пальцами ноги. Когда макака увидела, что Паскуале проснулся, она схватила с кровати одеяло и выскочила в окно, повизгивая над отличной шуткой, которую сыграла.

Миг спустя раздался человеческий визг. Паскуале высунулся в окно, чтобы посмотреть, что творится. Окно выходило на огороды Санта-Кроче, молодой брат, надзиравший за огородами, метался взад и вперед по широкой, посыпанной белым гравием дорожке, потрясая, словно флагом, пустым мешком.

— Держите свою тварь в помещении! — кричал брат.

Паскуале посмотрел вправо-влево от окна: макака исчезла. Он крикнул вниз:

— Она и так в помещении. И вы должны быть в помещении,

брат. Вы должны заниматься своим служением, а не будить невинных людей.

Брат ответил:

— Говорю вам, она украла мой виноград! — У него была красная физиономия, жирный молодой монах с сальными черными волосами, торчащими вокруг тонзуры. Он добавил: — Что касается невинности, не бывает невинных людей, разве что в глазах Господа. Но речь не о вас, это ваши нечестивые пьяные песни разбудили меня ночью.

— Что ж, помолитесь тогда за меня, — сказал Паскуале и убрался в комнату. Он не помнил, как добрался до дому, — какие уж там песни!

Брат все еще кричал, его голос срывался от злости, как часто срываются голоса толстяков. «Присмотрю за твоим виноградом», — решил Паскуале, зажигая сигарету трясущимися пальцами. Первая затяжка пробная: главное, не затягиваться глубоко. Паскуале осторожно глотнул прохладный зеленоватый дым, затянулся глубже, когда стало ясно, что с содержимым желудка он не расстанется. Он сел на помятую постель и, когда докурил сигарету, подумал об ангелах и вдохновенном мертвом лице Бернардо. Семья Бернардо сегодня попытается тайно вывезти тело сына из города, чтобы доставить на родину в Пратолино, где до него не смогут добраться потрошители трупов.

Паскуале налил в таз воды и сполоснул лицо. Пальцами зачесав назад влажные кудрявые волосы, он отправился в комнату, служившую студией, и обнаружил, что учитель уже работает.

Россо с Паскуале побелили стены и пол просторной комнаты всего две недели назад, и даже в этот ранний час она сияла чистейшим светом. Закутавшись в одеяло и свернувшись калачиком на парчовом стуле, обезьяна довольно посапывала и лишь слабо пошевелилась, когда Паскуале вошел и Россо принялся хохотать, громко и долго, над помятым видом своего ученика.

Россо работал у большого окна, выходящего на улицу. Ставни были распахнуты. Он смахивал пером угольные крошки с линий, проведенных на холсте, который, проклеенный, загрунтованный маслом, белый и липкий, простоял, прислоненный к стене, больше трех недель и теперь попал на рабочий стол. Россо был бос и одет в один лишь зеленый рабочий фартук, свободно завязанный на талии и достающий почти до колен. Высокий светлокожий человек, с поразительно рыжими волосами, жесткими, как иглы дикобраза, острым носом и бледным подвижным ртом. Лоб у него был испачкан углем.

Паскуале взял большое гусиное перо из связки на столе и принялся помогать. Россо заговорил:

— Ну, как у нас дела этим утром? Фердинанд разбудил тебя, как я ему велел? И что там кричал благочестивый брат?

Фердинанд был макакой, названной в честь покойного короля Испании, смерть которого никто не оплакивал.

— Он ждал, пока я проснусь, прежде чем стащить одеяло. И он сделал это, потому что ему нравится мой запах, а не потому, что вы ему что-то там сказали. Уговорами вы не заставили бы его выпить и стакан воды, даже проведи он три месяца в Аравийской пустыне. А что до брата, он просто жаден. Кстати, вы любите виноград? У меня есть мысль, как заставить нашего друга кричать так, чтоб он лопнул.

— Это ты подговорил Фердинанда украсть виноград? Ты убедил его сделать это; я уверен, ты говоришь с ним на языке жестов.

Паскуале сметал угольную пыль, которая оседала внизу холста. Линии набросков должны остаться, но быть почти незаметными, иначе они начнут проступать на картине или даже хуже — изменят оттенок красок.

— Мастер, почему вы занялись этим прямо сейчас? Разве вы не хотите одеться?

— Вот еще, я только-только разделся.

— Надо полагать, были с вашим сладким мальчиком.

— Это, — отвечал Россо, — не твое дело. Кроме того, если ты не в силах уговорить Пелашиль дать тебе еще немного ее отравы, нет нужды вымещать злость на мне.

— Пелашиль? Разве я пытался?

Паскуале помнил, что говорил с ней, это бесспорно, ему все больше и больше хотелось попробовать хикури еще разок, но она ответила, что пьяный человек будет только смущен видениями, которые вызывает снадобье, зато потом она подошла и поцеловала его на глазах у всех и сказала, чтобы он навестил ее, когда проспится. Паскуале застонал, наполовину от удовольствия, наполовину от укола совести. Пелашиль была служанкой Пьеро ди Козимо, дикарка, привезенная с дружественных берегов Нового Света, все считали ее незаконной женой Козимо. Она была в два раза старше Паскуале, темнокожая, с огромным задом, но Паскуале поспорил, что сумеет привлечь ее внимание и заставить улыбнуться. У нее не было времени на пустую болтовню: если разговор был ей неинтересен, она просто разворачивалась и уходила. Как правило, она хранила молчание, не мрачное, просто задумчивое, и ее внезапная лучезарная улыбка тоже появлялась редко. Странно, но то, что Паскуале воспринял серьезно —

эйфорический сон, вызванный хикури, в котором он глубоко проник в структуру мира, — Пелашиль считала всего-навсего забавой. Она даже слушать не стала, когда он попытался пересказать ей, что видел, сжевав сморщенную, тошнотворно горькую серо-зеленую облатку, которую она дала ему у себя, в жаркой, пестро убранной комнатке.

Россо, который понял чувства своего ученика, засмеялся и жестом изобразил рога на лбу.

— Какой стыд, Паскуалино! Ты водишь за нос несчастного чокнутого старика.

— Может, я хочу последовать его примеру и сам увидеть Новый Свет. Мы могли бы туда отправиться, учитель, вы и я. Мы могли бы начать все сначала.

— Я не стану тебя удерживать, если ты захочешь уехать. Видит Бог, я научил тебя всему, что знаю сам. Поезжай, если хочешь, но не разбивай старику сердце, не похищай его служанку. Старичкам необходимо женское тепло.

— Представьте, какое там освещение, учитель, и подумайте: там человек может жить королем на ту ренту, которую вы платите за это жилье.

— Королем дикарей? А какая в этом честь?

— Знаю, вы скажете, здесь у вас есть определенное положение, — сказал Паскуале. — Простите, что напоминаю. Вам следует одеться по случаю процессии.

— У нас полно времени до начала процессии. — Россо сделал шаг назад и критически оглядел набросок. Это было «Снятие с креста», вид сверху на драматично прорисованное тело Христа, которое бережно поддерживали апостолы.

— Это точно может подождать.

— Я должен успеть за две недели, или придется платить неустойку. Так сказано в контракте.

— Вы и раньше платили неустойки. А нам надо закончить стену для светового представления.

Россо согласился расписать орнаментами только что отштукатуренную стену, которая являлась частью конструкции, участвующей в представлении для Папы. Когда-то зрелища по случаю прибытия высоких иностранных гостей подготавливали художники; теперь же опустились до того, что стали прибегать к помощи механиков.

— Мы закончим стену завтра. Я не могу разорвать этот контракт, так же как не могу разорвать тот контракт. Нам скоро впору будет выпрашивать у святого Марка половину плаща. Слушай, если синьору ди Пьомбино понравится набросок, он, может быть, поручит нам роспись своей домашней часовни. Что

ты на это скажешь, Паскуалино? Может, я смогу взять новых учеников.

— Тогда вам придется достать и новую кровать. Моя слишком узкая для двоих и так продавлена, что мне кажется, я укладываюсь в могилу каждый раз, когда ложусь спать.

— Она и должна быть узкой, чтобы вмещаться в комнату. Впрочем, — сказал Россо, внезапно отчаиваясь, — что толку в новых учениках? — Его настроение резко менялось в эти дни. Паскуале знал, что учитель не вполне пришел в себя после общения с братом — управляющим больницей, которому мерещились дьяволы в тех набросках, где были изображены святые, и который во всеуслышание заявлял, как его провели. Россо сказал: — Может быть, я отдам всю часовню тебе, Паскуалино. Но хотя бы это я должен написать сам. Пора уже заканчивать картон. Кстати, есть еще твоя доска. Когда ты собираешься начать работу над ней? Об этом же не беспокойся, это проще пареной репы. Мы затеним здесь по периметру, правая сторона будет ярче левой. Кстати, я продал одну твою гравюру.

Паскуале нашел кусок вчерашнего хлеба и, усиленно жуя, спросил:

— Которую?

— Ну, из тех, которые покупают женщины и о которых они никогда не могут спросить прямо. А она была хорошенькая, Паскуале, и вся зарделась, точно тебе говорю, пока пыталась объяснить мне, что она хочет. Макни хлеб в масло, хотя как ты вообще можешь есть после вчерашнего… надеюсь, пол не запачкаешь.

Паскуале сделал серию этюдов для гравюр, которые художники называли между собой «товаром-люкс». Модель он нашел среди девочек мамаши Лючии, угодливую шлюху, которая могла позировать за гроши и, не жалуясь, часами сохранять одну и ту же позу. Он переспросил:

— Так какую именно? И сколько вы получили?

— Одну из ранних, — небрежно ответил Россо. — Весьма живописную, где повсюду стоящие члены.

— Эту? Ее без нашего ведома перепечатали этой весной.

— Да, и копия вышла лучше твоего оригинала, особенно руки мужчины, сжимающие мошонку и член, — они получились гораздо свободнее. Но все равно нашей застенчивой покупательнице хотелось отпечаток с оригинала, что, как мне кажется, само по себе комплимент.

— Ладно, я сделаю еще. — Паскуале тряпкой стер масло с рук и взял почерневшее гусиное перо. — Вы в самом деле будете работать по этим наброскам или начнете все заново?

— О, мне кажется, в этом что-то есть. Хотя мне не нравится положение двух фигур, придерживающих ему ноги. Может, я немного отодвину их назад.

— Тогда наверняка у них нарушатся линии рук. Кроме того, когда поднимаешь что-то тяжелое, прижимаешь руки к бокам, так что они должны стоять ближе к телу.

— Вот он, мой ученик, указывающий учителю, что нужно делать.

— А как насчет моей доли за гравюру?

— Она уже потрачена. Не смотри на меня так, Паскуалино. Нужно ведь платить ренту.

— Вчера вы сказали, рента может подождать.

— Я имел в виду не студию. — Россо смущенно моргнул.

— И кто же из сладких мальчиков был вчера? Тот пруссак со шрамом?

Россо пожал плечами.

— Он же вор.

— Ты ничего не понимаешь, Паскуалино. Дай пожилому человеку любить, пока можно. Это с похмелья ты такой злой?

Россо было двадцать четыре, он был на шесть лет старше Паскуале.

Паскуале почесал обезьяну за ушами. Макака зашевелилась и счастливо вздохнула.

— Пора готовиться к процессии, — напомнил Паскуале.

— Еще несколько часов.

— Мы обещали забрать знамена у мастера Андреа. Учитель… как вы думаете, *он* там будет?

— С его стороны было бы весьма невежливо не явиться.

Рафаэль. Имя можно не называть. Это имя было у всех на устах уже три дня, он прибыл из Рима раньше своего хозяина, Папы Льва X.

Россо прибавил:

— В любом случае я должен одеться сообразно, а я так и не решил…

— Тогда у меня полно времени, чтобы попытаться научить чему-нибудь обезьяну.

* * *

Разумеется, они опоздали. Россо славился своими опозданиями. Вместо того чтобы одеваться, он расхаживал в рабочем фартуке, угрюмо разглядывая картон, потом принялся рисовать красной охрой Паскуале, пока тот пытался научить

макаку спускаться по веревке: это вовсе не так легко, как может показаться, — макаки неважно лазят, во всяком случае по веревкам. Россо по-прежнему пребывал в странном настроении: ему не хотелось идти и в то же время он не мог сидеть спокойно. Когда он все-таки кое-как оделся, им с Паскуале пришлось нестись по улицам к студии Андреа дель Сарто, но они все равно опоздали.

Мастер Андреа пребывал в ярости из-за каких-то проблем с молодой женой. Его ученики болтались по передней части студии, где к стене были прислонены свернутые знамена для процессии. Сердитый голос учителя периодически доносился из окна наверху. В праздничном настроении, в своих лучших одеждах, ученики передавали по кругу толстую самокрутку с марихуаной, жевали сочный виноград из Коломбо, который принесли Паскуале и Россо, и смеялись рассказу Паскуале. Тот показывал порез от веревки: в какой-то момент по пути вниз макака потеряла самообладание и чуть не вырвала веревку у него из рук. Постепенно подтягивались другие художники и ученики — на этой улице, между ювелирными мастерскими и мастерскими каменотесов, располагалось с дюжину студий. Кто-то принес флягу вина, ее тоже пустили по кругу.

Мастер Андреа наконец появился, дородный человек в черном бархатном одеянии с расшитым золотом поясом. Лицо его было в пятнах, руки дрожали, когда он приглаживал длинные волосы, — он походил на рассерженную пчелу, выглянувшую из улья, чтобы посмотреть, кто его побеспокоил. На самом деле мастер был добрый человек и прекрасный наставник — Россо когда-то учился у него, так что Паскуале тоже до некоторой степени являлся его учеником, — но легко впадал в ярость, а его новая жена, молодая и хорошенькая, провоцировала у него приступы ревности.

Россо обнял бывшего учителя и проговорил с ним всю дорогу до площади Синьории, а Паскуале со знаменем на плече шел вместе с остальными учениками. Он чувствовал себя неловко в несвежей одежде; наряда лучше этого у него действительно не было, что верно, то верно, но если бы он не напился вчера до такой степени, то снял бы камзол, рейтузы и рубашку и положил их на ночь под матрас. Хорошо, что он хотя бы нашел время вымыть лицо и руки и подержать пальцы в розовой воде по рецепту Россо. Паскуале приглаживал кудрявые волосы, пока те не заблестели, после чего Россо водрузил ему на голову венец и назвал своим маленьким принцем дикарей, просто чтобы поддразнить его.

По дороге к ним присоединялись другие художники со

своими учениками и ассистентами, и к тому времени, когда они вышли на площадь Синьории, их было около полусотни. И столько же уже ждало перед Лоджией во главе с Микеланджело Буонарроти, который возвышался над остальными из-за одного только чувства собственного превосходства, в белой тунике, такой длинной, что она походила на балахон (чтобы скрыть вывернутые внутрь коленки, пояснил Россо), но даже в таком виде Микеланджело, дай ему молнию, — был бы вылитый Зевс.

Рафаэля и его свиты не было.

Нанятые музыканты играли на дудках, волынках и viole da braccio.[1] Развернули знамена, сияющие золотом и ультрамарином, и словно цветы внезапно распустились на углу выложенной камнем площади. Следуя примеру других учеников, Паскуале вставил древко своего знамени в ремни специально надетой кожаной упряжи, но даже так у него быстро заболели плечи, поскольку ветер трепал знамя взад-вперед.

Лишь немногие прохожие обращали на них внимание. Их Братство переживало тяжелые времена, они были просто маленькой незначительной группкой людей, собравшихся рядом с большой сценой, которую рабочие сколачивали посреди площади к предстоящему визиту Папы.

Стук молотков не прекратился, даже когда со ступеней Лоджии стали зачитывать благословение. Кроме того, звучали лающие приказы, под которые отряды городской милиции маршировали по широкой шахматной доске площади Синьории, шумела сигнальная башня, ее крылья стучали и дергались в энергичном танце, и слабый голос старого секретаря Совета Десяти, произносящего ежегодное благословение, был едва слышен. Священник продолжал брызгать на собравшихся художников святой водой, даже когда секретаря, как показалось, недостойно быстро, уже увели помощники. Святой отец пробормотал молитву, перекрестил воздух, и все закончилось.

Процессия рваной линией потянулась вперед, люди не спеша занимали свои места. Постепенно они уходили с площади в тень Большой Башни. Квадратная, прорезанная узенькими окнами и балконами, с навесными бойницами и платформами, прилепившимися к ее гладким камням, словно ласточкины гнезда к сараю, башня возносилась так высоко в небо, что, когда позади нее проплывали облака, казалось, она падает. Башня пригвождала к земле северо-западные колледжи, лаборатории, аптеки, хирургические, прозекторские и мастерские Нового Университета, который занял почти целый квартал из кривых улочек, где когда-то работали ювелиры; за соединенными между собой красными крышами, белыми колоннадами и террасами

надзирал архитектор, сам Великий Механик, вознесенный своей Большой Башней на сотни braccia[2] над толпой; может быть, прямо сейчас он наблюдает процессию Братства Художников, тянущуюся, словно вереница муравьев, у подножия его орлиного гнезда и поворачивающую на Понте Веккьо. Они должны были пройти единым маршем, нескончаемые телеги, экипажи и vaporetti грохотали мимо, прежде чем свернуть на широкий бульвар над рекой.

Паскуале, сжимавший древко своего знамени, на котором был запечатлен святой Лука, милосердный и седобородый, пишущий один из своих портретов Девы Марии (их сохранилось три: в Риме, Лорето и Болонье), поглядывал на реку. Он любил наблюдать за судами: маленькими баржами, рабочими лошадками речной транспортной системы, колесными паромами, большими океанскими maone[3] — и, изредка, за каким-нибудь кораблем с военных верфей Ливорно, который двигался, словно грациозный леопард среди домашних кошек.

Солнце пробивалось в просветы между облаками. Знамена трепетали, музыканты заиграли громче, и колонна подтянулась. Паскуале наконец-то воспрянул духом, забыл о своей головной боли и спазмах в желудке, для которого хлеб с маслом оказались нежелательным грузом, забыл про затекшие руки, сжимающие древко знамени. Чайки, белоснежные птицы, летевшие вдоль Большого Канала в сторону города, пронзительно кричали над водой. Крики, далекие крики. Можно помечтать о том, как он увозит темнокожую черноглазую Пелашиль обратно на родину, в Новый Свет, где белые ступенчатые пирамиды искрятся, словно кучи соли, среди пальм, и любой фрукт готов упасть тебе в ладони, только протяни руку, и стаи попугаев летают, словно тучи стрел, выпущенных целой армией.

Река разделялась на каналы, ближайший к морю нес в себе странные краски, которые смешивались и расползались перистыми завитками: красильни и химические мануфактуры сливали сюда свои стоки, и их несхожие пигменты не смешивались в бурую массу, а давали странные новые сочетания, клубящиеся на поверхности изысканными узорами, словно сама вода ожила. Вдоль всего канала, бодро несущего свои воды, тянулись цепочки водяных мельниц, стоящих на каменных пирсах, колеса шлепали и пенили воду, их механизмы издавали непрерывный гул. Многие из них приводили в движение ткацкие станки, пытаясь конкурировать с современными механизированными мастерскими на противоположном берегу. Ночью некоторые хозяева пускались во все тяжкие, обрубали причальные тросы соперников, стремясь занять место выше по

течению, где оно было сильнее. Иногда над водой раздавались пистолетные выстрелы. Журналист и драматург Никколо Макиавелли однажды сказал знаменитую фразу, что война — это просто коммерческое состязание, достигшее высшей точки, — так оно и было.

У Понте алла Грацие процессия свернула в сторону от реки, в лабиринт узких улочек с доходными домами, облицованными мягким серым pietra serena,[4] в черных разводах от грязных дождей, где пришлось лавировать между клубами дурно пахнущего воздуха и дыма, вырывавшимися из мануфактур. Мастерские и botteghe[5] в полуподвалах уже пооткрывали свои ставни, и работники выходили приветствовать процессию. Они особенно кланялись Микеланджело, который вышагивал с неизменным достоинством во главе, его белое одеяние сияло на фоне черных и коричневых одежд других художников. Флоренция любила своих преуспевающих сыновей, особенно если те были талантливы. Более того, Микеланджело вышел победителем из жаркого спора с Папой по поводу того, как должно выглядеть надгробие предыдущего понтифика. На него смотрели как на защитника чести Флоренции перед лицом ее давнего врага, не зря самая знаменитая его работа — «Давид», убийца великанов.

Итак, процессия наконец добралась до часовни Святого Амброджио, по соседству с которой работали знаменитые живописцы. За годы до того, как Братство разорвало отношения с Обществом Святого Луки, его докторами и аптекарями, которые, по правде говоря, долго снабжали деньгами нищую художественную братию, службы проходили в мраморе и бронзе церкви Святого Эджидио при больнице Санта-Мария Нуова. Но не теперь.

Начался редкий дождик. Барабаны продолжали бить, пока процессия вливалась в узкие двери маленькой капеллы с оштукатуреными стенами и залегшими между стропилами тенями, куда долетал шум машин из мануфактур с другой стороны улицы.

Рафаэля не было и здесь.

2

Месса почти завершилась, когда Рафаэль наконец прибыл. Он торжественно вошел во главе шумной толпы ассистентов и учеников, и на звук открываемой двери в маленькой церкви повернулись все головы. Бездельники с задних рядов, проболтавшие всю службу, как это было заведено у флорентийцев, словно церковь являлась просто еще одним общественным местом, только с алтарями и певчими, были так же ошарашены, как и все остальные, — они замолчали и принялись подталкивать друг дружку. Паства из учителей и учеников оглядывалась, все без исключения, кроме Микеланджело, который сидел, застыв, в дальнем конце первого ряда, точно в той же позе, в какой просидел всю мессу (и в которой Паскуале исподтишка зарисовал его), не удостаивая взглядом соперника, не позволяя ему заметить, что он узнан. Даже священник умолк на мгновение, прежде чем продолжить произносить благословения, перемежаемые звоном множества маленьких колокольчиков. Пока Рафаэль со свитой скидывали дождевики, чтобы всем стали видны их модные черные рубахи, сотканные машиной, камзолы и рейтузы, оркестр из шести инструментов одышливо заиграл Agnus Dei, на полтакта позже вступил престарелый кастрат, и все в церкви зашушукались.

Россо пихнул Паскуале и театрально прошептал:

— Второй сын божий благословил нас своим присутствием.

Паскуале не мог отвести взгляда от великого художника. Рафаэль непринужденно сидел среди ассистентов, некоторые из них могли бы и сами стать учителями, если бы не предпочли служить Рафаэлю. А кто бы не предпочел? Рафаэль зарабатывал больше, чем любой другой художник и в Риме, и во Флорентийской Республике, и даже больше, чем художники Европы и Нового Света. Как и Микеланджело, Рафаэль принял Новую Эпоху близко к сердцу. Эпоха индивидуализма была его временем. Он брал заказы по собственному выбору, и его слава заставляла богачей, и потомственных и новоиспеченных, неистово сражаться за обладание его работами, тогда как бедняки украшали свои жилища скверными репродукциями его полотен. Он был на особом положении. Микеланджело писал, как считал нужным, и часто в результате оказывался без клиентов, и только Рафаэль был уверен, что его заказчики получат то, что хотят, и при этом работал в свое удовольствие.

— Он вернулся к своим корням, чтобы убедиться — они настолько плохи, насколько ему запомнилось, — продолжал

Россо.

— Он уплатил свой флорин, — сказал Паскуале, имея в виду, что Рафаэль имеет право на праздничную мессу с флорентийским Братством Художников в день их святого покровителя, поскольку он записал свое имя в «Красной книге» и уплатил налог. Паскуале так мечтал хоть одним глазком увидеть Рафаэля, что теперь чувствовал себя обязанным защищать его.

— Один из всех здесь присутствующих, — заметил Россо, и это было почти правдой. В «Красной книге» Братства было больше должников святого Луки, чем кредиторов, потому что немногие удосуживались заплатить целый флорин, чтобы стать признанными мастерами гильдии, золотые дни которой миновали, а такие, как Рафаэль Санти из Урбино или Микеланджело Буонарроти, не нуждались в Братстве для упрочения своего положения. Паскуале слышал ворчание мастера Андреа, когда процессия вползала в церковные двери, что теперь они стали меньше гильдии крысоловов, а были времена, когда вся улица, на которой стоит церковь Святого Амброджио, была перекрыта праздничным шествием, все выходили поглядеть, — и где теперь их поклонники?

Но знамена гильдии по-прежнему были живописны, хотя и сделались залатанными и поблекшими больше чем за сто лет. И даже в этой маленькой церкви были заметны следы роскошного Золотого Века, когда произведение искусства напрямую говорило с Богом. Здесь была осыпающаяся фреска с «Благовещением» над первым алтарем и лучше сохранившаяся прекрасная фреска над вторым алтарем: Мадонна на небесном троне с Иоанном Крестителем и святым Варфоломеем. Та же тема повторялась над третьим алтарем, на этот раз Дева была представлена прославляемой всеми святыми. Золотые детали фресок блестели в мерцании свечей, создавая впечатление, будто церковь больше, чем на самом деле, так сквозь стену деревьев озеро кажется морем.

Паскуале постарался сесть как можно ближе к лучшей работе в церкви. Она располагалась в нише между вторым и третьим алтарями, «Благовещение» в формате тондо,[6] созданное Липпи в Золотой Век, до расцвета механики. И большую часть мессы, церемонии, оплаченной по подписке каждым мастером, и должником, и кредитором (Россо ужасно ругался по поводу подобного грабежа), Паскуале глазел через маленькое окошко в иной мир, мир чистых красок и четких линий. Серьезность Мадонны в этом окне, ее лицо и поза выражали четвертую из пяти добродетелей Благословенной Девы, именуемую Humiliatio,[7] золотая линия от голубя, Духа Святого, тянулась к ее животу, и

архангел Гавриил стоял на коленях в саду среди цветов. Главное — ангел. Паскуале коллекционировал ангелов. За исключением крыльев (которые, несмотря на золотые перья, были явно скопированы с крыльев голубя; Паскуале видел другое «Благовещение» Фра Липпи, где у ангела были в крыльях аргусовы глаза павлиньих перьев), этот ангел мог бы быть обычным молодым человеком из хорошей семьи времен Лоренцо Несчастного. Ему было лет четырнадцать-пятнадцать, бледная кожа, овальное удивленное лицо, синие глаза с длинными ресницами, и одет он был в роскошный костюм тех изысканных времен. Если с него снять налет экзотичности, он мог бы оказаться церковным служкой или пажом. Но внимание Паскуале привлекало (он дважды пытался передать это на листе бумаги) выражение лица ангела. Сосредоточенное внимание, проникнутое скорбным знанием о том бремени, которое вынужден будет нести Священный Младенец, но и радостью, что завет между Небесами и Землей наконец-то обрел плоть.

Во всяком случае, именно так и надо его понимать, думал Паскуале. Но как можно уловить истинные чувства создания, одновременно стоящего выше человека (ведь он ближе к Богу, чем даже самые блаженные святые) и ниже его (ведь хоть он и командует легионами младших ангелов, Гавриил всего-навсего посланник, гонец, принесший Слово Бога человеку, сам он не Слово, а только вместилище его, но ведь ангелы избраны не для служения, разве служить не означает пасть)? Это было то, что Паскуале пытался выразить с тех пор, как на него снизошел замысел одной работы. Пьеро ди Козимо, которого Паскуале нравилось считать своим тайным наставником, в редкие моменты просветления говорил ему, что надо писать правду, если писать вообще; но как же можно изобразить правду чего-либо, лежащего за пределами простого человеческого восприятия? Как можно запечатлеть лицо ангела?

Фра Липпи разрешил проблему, изобразив своего ангела в обличье прекрасного придворного, так решали проблему почти все художники Золотого Века. И почти все художники во Флоренции, и тогда и теперь, написали хотя бы одно «Благовещение», популярный сюжет, потому что и Благовещение, и Новый год попадали на один и тот же день, двадцать пятое марта.[8] Но Золотой Век кончился, разбитый на куски изобретениями механиков, как и сама реальность. Пришла Новая Эпоха, требующая либо гения, либо ничто. В юности Рафаэль писал ангелов как идеал идеалов, не лучших или прекраснейших придворных, а идеальных придворных из воображаемых разговоров Кастильоне.[9]

Говорили, когда Рафаэль работает, он улавливает не просто оттенки лица модели, но даже мысли и индивидуальность. Но ангелов он не писал со времен своего ученичества, не считая изображения побега святого Петра из тюрьмы, и то ангел там был в тени. Если даже величайший художник в мире испугался темы, как же может Паскуале принять подобный вызов?

Хотя у Паскуале было видение и разорительно дорогая доска, подготовленная с особым тщанием, он не сделал ни мазка ради воплощения замысла. Он видел мельком, а может, ему казалось, будто он видел мельком, больше чем простую красоту или даже идеал красоты, но он не знал, как начать воплощать то, свидетелем чему он стал. Зато Паскуале чувствовал: если ему не удастся, значит, вся жизнь не удалась; он верил: если бы он сумел поговорить с Рафаэлем, великий живописец понял бы.

Несчастный наркоман Пьеро ди Козимо, болтающий о созданиях из миров, вплетающихся в этот мир, понимал больше остальных, но, несмотря на все его приключения на далеких побережьях Нового Света, у него оставался взгляд человека Света Старого, он не вполне отделался от его влияния. Что касается Россо, Паскуале даже не упоминал о предмете своего замысла учителю, не говоря уже о видении. Россо учил преодолевать технические трудности: перспектива, пластичность пространства, скорость, необходимая при письме темперой, и смелые исправления, которые новый герцог и прусский формуляр сделали допустимыми для масляной живописи, — он был хороший человек и щедрый хозяин, но в то же время легко раздражался и был консервативнее, чем хотел признать. Художники — те же ремесленники, от начала и до конца, был его девиз.

Колокольчик зазвонил к причастию. Идя за учителями Братства (Россо, который забыл исповедаться, вынужден был отстать), Паскуале и остальные ученики выстроились в линию вдоль перил, чтобы принять глоток кроваво-красного вина, тонкую облатку пресуществленной плоти. Когда Паскуале поднялся, чувствуя, как нежное тесто тает на языке, подслащенное бурым вином, он увидел, что Рафаэль скромно стоит на коленях в конце ряда, среди остальных представителей своей школы, словно он всего лишь обычный человек.

Причастие завершилось, за священников, отправлявших службу, помолились, паству отпустили, люди потянулись к задней двери, смешиваясь с зеваками и обычными горожанами, ожидавшими полуденной службы, которая должна была начаться, как только закончится эта. Ученики собирали знамена. Скатав свое знамя, Паскуале попросил одного из учеников мастера

Андреа отнести его обратно. Он видел Рафаэля, идущего по проходу и беседующего с несколькими художниками.

Ученик, бодрый парень по имени Андреа Сквазелла, сказал:

— Бог замечает и воробья; наверное, и Рафаэль может удостоить тебя взглядом. Но Бог воробья только замечает.

— Надеюсь, я удостоюсь большего.

— Я знаю о твоих амбициях, но что до твоего таланта… — Когда Рафаэль проходил мимо, Андреа вцепился в Паскуале и сказал с насмешливой озабоченностью: — Тише, не упади в обморок. Он всего лишь человек.

Рафаэль был среднего роста, с мягким бледным лицом, темными кудрями до плеч. Его черная рубашка и костюм были из тончайшего голландского полотна, сшитые дорогим портным. Он сильно жестикулировал, подчеркивая какую-то мысль. Пальцы у него были тонкие, как у женщины, и такие длинные, словно в них были лишние фаланги.

Паскуале выдохнул, когда маленькая группка прошла мимо.

— Всего лишь человек, — повторил он.

— Хотя у некоторых иное мнение, — сказал Андреа. — Мастер Микеланджело считает, что твой Рафаэль нечто гораздо более низменное, чем человек. Что-то вроде вши.

Микеланджело шел по дальнему проходу, высоко держа голову, за ним следовали два его ассистента. Он напоминал военный корабль, выходящий из порта в шторм в сопровождении пары шлюпов.

— Мой учитель говорит, Рафаэль ворует идеи, — сообщил Андреа Паскуале. — Рафаэля тайно провели в Сикстинскую капеллу, когда Микеланджело ушел после рабочего дня, и в результате он немедленно перерисовал пророка Исайю, над которым тогда работал, словно тот был написан совместно, хотя об этом знал не только сам Микеланджело. Твой Рафаэль скорее декоратор, а не живописец.

— Если ты хочешь сказать, что его вдохновение начинается там, где у остальных оно заканчивается, тогда я на его стороне, — сказал Паскуале.

Андреа засмеялся и заявил, что у Паскуале нет совести.

— Я в отчаянии. Как я с ним заговорю?

— Скажи ему, что тебе нравятся его работы, — рассудительно предложил Андреа. — Или лучше подожди, пока мой учитель тебя представит. Вперед, Паскуале! Если ты не подойдешь к нему ближе, тебе придется громко кричать, а это не очень-то удобно. Даже во флорентийской церкви.

Андреа был родом из Урбино и считал всех флорентийцев невежами, особенно из-за того, как они открыто болтали во время

мессы, даже по большим праздникам.

К этому моменту группа художников с Рафаэлем в центре почти дошла до двери. Кто-то вошел в церковь, как раз когда Паскуале двинулся вперед, и словно ветер всколыхнул кроны деревьев, потому что люди вокруг Рафаэля разошлись в стороны и попятились, оставив его один на один с вошедшим.

Это был крепкий мужчина средних лет, одетый по моде, больше подходящей двадцатилетнему юнцу: короткий серый плащ в каплях дождя и кружевная белая рубаха, вычурный камзол с невероятными разрезами и буфами, такие камзолы любили прусские студенты, рейтузы с разноцветными штанинами. На его взволнованном лице еще сохранялись следы былой красоты, которые угадывались в профиле и капризно надутых пухлых губах. Вьющиеся волосы были все еще густы, экстравагантно причесанные, они спадали до плеч.

Паскуале узнал его сразу: Джакомо Капротти по прозвищу Салаи, миланский любовник Великого Механика. Еще он заметил, что миланец пьян. Паскуале отступил, но Салаи все равно врезался в него.

— Может, стоит смотреть, куда идешь, — сказал Салаи, — когда рядом люди?

Паскуале огрызнулся:

— Прошу прощения, синьор, я не заметил Ваше Высокомерие.

Он сказал бы больше, но один из ассистентов Рафаэля, Джулио Романо, крупный мужчина средних лет, схватил Салаи за руку. Он отвел его в сторонку и зашептал:

— Не здесь. Не в этом месте.

Салаи сбросил его руку и расправил рукав.

— Пожалуй, но я упустил вас возле башни и хочу засвидетельствовать почтение теперь, если мне будет дозволено.

Романо развел руками.

Салаи обернулся к остальным и заговорил несколько несвязно:

— Миллион извинений, что пропустил ваше маленькое торжество. Я пошел не туда, мне сказали, вы обычно слушаете праздничные службы в другом месте, когда бываете во Флоренции. Как же я метался в поисках этой церквушки, в своем роде очаровательной, я уверен, хотя и безвестной. На самом деле я не сожалею, я здесь просто представляю своего учителя. Он давно уже уплатил взнос, раньше, чем ощутил подлинное призвание и покончил со всякой мазней. — Салаи повернулся к Рафаэлю. Полностью сфокусировать взгляд ему не удалось. — Так вот, художник. Что, собака бежит впереди хозяина? Примите мои комплименты по поводу выбора наряда для себя, синьор Рафаэль,

и этих ваших прихвостней. Похоже, в данных обстоятельствах утро самое подходящее время. У вас, рисовальщиков, впереди целый день, даже у вас, синьор Рафаэль. Мы скоро затмим вас полностью, получив в свое распоряжение настоящий свет.

Кто-то из ассистентов попытался вмешаться:

— Если вы пришли с сообщением от *своего* хозяина, так говорите. Мастер Рафаэль слишком занят, чтобы тратить время на таких, как вы.

— Какие-нибудь любовные шашни, без сомнения. Сердечные дела, как выражаются в печатных листках. Что ж, я не из тех, кто становится на пути у любви.

Рафаэль засмеялся:

— Так вас никто и не посылал сюда?

Салаи ухмыльнулся, словно необычайно обрадованный тем, что его блеф раскрыт.

— Что ж, если на то пошло, нет.

Второй ассистент заметил:

— Насколько я помню, Лоренцо Медичи[10] был убит в церкви.

— Спокойствие, — сказал Джулио Романо.

Салаи коснулся эфеса французской рапиры, свисающей с расшитой серебром перевязи.

— Синьор, я могу отойти на шаг, если вам от этого станет легче. Я даже подожду, пока вы возьмете в руки какое-нибудь оружие.

Повисло напряженное молчание, поскольку все знали, что Салаи прекрасный фехтовальщик. Ассистент покраснел и отвернулся.

— Ступайте, — сказал Романо. — Уходите, Салаи. Не здесь. Не сейчас.

Рафаэль произнес, очаровательно улыбнувшись:

— Мы слушаем вас, синьор Салаи. Говорите же.

Салаи поклонился:

— Надеюсь, мне нет нужды говорить, синьор… нет, мастер Рафаэль. Дело вот в чем. Вскоре первый со дня основания Республики Медичи ступит на землю Флоренции. Будет жаль, если его божественное присутствие останется незамеченным на фоне скандала.

— Я не боюсь, Салаи. Уж только не той ерунды, которую в силах затеять вы.

Салаи заморгал и прикрыл рот рукой, делая вид, будто делится тайной:

— А как же честь одной госпожи…

— Это старая сплетня, — перебил его Рафаэль.

Второй ассистент двинулся вперед, положив руку на кинжал за поясом.

Салаи грациозно отступил, внезапно протрезвев, на его лице отразились неприкрытое ехидство и какое-то вдохновение.

— От этой колючки с оливы не будет никакой пользы, приятель. Наверное, ты им вычищаешь грязь из-под ногтей, они в самом деле не соответствуют твоему наряду.

Романо положил руку на плечо товарища. Остальные спутники Рафаэля, подбодренные этим жестом, начали посмеиваться и топать ногами. Некоторые члены Братства, и мастер Андреа среди них, закричали, что это стыд, стыд и позор Флоренции, если кто-то из ее граждан оскорбляет гостя. Салаи посмотрел на них, затем поклонился, насмешливо-низко, прежде чем развернуться и пойти к двери.

Некоторые старшие учителя принялись извиняться перед Рафаэлем, Россо в сторонке вдохновенно что-то говорил Джулио Романо. Паскуале попытался протолкнуться вперед, но спутники Рафаэля сомкнули ряды и единым отрядом вышли через высокие церковные двери в угрюмый, дождливый день. Когда Паскуале попытался пойти за ними, мастер Андреа обернулся и сочувственно произнес:

— Он будет здесь, пока Папа не уедет, Паскуале. Я уверен, тебе представится возможность поговорить с ним, но не теперь.

Паскуале поймал его за рукав:

— А что имел в виду Салаи, когда говорил о чести какой-то госпожи?

— Ты же знаешь, какого рода скандалы обожает затевать петушок Великого Механика, — сказал мастер Андреа уклончиво. — В женщинах корень всяческого зла, говорят некоторые. Или сказали бы, если бы им позволили…

Он надел на седую голову четырехугольную шапочку, одернул широкие рукава рубахи и поспешил вслед за уходящими. Пара голубей взлетела, потревоженная его шагами: крылья ангела.

Паскуале наблюдал за голубями и мок под грязным моросящим дождем, пока из церкви не вышел Россо. Паскуале увидел бледное взволнованное лицо своего учителя и сказал:

— Разве вы не идете с ними, учитель? Обед в честь Рафаэля…

— Пусть старички объедаются, — махнул рукой Россо. — Думаю, нам обоим не помешает выпить.

3

Любимое заведение Паскуале и Россо представляло собой низкий винный погребок, в котором собиралось не всегда безопасное общество учеников-живописцев, журналистов и швейцарских купцов. Хозяин, жирный круглоголовый швейцарец прусского происхождения, имел обыкновение снимать пробу с напитков, которые подавал, и держал собаку размером с небольшую лошадь, которая, если не валялась перед очагом, слонялась между посетителями, выпрашивая подачку. Швейцарец внимательно рассматривал каждого, кто входил в кабак, и, если гость оказывался новичком, вид которого ему не нравился, или завсегдатаем, которого он не любил, хозяин начинал изрыгать страшные проклятия и оскорбления и не успокаивался, пока несчастный не решал убраться. Зато хороших клиентов швейцарец веселил грубыми шутками и розыгрышами, обычно вызывавшими ответную реакцию, и умел создать в заведении особенную атмосферу. Как ни странно, драки случались редко. Если хозяин не мог справиться сам, он натравливал свою собаку, не нуждаясь в другом оружии.

О стычке Салаи с Рафаэлем уже болтали в погребке. Паскуале пересказал события двум разным компаниям и получил от довольных слушателей выпивку. Он наделся увидеть здесь Пьеро ди Козимо, но старика не было. Постепенно тот все больше отдалялся от шумного общества, все глубже погружаясь в себя. Он часами разглядывал капли дождя на окне или созерцал пятна краски на грязном полу у себя в комнате.

Паскуале относил ему еду несколько дней назад, но Пьеро отказался впустить его и через щель приоткрытой двери заявил Паскуале, что занят важной работой. Пьеро говорил, словно во сне, видя нечто, доступное только ему.

Паскуале сказал:

— В один прекрасный день та дрянь, которую вы едите, хикури, убьет вас. Вы не можете жить во снах вечно.

— Этот мир не единственный, Паскуале. Ты видел это пару раз, но пока еще не осознал. А должен, если собираешься стать хоть каким-нибудь художником.

— Я пока еще не освоился и с этим миром. Пустите меня, всего на минутку. Смотрите, я принес хлеб и рыбу.

Пьеро не обратил внимания на его слова. Он заговорил с тоской:

— Если бы ты только был моим учеником. Какие путешествия мы бы совершили вместе, а, Паскуале? Приходи через несколько

дней. Через неделю.

Паскуале постарался скрыть раздражение в голосе:

— Если вы не будете есть, то умрете.

— Ты прямо как Пелашиль, — сказал Пьеро. — Нет. Ей хватает здравого смысла не беспокоить меня. Она понимает.

— Я тоже пойму, если вы меня впустите. Мне необходимо увидеть…

— Твоего ангела. Да. Но ты не настоящая личность, пока еще нет. Больше не беспокой меня, Паскуале. Теперь мне надо поспать.

Сейчас, в шумном многолюдном погребке, Паскуале решил, что это из-за того разговора с Пелашиль, когда он пьяно настаивал на еще одной порции хикури, травы, привезенной Пьеро из Нового Света. Паскуале высматривал Пелашиль, которая обычно работала в кабаке каждый вечер, но не видел ее. Ее не было долго, и он подумал, потому что был молод и эгоцентричен: а вдруг она ушла, возмущенная его поведением, и больше уже не вернется.

Любимый угол Пьеро заняла группа шумных сквернословящих швейцарских кавалеристов. Кондотьер, который привел их, развалившись на любимом стуле Пьеро с прямой спинкой, оживленно объяснял непристойными словами, почему он никогда не позволит иметь себя в зад и сам никого не будет иметь в зад, ни флорентийца, ни кого другого, а купленный им на вечер мальчик, сидящий у него на коленях, делал вид, будто зачарованно слушает.

— Нет, конечно, я, как любой другой мужчина, люблю, когда мне сосут член, и мне плевать, кто это делает: мужчина, женщина или младенец, который думает, будто то, чем я кончаю, молоко его мамаши. Лучше всего было с одной старухой, у которой не осталось ни единого зуба. Но только турки и флорентийцы пялят друг друга в анал, я прав или не прав?

У кондотьера было худое рябое лицо и усы, нафабренные, чтобы получились торчащие кончики. Он запустил пальцы в волосы купленного мальчика, мальчик заморгал и послал ему воздушный поцелуй, полунасмешливый-полульстивый. Наемник обвел взглядом комнату, маленькие глазки поблескивали из-под кустистых бровей, возможно, он надеялся, кто-нибудь возразит ему. Но никто не возразил — как не уставали напоминать печатные листки, граждане Флоренции опасались иностранных наемников. Стыдливое молчание висело в помещении, пока военный не засмеялся и не потребовал еще вина.

Вино принесла Пелашиль. Сердце Паскуале дрогнуло, стоило ему ее увидеть. Когда она наполнила кружку кондотьера,

Паскуале подозвал ее, и она медленно подошла. Пелашиль — нагловатые глаза, черные, похожие на ягоды, кожа цвета осенних листьев, широкие бедра, обтянутые поношенным парчовым платьем, рукава которого были обрезаны, оставляя обнаженными мускулистые руки. Паскуале спал с ней разок, прошлой зимой, и с тех пор так и не смог решить, он ли ее выбрал или она его.

— Я вчера перебрал, — сказал Паскуале. — Надеюсь, ты не сердишься.

Пелашиль шагнула назад, когда он попытался обнять ее.

— Почему мужчины всегда думают только о себе?

— Ты злишься! А что я такого сказал? Разве я не могу спросить?

Россо, который до сих пор молча пил, шевельнулся и произнес:

— Предложи ей увезти ее домой, Паскуалино. За море, туда, где песок бел, море сине, а женщины ходят голыми.

— Это вы так думаете, — сказала Пелашиль, — но моя родина совсем не такая. К тому же вы бы предпочли голых мальчиков. — Она схватила за руку Паскуале. — Старик снова болен. Ты должен навестить его. — И она пошла за вином, увернувшись от пьяного солдата.

Паскуале сел на место, выпил еще вина и снова подумал о бессвязных речах Пьеро и о том, как после порции хикури разрозненные движения слились в одно и в дрожащем дождливом свете возникли крылья голубя. Ангелы и время… Их время такое же, как у людей, идет минута в минуту? Какое-то знание, огромное и невероятно непрочное, словно лесной цветок, кажется, было готово озарить его разум, но угрожало раствориться, если он станет слишком пристально глядеть на него. Он подумал: может быть, Пьеро знает, что означало это откровение. Может быть, Пьеро даст ему еще один сушеный лист хикури. Он обязан навестить старика, да, но не сейчас. Пока еще рано. Он должен собраться с духом, чтобы вынести царящую в уединении комнаты Пьеро разруху.

Джамбаттиста Джеллия, бунтарь с левыми взглядами, славящийся тем, что когда-то был башмачником, а стал автором-моралистом, проталкивался сквозь толпу. Только что вошел журналист Никколо Макиавелли, и Джеллия тащил его к столу Паскуале, громко говоря:

— Никколо, ты должен это услышать. От того, кто там был, в самом сердце скандала.

— Чаще всего необходимо расстояние, чтобы увидеть правду, — со смехом протестовал Никколо Макиавелли. — Кроме того, я уже написал свою статью и отдал ее в печать. На самом деле мне

скоро нужно будет пойти посмотреть, как там дела. Дай мне спокойно выпить, не думая о работе, Джеллия. Может быть, революция для тебя жизнь, но журналистика для меня только профессия.

— Этот молодой человек там был, то есть он так говорит.

— Это правда, — сказал Паскуале.

— И, я вижу, ты неплохо нажился на своем везении, — заметил журналист, улыбнувшись. Остальные сидевшие за столом засмеялись практичности Паскуале.

— Это правда! — настаивал Паскуале.

Никколо Макиавелли тонко улыбнулся:

— Мне не нужны слова, друг мой.

Россо сказал:

— Он прав. И тебе не нужны слова, Паскуалино.

— А как насчет рисунка? — спросил Паскуале.

— Какая глубокая ирония заключена в том, что в пастве, состоящей из одних художников, никто не догадался зарисовать скандал, — заметил Никколо Макиавелли, и все снова засмеялись.

Россо поднялся, держась за край стола. Он выпил больше Паскуале.

— Это частное дело, — заявил он.

— Но в общественном месте, — возразил Джеллия.

Паскуале пихнул Россо локтем в бедро и заговорил жарким шепотом:

— Нам нужны деньги, учитель.

— Делай как знаешь, Паскуалино, — устало сказал Россо. Его внезапно захлестнула очередная волна черной меланхолии. — С моего благословения. Надеюсь, скоро все разъяснится.

Джеллия отошел, давая место Россо, который двинулся через толпу к двери. Паскуале заговорил, потому что им в самом деле были необходимы деньги:

— Я докажу вам, что был там. Вы должны извинить моего учителя. То, что произошло… это позор.

Он достал лист бумаги, на котором делал наброски в начале службы, обмакнул край рубахи в вино, собираясь стереть рисунок, но Никколо Макиавелли перехватил его руку:

— Дай-ка взглянуть. — Он поднес рисунок к глазам, разглядывая его сверху вниз, словно читая текст. Макиавелли был тонкий, но крепкий, с умным моложавым лицом монастырского библиотекаря. На выступающих скулах темнела щетина, голова с залысинами, волосы коротко подстрижены. Он сказал: — Вижу, Микеланджело Буонарроти размышляет, в которого из смертных метнуть тщательно выбранную молнию. Это ты рисовал?

— Он лучший из нас, — сказал Паскуале.

— Если хочешь, идем со мной, нет, не допивай, тебе потребуется твердая рука и острый глаз, а не возбужденное воображение.

Дождь кончился, в воздухе висел желтый пар. Он пах древесным дымом и серой, от него чесался нос и слезились глаза. Хотя шестичасовая пушка еще не стреляла, подавая сигнал к закрытию ворот, пар уже погрузил город в ночь. Люди блуждали в нем, закрывая лица; держась за руки, прошли два механика в кожаных масках с какими-то свиными рылами.

— Механики отравляют воздух, а потом сами вынуждены изобретать способ, как им дышать, — заметил Никколо Макиавелли. — Жаль, что немногим доступны их средства.

Это был один из тех смогов, которые душили Флоренцию, если ветер не дул, и дым от мастерских опускался тяжелым одеялом по течению Арно. Журналист мучительно закашлялся, прикрывая рот ладонью, затем извинился. Он когда-то сидел в подземельях Барджелло, пояснил он, и с тех пор у него болят легкие.

— Но это было до того, как я взялся за перо ради правды, а не ради государства. Что касается правды, теперь, когда мы ушли от твоих товарищей, можешь сказать мне, как было дело, если ты все видел.

— Я видел Рафаэля, как вас сейчас, — выпалил Паскуале, что, по мнению механика, было бы не совсем точно, зато правдиво с точки зрения здравого смысла.

— И ты помнишь все достаточно хорошо, чтобы нарисовать?

— Я развиваю память, синьор Макиавелли, особенно на лица и жесты. Если я не смогу зарисовать, то хотя бы смогу вспомнить.

— Неплохо. И пожалуйста, называй меня Никколо. Синьор Макиавелли был иным человеком, в иное время.

Двенадцать лет назад Макиавелли был одним из самых могущественных людей во Флоренции, секретарь Совета Десяти, он был посвящен в большинство тайн Республики и являлся главным вдохновителем ее внешней политики. Но правительство свергли после внезапного нападения испанского флота на доки в Ливорно. Половина флорентийского флота была сожжена на причалах, и полк испанцев, сжигая и грабя, подошел к самым стенам Флоренции, пока флорентийцы собирались, чтобы дать отпор. Пожизненный гонфалоньер[11] Пьеро Содерини покончил с собой, а Макиавелли оказался в опале. Несмотря на частые выступления в защиту Республики, несмотря на то, что его собственная семья погибла, а имение разграбили испанские захватчики, враги Макиавелли распустили слух, будто бы он

всегда был сторонником Медичи. В последовавшие за нападением дни полной неразберихи поползли сплетни, будто бы он может стать вдохновителем заговора, призванного вернуть власть Медичи. Такая опасность возникла впервые после недолгого, но жестокого правления Джулиано Медичи. Тридцать лет тому назад, счастливо избегнув лап Папы, тот развернул кампанию против убийц своего старшего брата и их родственников, зашедшую гораздо дальше массовых казней. Пока Рим вел войну с Флоренцией, и даже после поражения Рима, случившегося благодаря изобретениям Великого Механика, Джулиано продолжал очищать от скверны знатные семейства, как Бог очищал от скверны египтян, подготавливая исход народа Израиля. Это было тяжелое время, которое до сих пор не забыто.

Отстраненный от дел, Никколо Макиавелли отказался присягать на верность новому правительству и за свои труды (или гордыню) два года томился в Палаццо дель Барджелло. Когда его наконец освободили, так ни в чем и не обвинив, он стал во главе журналистов, работавших на разных stationarii,[12] выпуская печатные листки, которые предлагали смесь сенсаций со скандалами. После падения прежнего правительства фракция механиков образовала Совет Восьми, Десяти и Тринадцати. Возведя в достоинство свое кредо: правда должна стать явной (но заботясь о том, чтобы в печать не попадало ничего противоречащего представлениям правительства о правде), — Никколо Макиавелли сделал карьеру политического комментатора.

Он работал на stationarius, который использовал под контору мастерскую, где когда-то трудился Веспасиано да Бистиччи; ирония заключалась в том, что этот самый крупный издатель удалился в загородное поместье, лишь бы не работать с новомодными печатными прессами, которые лишали работы переписчиков. Некоторые утверждали, будто бы это совпадение подтверждает то, что деятельность Макиавелли финансирует семейство Медичи, ведь Козимо де Медичи когда-то был главным клиентом Бистиччи, он заказал библиотеку из двухсот томов, которую сорок пять писцов закончили за рекордный срок в два года. Флорентийцы ничего не любили так, как сплетни, а сколько сплетен можно породить, находя связи и совпадения с событиями давно минувших дней, учитывая, что флорентийцы прекрасно помнили и просто обожали многокрасочную и бурную историю города. Можно сражаться с судьбой, но нельзя победить прошлое.

Даже в этот поздний час свет горел во всей печатной мастерской. Внутри оказалось полдюжины человек, которые за одним из письменных столов ели пасту с черным хлебом и

запивали ее вином. Синяя завеса сигаретного дыма проплывала в воздухе над их головами. Пара подростков-печатников спала в подобии гнезда из тряпок под блестящей рамой пружинного пресса. Лежали кипы чистой бумаги, отпечатанные листы свисали с веревок, словно сохнущее белье. Везде горели свечи с зеркальными отражателями, одна из современных ацетиленовых ламп свисала на цепи с потолка. Она давала яркий желтый свет и добавляла в спертый воздух помещения чесночную вонь.

Товарищи приветствовали Макиавелли с жизнерадостным цинизмом. Издатель печатных листков Пьетро Аретино был честолюбивый человек вполовину моложе Макиавелли, плотный и начинающий жиреть, с окладистой бородой и черными сальными волосами, зачесанными назад.

— Свидетель, да? — спросил он, когда Макиавелли представил Паскуале. Он попыхивал зеленой сигарой, которая испускала густой белый дым, такой же ядовитый, как пар на улице.

Аретино впился в Паскуале пронзительными, но не злыми глазами. — Что ж, дружок, мы здесь печатаем только правду, верно, ребята?

Остальные захохотали. Самый старший работник, с лысиной, обрамленной жидкими седыми волосами, сказал:

— А Республику волнуют скандалы в среде живописцев?

— Здесь нечто большее, — сказал Никколо Макиавелли. Он уже успел плеснуть порцию желто-зеленой жидкости в стакан с водой и теперь выпил мутный напиток, содрогнувшись наполовину от восторга, наполовину от отвращения.

— Не стоит, Никколо, — заметил Аретино.

— Эта штука хорошо действует на мои нервы, — пояснил Никколо, принимаясь смешивать новую порцию. — А что до ссоры, это видимый симптом той болезни, которая поразила все государство. Испанская зараза начинается с вполне невинного прыщика, который даже не болит, насколько мне известно. Надеюсь, вы поняли, что я знаю об этом не из личного опыта, — добавил он, когда все засмеялись. — А тот несчастный, который позже обнаружит у себя на члене сыпь, вовремя не углядел таящейся в этом прыщике опасности. Я часто думаю, что мы похожи на врачей, советуем, как лучше жить, вычищаем заразу. Это происшествие может показаться ерундой, я знаю, но это диагноз.

Аретино выпустил длинную струю дыма.

— Публику волнует только то, чем мы захотим ее взволновать. До тех пор пока мы печатаем о чем-то, это новость. Если мы печатаем о чем-то много, это большая новость. Помните

войну в Египте? Так ведь войны не было, пока мы о ней не сообщили, только тогда Синьория послала войска.

— Но война-то все равно была, — мягко произнес Никколо. Он каким-то образом уже успел прикончить вторую порцию напитка и допивал третью.

— Но другая война! — воскликнул Аретино. — Не скромничай, Никколо. Ты должен упиваться своей властью.

— Я слишком хорошо знаю, куда приводит упоение властью, — сказал Никколо Макиавелли.

— Без риска не будет награды.

Аретино с наслаждением перекатил сигару из одного угла рта в другой. Мерцание свечей отражалось в его глазах. «Он похож на дьявола», — подумал Паскуале. В такую ночь было несложно представить, как эти циничные мужчины действительно правят миром посредством своих слов, в чем они сами, кажется, не сомневались.

Самый старший спросил:

— Так в чем же значительность этой ссоры, Никколо? Что это за болезнь?

— Пожалуйста, прочитай мою статью, Джироламо. Сейчас уже так поздно, боюсь, я не смогу пересказать, переврy сам себя.

Аретино сказал:

— Война старого с новым, механиков с художниками, Папы Медичи с нашей драгоценной Республикой. Нам необходимо ответить на вопрос, чью сторону мы примем? Кто из них ангелы?

— Те, кого полюбит Бог, — отозвался кто-то.

— Это прекрасно, — раздражился Аретино, — но мы не можем дожидаться небесного суда, который часто нескор и странен.

— Ну, это не новость, — продолжал пожилой журналист. — Каждый, у кого есть глаза, знает, что Папа прибывает через два дня. Каждый, у кого есть уши, знает, что это посольство должно погасить угли бесконечно тлеющей войны между Флоренцией и Римом. Рим когда-то пытался ослабить Медичи убийствами и войной, а теперь один из Медичи стал Папой и вынужден договариваться с теми же механиками, чьи машины спасли правительство Джулиано де Медичи. Глупая стычка — это не тот крючок, на который можно повесить что-нибудь столь же тяжелое, как заговор с целью скрыть правду от граждан.

Никколо сказал:

— Прекрасно известно, что Рафаэль посланник Папы. У всех художников имеются глаза, правда, юноша? А у Рафаэля они лучше, чем у многих других, как раз чтобы высмотреть, какие в городе настроения. И еще речь идет о жене некоего уважаемого

горожанина, женщине, которая питает особый интерес к искусству. — Тут все заулыбались, и даже Макиавелли, кажется, развеселился. — Но здесь ее имя лучше не упоминать, слишком хорошо оно известно.

Паскуале, желавший знать, кто эта женщина, небрежно бросил:

— Петушок Салаи грозился назвать ее имя, если мастер Рафаэль выйдет из себя.

— Пустая угроза, — отмахнулся Аретино. — Любовные похождения твоего мастера Рафаэля освещают самые популярные издания христианского мира. Многие мужья, кажется, мечтают, чтобы им наставил рога молодой гений, хотя, боюсь, они путают член Рафаэля с его кистью и думают, будто их жены приобретут большую ценность от его движений, словно пигмент, который обращается в золото, когда мастер берется за кисть.

— Может, ему подписывать своих женщин, как он подписывает свои работы, — предложил один из молодых журналистов.

— Существует мнение, — сказал Макиавелли Паскуале, — что Великий Механик уже обо всем договорился с Папой, а Рафаэль должен всего лишь уладить формальности. Разумеется, это не в интересах Флоренции, ведь наша империя живет плодами гения Великого Механика. И еще существует проблема испанского флота, в данный момент вышедшего с Корсики на учения под командованием самого Кортеса.

— Кортеса-убийцы, — вставил один из журналистов.

— Кортеса с горелой задницей, — сказал Аретино. — «Греческий огонь» подпалил его корабли, когда он пытался покорить Новый Свет, и подпалит еще раз.

— У испанцев теперь железные мундиры, — заметил пожилой журналист, — и они не утратили тяги к золоту и неофитам. Пройдя по землям мавританского халифата, они принесут свою Священную Войну во все уголки Нового Света. Представьте, что произошло бы, будь на месте Америго Веспуччи, который договорился с Монтесумой, Кортес![13]

— А при чем здесь Салаи? — спросил Паскуале.

— Салаи чувствует исходящую от Рафаэля угрозу, в этом нет сомнений, — ответил Никколо, — отсюда и этот стремительный наскок, свидетелем которого ты стал. У Великого Механика страсть к милым мальчикам, в число которых Салаи давно не входит.

— Из милого мальчика он превратился в приятного мужчину, — заметил один из журналистов.

— Рафаэля тянет только к женщинам, — заявил Аретино. —

А Великий Механик старик, который питается травой, словно крестьянин, и, возможно, уже потерял ко всему этому интерес, с тех пор как выстроил свою башню. Но Салаи думает членом, из-за него он не сегодня-завтра и погибнет. Если у него нет испанской заразы, тогда остальные и подавно ее не заслуживают.

— Говорят, у Великого Механика она есть, — сказал пожилой журналист. — Говорят, он спятил. Я слышал, он держит у себя птиц. Они летают там по всем комнатам.

Аретино сказал:

— Эта история кажется мне более правдоподобной, чем сплетня, будто он оживил труп. Точнее, сшитого из кусков нескольких трупов человека. Даже я не верю в эту байку, парни! А что до птиц, что ж, у каждого должно быть какое-то увлечение, правда? Не вижу вреда в птицах.

— Если только тебе не кажется, будто ты стал одной из них, — возразил пожилой журналист. — Поговаривают, он садится на спинку кровати и кричит, словно грач, и при этом машет руками.

Один из молодых журналистов прыснул и сказал:

— Я слышал от одной шлюхи: кое-кто из главных членов Совета Десяти по свободе и миру любит привести к себе с полудюжины девиц и расхаживать между ними голым, воткнув в зад перо и кукарекая петухом.

Макиавелли сказал с улыбкой:

— Если бы мы верили всему, что слышим, пожалуй, жители Флоренции уже двадцать раз должны были бы умереть от испанской заразы. Секс тут ни при чем, несмотря на его широкую популярность. Дело в связях. Салаи может оказаться той картой, которая уже очень скоро заставит всех открыть, что у них на руках. Я не верю, будто Рафаэль прибыл, чтобы соблазнить Великого Механика, здесь слишком многолюдно для соблазнения. Но если Рафаэль привез требования Папы к Синьории, тогда к моменту прибытия самого Папы должен быть готов ответ; стало быть, это секретное посольство, и правительству будет очень некстати, если оно обнаружится. Ведь их девиз: демократия рождается только в обсуждениях и открытых спорах. Вот почему эта стычка так важна, вот почему мы должны осветить ее как можно детальнее, особенно если никто из наших конкурентов вообще не обратил на нее внимания.

— Исключительность этого дела меня очень заинтересовала, — сказал Аретино. — Здесь секс переплетается с вопросами чести и высшими тайнами государства, и только мы об этом знаем. Это пахнет деньгами, ребята.

— И это значит, что мы печатаем, — заключил пожилой журналист, неловко поднимаясь с высокого трехногого стула. —

Посмотрю, что можно выкинуть.

Аретино загасил сигару, внезапно приобретая деловой вид.

— Все, что угодно, если иначе нельзя. Джерино, растолкай этих парней, пусть разберут литеры. Нам необходимы две колонки в пятьдесят строк, и я хочу, чтобы они были как можно выше. Леон, напиши сотню слов о синьоре Салаи, ничего особенного, но достаточно красноречиво, чтобы польстить ему и заставить служить нашим целям. Он главный злодей в пьесе, но и простофиля тоже он. А что до вас, юный живописец, что вы знаете о гравюрах на меди?

Паскуале набрал в грудь побольше воздуха. Голову все еще туманили пары выпитого вина и выкуренной марихуаны, все казалось слегка мерцающим и расплывчатым. Он сказал настолько уверенно, насколько смог:

— Я занимался гравюрами.

— Отлично. Вон там стол. Якопо, перетащи его под лампу и прибавь газ. Этому молодому человеку требуется хорошее освещение для работы. Принесите ему… Что тебе нужно?

Паскуале еще разок вдохнул.

— Бумагу, разумеется, настолько гладкую, насколько возможно, копировальную бумагу и иглу, чтобы перевести рисунок. Хороший карандаш. Синьор Аретино, я обычно делал гравюры на дереве, разве это выйдет не дешевле? Падуб почти так же хорош, как и медь.

— У меня нет никакого падуба, и мне нравятся медные пластины, потому что с них можно сделать очень много отпечатков. Будут сотни оттисков этого листка. И пусть последняя копия будет такой же четкой, как и первая. За какое время ты справишься?

— Ну, часов трех-четырех будет достаточно.

— У тебя есть час, — сказал Аретино, хлопнул Паскуале по спине и оставил его.

Самый младший из журналистов помог Паскуале перетащить стол под шипящую газовую лампу, показал ему, как поворачивать кран, чтобы регулировать частоту, с которой вода капала на белые камни в резервуаре: чем больше вытекало воды, тем громче становилось шипение, и желтое пламя расцветало, ярко освещая белый лист бумаги и заставляя тени плясать по всей комнате.

Паскуале закурил сигарету и мысленно представил всю сцену, руками вымеряя пространство на бумаге. Пространство, учил его Россо, самое главное в композиции. Взаимоотношения фигур, заключенных в пространство, должны возникать, притягивая глаз в нужной последовательности, иначе все превратится в хаос. Салаи слева, на переднем плане Рафаэль,

голова слегка повернута в сторону от зрителя, они составят центральную часть композиции. Спутники Рафаэля, собравшиеся полукругом, за ними местные художники, вполовину меньше, потому что они не так важны. В деталях прорисовать только Рафаэля и Салаи, одинаковые позы и выражение смущения и страха у всех остальных. Чтобы изобразить стыд, нарисовать их закрывающими глаза руками, а страх — вцепившимися друг в друга дрожащими пальцами.

Когда Паскуале сделал набросок двух главных фигур, он проработал фигуры свидетелей на заднем плане; самым заметным среди них был Джулио Романо, удерживающий Салаи, а ассистент, который так неуверенно угрожал Салаи, теперь превратился в верного и отважного слугу, готового отдать за учителя жизнь, рука на кинжале, лицо гневное. Потом сам Салаи, прищуренные глаза, кривая усмешка, одно плечо выше другого. Рафаэль гордо стоит в правой центральной части, столп, на который опирается вся сцена, непоколебимый в то время, как все остальные отступили под напором Салаи.

Паскуале прорисовал его изящные пальцы, затем положил рисунок на лист мягкой меди и склонился над столом, чтобы иглой перевести очертания фигур и важные детали. Когда это было сделано, он принялся резать по главным линиям, работая со скорой решимостью и деликатностью, которым так хорошо научил его Россо. Затем добавил детали, проколы и прорези, прямые и крестообразные, густую тень и яркий свет.

Паскуале лихорадочно работал и с трудом осознал, что творится вокруг него, только когда остановился размять уставшие пальцы, распрямить затекшую спину и закурить новую сигарету. Печатники разводили огонь в небольшой топке, которая приводила в движение дрожащие пружины печатного пресса. Ремни промежуточных пластин металла скрипели и стонали, растягиваясь от жара и приводя в движение винтовой механизм, который раскручивал большой барабан, а затем снова сжимались, чтобы после опять нагреться. Пожилой журналист стоял над лотком со шрифтом, отмеривая строки расчерченной палочкой. Аретино тихо разговаривал с Никколо Макиавелли, дымя сигарой, взмахами которой он заодно обозначал главные мысли.

Паскуале услышал их разговор. Никколо выдвигал теорию власти, говоря, что каждое общество, чтобы стать стабильным, должно представлять собой египетскую пирамиду, широкую в основании и сужающуюся кверху. Беды Италии, объяснял Никколо, проистекают из разрастания власти, когда безжалостный правитель использует в своих интересах массы. Государства, управляемые абсолютной властью, всегда

завоевывают государства с демократическим строем, потому что решение одного сильного человека всегда более быстрое и жизненное, чем решение совета, который выберет не то, что лучше, а то, что устроит всех. Аретино засмеялся и сказал, что все это, конечно, хорошо, но итальянцы все равно в конце концов свергают своих правителей, потому что нужды личные постоянно перевешивают нужды общественные. Паскуале как-то потерял нить их беседы и некоторое время не понимал, что может уже оставить свою работу, не для того, чтобы отдохнуть, а потому, что она уже готова.

Аретино тут же захотел получить пробный отпечаток и настоял, чтобы пластину положили под пресс. Один из мальчишек-печатников опытной рукой взялся за рычаги и отпустил тормоз цилиндра. Грохоча подшипниками и скрежеща пружинами, ходовой механизм отъехал назад, чтобы захватить лист бумаги, валик с чернилами прошелся по поверхности пластины и вернулся, убирая излишек чернил. Рама пресса упала, грохоча противовесами, и снова поднялась.

Мальчишка проворно подхватил лист бумаги; на нем, под девизом печатного листка, между двух колонок, набранных мелким узорным шрифтом, была картинка, сделанная Паскуале, блестящая от непросохшей краски.

Когда Аретино взял отпечатанный лист и поднес к свету, дверь печатни распахнулась. Все обернулись: в дверном проеме, ухватясь за косяк, стоял человек, задыхающийся от быстрого бега. Вокруг него клубились облака смога.

— Давай, рассказывай, — сказал Аретино.

Человек отдышался.

— Убийство! Убийство в Палаццо Таддеи!

Кто-то сказал:

— Проклятие! Там же остановился Рафаэль.

Аретино отложил в сторону листок и вынул сигару изо рта.

— Парни, — сказал он сурово, — я уверен, мы делаем историю!

4

Палаццо Таддеи представляло собой четырехугольное строение с великолепным фасадом, облицованным золотистым необработанным песчаником. Лишенное окон, оно выступало из дымной темноты виа де Джинори, словно крепостная стена. Было восемь часов, но даже в этот поздний час, когда большинство честных граждан ложатся в постель, небольшая толпа собралась у огромных закругленных ворот палаццо. Никколо и Паскуале пришлось работать локтями и коленями, чтобы пробиться вперед.

Никколо сказал что-то сержанту городской милиции, который охранял ворота, и с улыбкой передал ему сигару. Сержант пожал Никколо руку и заговорил в медный раструб переговорного устройства в воротах. С неожиданным артритным скрежетом дюжина деревянных створок ворот начала отъезжать назад в своих пазах. Неровное отверстие расширилось, превращаясь в круг. Одну из верхних створок заело, она торчала, словно последний зуб в челюсти старца; несмотря на то, что появился слуга и принялся с силой раскачивать створку, Никколо с Паскуале пришлось пролезать под ней, когда сержант махнул им, чтобы они входили.

Паскуале обернулся посмотреть, как ворота закрываются, гремя противовесами на цепях, которые до того, падая, прижали пружины механизма и теперь забирали обратно энергию, требующуюся для открывания ворот, за исключением той, которая ушла на шум и грохот. Удачливые купцы, вроде Таддеи, обожали механизмы, которые подчеркивали их статус, как жертвоприношения на новый алтарь в былые времена. По обеим сторонам от двери поднимались высокие зеркала из кованого серебра, и Паскуале оглядел себя с головы до ног, прежде чем поспешить за Макиавелли, шагающим по мраморному полу роскошной приемной, и вслед за ним войти через открытую дверь на лоджию, огибающую по периметру главный парк.

Палаццо было выстроено по последнему слову архитектуры, вдохновленной экстравагантными постройками римского Геркуланума.[14] Ацетиленовые лампы на тонких железных колоннах давали желтый свет, в котором трава и подстриженные кусты регулярного парка казались собственными черными тенями. Чешуйчатая каменная рыба выплевывала воду в центральный бассейн, механическая птица чирикала в золоченой клетке, вертя головкой вправо-влево, вправо-влево. Ее глазки были сделаны из рубинов, а перья из листочков покрытого узорами золота. Над парком поднималась сигнальная башня, она

была выстроена на углу лоджии, гладкая каменная кладка поблескивала на фоне ночного неба. Никколо задрал голову и некоторое время смотрел на башню. Паскуале тоже посмотрел, но не увидел ничего, кроме освещенного окна, круглого, как иллюминатор корабля, красные и зеленые лампы горели на концах Т-образного сигнального крыла.

Никколо окликнул еще одного городского стражника, этот был в коротком красном плаще офицера.

— Капитан предыдущего поста, — пояснил он Паскуале, обменявшись со стражником несколькими словами. — Меньшего и нельзя было ожидать в таком деле. Он сказал мне, все произошло на верху сигнальной башни. Он проведет нас туда, если только синьор Таддеи даст разрешение.

Паскуале спросил, ощущая чуть ли не дурноту:

— А вдруг убили Рафаэля?

Никколо сделал глоток из кожаной фляги и неохотно закрутил крышку. Он уже совсем пьян, понял Паскуале, ведь он пил не останавливаясь с того момента, как они вошли в печатную мастерскую. Как человек, бродящий в тумане, с осторожностью нащупывает место для следующего шага, так и Никколо заговорил:

— О нет, разумеется, это не Рафаэль. Нет, это человек из его свиты. По имени Джулио Романо.

Паскуале помнил человека, который бросил вызов Салаи. Он сказал:

— Романо защищал Рафаэля от нападок петушка Великого Механика, как я изобразил на гравюре. Если кто-то хотел посеять ужас и отчаяние в душе Рафаэля, нет лучшего способа, чем убить его преданного друга. И если бы это был Салаи, он выбрал бы того, кто выступал против него.

— Мы не знаем, был ли это Салаи, — сказал с улыбкой Макиавелли.

— Позовите капитана, — предложил Паскуале. — Я хотя бы расскажу ему о своих соображениях.

Никколо взял Паскуале за локоть и прошептал:

— Ты здесь, чтобы зарисовать сцену, если нам удастся взглянуть на место преступления. В подобных случаях… лучше не высовываться.

— Я не хочу никого обвинять, — сказал Паскуале с жаром, который удивил его самого, — но я хочу, чтобы все знали, что я видел.

— Синьор Аретино дает мне целую полосу, чтобы я переписал свою статью, вся первая страница моя. Точнее, наша. Ты понимаешь, что это значит, юный Паскуале? Нет, кажется, не

понимаешь. Но поверь мне, это очень важно, и важно, чтобы то, что я напишу, было новостью, а не пересказом всем известных фактов. У меня для этого все есть. Если ты расскажешь свою историю мне, а только завтра стражнику, какой в том вред? Человек уже умер; если его убил Салаи, он вряд ли скроется, потому что это станет доказательством его вины. А если он все-таки сбежит, городская милиция быстро найдет его. Слушай, Паскуале. Ты оказался в грязных водах и не понимаешь этого. Я восхищен твоим желанием восстановить справедливость, но подумай: ты согласился бы умереть, если бы это спасло жизни тысячи человек?

— Это зависит от ряда обстоятельств.

— Если бы они были твоими согражданами?

— Ну, наверное.

— Ага. А если бы своей гибелью ты спас только пятьсот? Или семьдесят? Или десять? Если бы ты положил жизнь за десять человек, что хорошего ты получил бы взамен, лежа, холодный и неподвижный, пока они, в таверне, стали бы пить за тебя и есть arista?[15] Какой смысл отдавать жизнь за общее дело, если лично ты не сможешь насладиться вкусом свинины с розмарином или чем-нибудь еще?

— Зато мои дети будут гордиться.

— Отличный ответ, но сомневаюсь, что у тебя есть дети.

— Ну, тех, о которых я бы знал, нет.

Никколо засмеялся:

— А если ты умрешь сейчас, то никогда и не будет, и таким образом ты их убьешь. Слушай, если хочешь погибнуть ради кого-нибудь, вызови врага на смертельный поединок и позволь ему убить тебя, по крайней мере спасешь одну жизнь — его.

— У меня нет врагов.

— Думаешь, нет? Может, и нет. Так к чему расставаться с жизнью?

Паскуале произнес, понимая, насколько жалко звучат его слова:

— Я только хотел рассказать правду.

Никколо ухмыльнулся.

— Если позволяешь себе предаваться пороку честности, то должен за это платить.

— А что порочного в правде? — Паскуале подумал, что любовь Никколо к спорам способна заставить его погубить чью-нибудь душу просто удовольствия ради.

— Твоя правда очень сильно отличается от убеждений убийцы Джулио Романо. Ты видишь убийство, а он верит, что спасся, а может, и нашел способ прокормить детей. — Никколо

отвернул пробку и снова глотнул из своей фляги, вздрогнув от пронзительного удовольствия. — Бр-р. Я стар, ночной холод быстро пробирает меня до костей.

— Это просто сообщение о факте. Как в статье. Безжизненное.

Никколо неловко взмахнул рукой и уронил пробку. Он неуклюже топтался, говоря:

— Мораль — это не игра в угадайку. Существуют законы, меры и весы. Где крышка?

Паскуале поднял ее и отдал Никколо, который закрутил флягу.

— Я устал, — сказал Никколо, словно тема была закрыта. — Теперь мне нужно поговорить с синьором Таддеи.

Паскуале пошел вслед за журналистом через регулярный парк. Толстый человек в богато расшитом платье, турецкая феска торчала на его всклокоченных редеющих волосах, спустился с лоджии. Это был хозяин палаццо, купец Таддеи, который спокойно рассказал, что весь дом готовился ко сну, когда раздался жуткий крик. Слуги метались в панике, пока кто-то не заметил свет, горящий в сигнальной башне, там и нашли тело, хотя пришлось взломать дверь, чтобы войти, — убийца запер ее за собой.

Никколо слушал купца не перебивая, и теперь он помедлил, словно в раздумье, прежде чем спросить, был ли дом к этому времени заперт.

— Разумеется, — сказал Таддеи, — хотя мне неприятно об этом говорить. Сейчас просвещенное время, но даже за городскими стенами мы вынуждены защищать себя от мошенников и воров. Иногда создается впечатление, будто швейцарские наемники, которые здесь, чтобы защищать нас, убивают невинных граждан похуже испанской болезни.

— Вы же еще должны оберегать покой гостей.

— Мастер Рафаэль сумел успокоить своих спутников. Если бы не он, они все унеслись бы в ночь на поиски убийцы.

— Мастер Рафаэль благоразумный человек, — сказал Никколо. — Кто-нибудь из стражников осмотрел стены вашего дома? Никто не смог бы выбраться через двери, если они были заперты, так что, возможно, наш убийца ушел через окно. А если так, должны быть следы там, где он приземлился, ему же пришлось прыгать сверху, ведь на уровне земли окон нет.

— Я попрошу капитана, чтобы он приказал осмотреть стены, если этого еще не сделали. Но у убийцы, должно быть, имелся ключ от сигнальной башни, потому что на ночь ее всегда запирают, если не требуется что-нибудь передать и никаких сообщений не ожидается. А если у него был ключ от башни, тогда

у него мог быть и ключ от одной из входных дверей.

— Верно подмечено, — кивнул Никколо. — Спасибо, что уделили нам время, синьор. Можно ли нам теперь осмотреть место убийства?

— Разумеется, если вам позволит капитан.

— Позволит, если позволите вы. Да, еще одно. Вы посылали или принимали сегодня какие-нибудь сообщения?

— Нет, ни одного. Как я сказал, башня была заперта. Когда обнаружили тело, кто-то из слуг тут же побежал звать милицию. Они квартируют в конце нашей же улицы.

Никколо задумался.

— Возможно, загадка разрешается просто, — сказал он наконец, — но мне необходимо осмотреть башню, прежде чем я приду к окончательным выводам. Идем, Паскуале.

Они пошли через парк к противоположной стороне лоджии, где у двери стояло два или три милиционера в белых жилетах и красно-белых рейтузах. Никколо спросил:

— Что ты думаешь, Паскуале?

— Это мог сделать кто-то из слуг, положим, у него был ключ от башни или он знал, где его взять. Даже если ни одного ключа не пропало, что ж, в поднявшейся суматохе убийца успел бы вернуть ключ на место, прежде чем кто-нибудь заметил его отсутствие. И слуге не нужно было бы убегать. Или это мог быть кто-нибудь из ассистентов или учеников Рафаэля. Но все равно непонятно, почему убийство произошло в таком месте, в высокой башне странного дома.

— Браво, Паскуале! Ты читаешь мои мысли.

— А почему вы не сказали об этом синьору Таддеи?

— Его оскорбило бы предположение, что кто-то из его слуг убил гостя. Когда задаешь людям вопросы, никогда не задевай их гордость, иначе придется добираться до истины извилистым путем. Оскорби гордость человека, и он ничего тебе не расскажет. Польсти ему, и постепенно он выложит больше, чем собирался.

Один из милиционеров, стройный юноша не старше Паскуале, пропустил их на деревянную лестницу, которая закручивалась винтом внутри сигнальной башни. Лестница была такой узкой, что пришлось идти гуськом. Никколо остановился на середине и покачал хлипкие перила, затем быстро зашагал дальше. У самого верха он обернулся к Паскуале и спросил:

— Ты когда-нибудь видел мертвецов?

— Конечно.

— А умерших насильственной смертью?

— Прошлой зимой я посещал анатомический театр в Новом Университете, чтобы знать, как устроен человек. Ничего такого я

не боюсь.

— Смелое заявление. Но ты помнишь, что мертвецы не кровоточат. А здесь, боюсь, будет море крови. И к тому же кишечник имеет обыкновение расслабляться в момент смерти. Ты, наверное, посещал занятия зимой, чтобы не страдать от запаха, а? Если тебе вдруг станет нехорошо, ничего страшного, Паскуале. В этом нет ничего позорного.

В маленькой деревянной будке наверху было два милиционера и капитан в красном плаще, и там было бы тесно, даже если бы они не жались к стенам, потому что тело Джулио Романо лежало на круглом возвышении в центре. Кто-то уже вытер липкую лужу вокруг головы Романо, добавив грязи к брызгам и разводам на гладких досках пола. В воздухе висел густой запах скотобойни, от которого у Паскуале свело скулы. Повсюду валялась бумага, разорванная на куски, самый крупный из которых был не больше человеческой ладони, под маленьким круглым окошком лежала куча осколков черного стекла.

Несмотря на опасения Никколо, Паскуале не стало плохо, его снедало любопытство. Он ждал, что же станет делать журналист, о чем спрашивать; кроме того, он ни разу не был в сигнальной башне. Тело лишь отдаленно напоминало живого человека, который удерживал за руку Салаи еще сегодня утром. Более того, оно напоминало плохо сделанный манекен, одетый в дорогую черную одежду и погруженный в самое себя, отстранившись от мира людей. Со мной не сделают ничего, казалось, заявляло оно, хуже того, что уже было сделано до моей смерти. Кожа на нижней челюсти была стесана до кости, в горле зияла глубокая рваная рана, наполненная темной вязкой жижей.

Деревянная будка, не больше корабельной каюты, была ярко освещена ацетиленовой лампой, висящей под круглым сводом потолка. Тело лежало на площадке высотой в половину человеческого роста. На этой платформе обычно стоял сигнальщик, глядя в подзорную трубу через окна в куполе, выходящие на все четыре стороны, на крылья ближайших сигнальных башен или на сложные передатчики Большой Башни. Прямо напротив двери находился противовес, который приводил в движение сигнальное крыло башни. Рядом с ним был медный рупор, грифельная доска в разводах и кусок мела на веревочке. Одно из маленьких круглых окошек было распахнуто, через него Паскуале видел огоньки, красный и зеленый, горящие на верхнем и нижнем концах сигнального крыла.

Никколо еще раз приветствовал капитана, достал небольшой блокнот и остро заточенный свинцовый стержень и спросил, лежит ли тело так, как оно было найдено. Вспомнив, для чего он

здесь, Паскуале достал из сумки лист бумаги и уголь, хотя пока не был готов рисовать.

Капитан сказал, отвечая на вопрос Никколо:

— Нет, конечно. Оно было привалено к двери, вы же видите, где текла кровь. Нам пришлось немало потрудиться, чтобы войти, и потом, чтобы положить его сюда для осмотра хирурга.

Никколо наклонился, изучая дверь. Он внимательно оглядел замок, провел пальцем по нижнему краю двери, потом выпрямился:

— Он был мертв, когда его нашли. Так сказал слуга.

Капитан, высокий человек с шапкой черных волос и аккуратно подстриженной по контуру квадратной челюсти бородой, походил на римского центуриона. Паскуале обнаружил это сходство в дюжине линий. Капитан сказал:

— Мертвее не бывает. У него сломана гортань; должно быть, удушье с потерей крови бежали наперегонки, чтобы прикончить этого бедолагу.

Никколо метался по периметру будки, обогнул ее раз, другой. Пока капитан со стражниками смотрели на журналиста, Паскуале начал зарисовывать тело, его согнутые руки и ноги, запрокинутую голову, лицо, на котором застыло отстраненное выражение, какого Паскуале не видел ни на одном живом лице. У него в голове как-то особенно прояснилось, когда он принялся за работу. Паскуале начал сознавать что смерть — это не просто потеря живости, а некие глубинные изменения. Такого он никогда не забудет, и теперь он меньше боялся смерти. После смерти уже не страдаешь. Не остается того, что может страдать.

Никколо высунулся в открытое окно, потом показал капитану руку, кончики пальцев были испачканы кровью. Капитан сказал:

— Кровь здесь повсюду. Словно этот бедняга кидался во все стороны перед смертью, может быть, пока убийца все здесь громил, — вы, конечно же, заметили рваную бумагу повсюду. Сигнальщик хранит записи всех сообщений, полученных или отправленных, эти обрывки, кажется, в основном от них. Тот, кто убил Романо, должен быть залит кровью с головы до ног. Поэтому я и думаю, что он не из домочадцев. Мы собрали всех, как только прибыли, а прошло не больше двадцати минут с момента обнаружения тела. Ни на ком не было следов крови, отмыться так тщательно и быстро невозможно. И ни на ком не было следов борьбы: ни царапин, ни синяков. Тот, кто это сделал, был просто ненормальный, несчастный Романо сражался храбро, может, даже пытался преследовать убийцу на лестнице.

— Вы очень наблюдательны, — заметил Никколо. — Я согласен, убийца не из обитателей дома. Пришел он через окно и

ушел так же. Кровь есть на подоконнике, а вот на перилах крови нет. Обыщите одежду Романо, ключ у него. Он заперся здесь с какой-то целью, а убийца застиг его врасплох. Была жаркая схватка, Романо пытался отпереть дверь, чтобы бежать, — на древесине возле замочной скважины свежие царапины, — он пытался и не смог вставить ключ, и тут-то его и настиг убийца. Когда все было кончено, убийца ушел тем же путем, каким пришел, через это окно, которое Джулио Романо открыл, чтобы зажечь сигнальные огни. Они до сих пор горят, как горели, когда я шел через парк и глядел на башню, хотя синьор Таддеи сказал, что этим вечером не передавали никаких сообщений. Он ошибся, но он не мог знать, что кто-то из его гостей захочет воспользоваться башней без разрешения хозяина. Еще мне кажется, в Романо теплилась жизнь, когда убийца ушел, потому что он снова пытался отпереть дверь, но сумел только поцарапать поверхность снизу и умер. Так его и нашли. Убийца едва ли смог бы прислонить тело к двери, а затем запереть ее снаружи.

Капитан возразил:

— Но ни один ключ не пропал. Убийца должен был запереть дверь, уходя.

— Нет, запер дверь Романо. Обыщите тело, и вы найдете ключ.

Капитан, улыбаясь, отдал приказ, словно Никколо предоставлял ему редкую возможность развлечься, и был рад поддержать потеху, только чтобы посмотреть, что же будет дальше. Приблизительно то же чувствовал Паскуале, во всяком случае ему казалось, будто бы он очутился в центре разыгрываемой пьесы и только Никколо Макиавелли знает, как сплетаются в ней линии сюжета.

Стражник, который обыскивал тело, показал ключ, капитан взял его и вставил в замочную скважину. Защелка задвигалась взад и вперед, и капитан улыбнулся:

— Очко в вашу пользу, Никколо. Но если ни одного ключа не пропало, откуда взялся этот?

— У синьора Таддеи есть ключ, поскольку он хозяин дома. У мажордома тоже есть ключ, потому что он обязан следить, как выполняются работы. Но должен быть кто-то третий. Нет сомнений, этот третий заверил вас, что ключ не пропадал, возможно, он даже показал вам ключ. Только это был не тот ключ.

Капитан выругался.

— Точно! Эй, Аккиоли! Приведи сигнальщика!

Другой стражник, который обыскивал тело, сказал:

— Тут у него еще что-то.

Он показал небольшую вещицу из белой плотной бумаги и

деревянных планок, что-то вроде лодки с двойным винтом на месте паруса. Все сооружение уместилось у него на ладони.

Капитан взял находку и показал ее Макиавелли:

— А что вы скажете об этом, Никколо? Здесь у него резиновый привод и рукоятка, чтобы вращать. Неужели игрушка?

Ногтем большого пальца, с неожиданной для него осторожностью, капитан повернул небольшой храповик. Лодочка начала подрагивать и вырываться. Капитан отпустил ее. Бумажные винты закрутились, и конструкция взвилась в воздух, взлетев так стремительно, что ударилась об одно из круглых смотровых окон. Затем резиновый привод ослаб, винты завращались медленнее, и лодка начала опускаться обратно.

Паскуале, отличающийся хорошей реакцией, подхватил ее раньше, чем она стукнулась об пол. Лодка была легкая, словно перышко: на самом деле перекладины, придававшие конструкции прочность, были сделаны из стержней птичьих маховых перьев. Голубиных. Ангелы, голубиные крылья слишком малы, чтобы поднять их. Механики.

— Механики, — сказал Паскуале. — Механики и ангелы.

Капитан обратился к Никколо:

— Среди механиков ходят разговоры об аппаратах, которые могут плавать по воздуху так же запросто, как рыбачьи лодки бороздят воды Арно. Вам не кажется…

Никколо сказал:

— Позволь мне, Паскуале, — и взял летающую игрушку, уставившись на нее темными глазами, глазами голубя, подумал Паскуале, больными, покрасневшими от многих лет пьянства, но по-прежнему зоркими.

Никколо отдал летающую лодку Паскуале и сказал:

— Не стоит выдумывать фантастических объяснений, пока не исчерпаны все обыденные версии. Только тогда мы начнем искать в этом деле следы ангелов. Это всего лишь игрушка, популярная в Риме. Я уже видел такие. — Он вскинул голову, услышав звук шагов, кто-то поднимался по винтовой лестнице. — Вот, кажется, идет наш пропавший ключ.

Сигнальщик оказался мальчишкой, по крайней мере лет на пять моложе Паскуале, с выбритой на белобрысой голове тонзурой и отдельными тонкими белесыми щетинками, пробивающимися на прыщавом подбородке. На нем было коричневое облачение длиной до щиколоток, с четырьмя карманами, подпоясанное широким кожаным ремнем, с которого свисал кожаный кошель и небольшой крестик розового дерева. Орден сигнальщиков существовал под крылом доминиканцев; и, даже считаясь более мирскими, чем сами монахи, они все равно

жили по суровым монашеским законам.

Капитан довольно мягко спросил мальчишку, есть ли у него собственный ключ от двери башни, и по тому, как парнишка переводил взгляд с одного мужчины на другого, Паскуале понял, что он уже готов сдаться. Мальчишка-сигнальщик расправил плечи и заговорил тонким, но уверенным голосом:

— Господин, синьор Романо заплатил мне, чтобы воспользоваться башней. Прошу вас передать меня в руки старших братьев моего ордена.

— Не сразу, — сказал капитан. — Здесь находится мертвое тело. Этот человек заплатил тебе, чтобы получить ключ?

Парень натянуто кивнул. Пот заливал ему лоб.

Капитан спросил резко:

— Он объяснил, для чего? Говори, мальчик! Он мертв, он уже не станет предъявлять претензий.

— Просто так, просто он хотел найти место для тайного свидания.

— Не для того, чтобы передавать сообщения?

— Я не позволил бы ему пользоваться аппаратом, господин.

Никколо вмешался:

— Все сообщения, переданные отсюда, должны проходить через Большую Башню.

Сигнальщик, готовый угодить, заговорил:

— Мы называем ее главным стволом. Она направляет движение сообщений по всему городу и контролирует местные линии на юге и севере.

Никколо повернулся к капитану:

— В ордене сигнальщиков очень тщательно ведутся записи. Если Романо удалось послать сообщение, вы найдете запись о нем. Без сомнений, оно должно быть простым, явно незамысловатым, тривиальным посланием, которое на самом деле является неким кодом. Синьор Романо был вынужден послать его сам, поскольку этот юноша отказался. Романо передал бы его простыми сигналами, которые с легкостью можно освоить, их знаю даже я. Каждый, кто ранее упражнялся в передаче простых сигналов, смог бы передать сообщение достаточно ловко, чтобы принимающий сигнальщик был полностью уверен — сообщение отправил тот, кто должен, в данном случае этот мальчик. Я прав?

— Он не говорил, что собирается пользоваться аппаратом, господин. Я уже сказал, я не позволил бы ему.

— Но, одолжив ему ключ, ты снял с себя ответственность, разве не так? — сказал капитан. — А теперь он мертв. Подумай об этом, сигнальщик. Ты проведешь ночь под замком, прежде чем

мы вверим тебя отеческим заботам ордена.

Когда сигнальщика увели, Паскуале спросил, что с ним теперь будет.

— Орден сигнальщиков разбирается со своими провинившимися братьями более сурово, чем это сделали бы мы, — сказал капитан. — Им приходится быть особенно щепетильными. Если все будут думать, что сигнальщиков легко подкупить, кто тогда станет верить сообщениям?

Никколо сказал:

— Я могу добавить кое-что еще, капитан. Надеюсь, вы сочтете мои наблюдения удовлетворительными.

— У вас отличная репутация, Никколо, — отметил капитан. — Если вы сможете сказать мне, что содержалось в послании и кто его получил, наверное, на этом дело и завершится.

— По-прежнему много вопросов остается без ответа, и содержание послания — самый незначительный из них. Меня больше занимают мотивы того, кто его отправил. Шпион ли он? Если так, знает ли об этом его хозяин, Рафаэль, не он ли отдал ему приказ?

— К сожалению, Рафаэль и его свита имеют дипломатический статус, их нельзя допрашивать, не говоря уже об аресте, — сказал капитан. — Разумеется, с этого момента их будут держать под строгим наблюдением, но это уже не моя обязанность. Я всего лишь простой капитан городской милиции, который обязан сделать все, чтобы поймать убийцу. А кто это был, почему он убил Романо, — боюсь, как бы ни был занимателен ваш рассказ, он едва ли даст ответ на эти вопросы.

— Я мало что могу рассказать об этом человеке, — сказал Никколо. — За исключением того, что он не искушен в искусстве убивать и, возможно, даже не был вооружен. На теле нет следов клинка, одежда синьора Романо не разрезана, ран нет ни на шее, ни на лице, порезов на ладонях, которые бывают, когда безоружный человек пытается защититься или же когда вооруженный человек отбивается от наседающего более могучего противника, тоже нет. Человек хватается за лезвие в последней отчаянной попытке спастись, даже если при этом режет руки до кости. Подобных порезов нет, зато есть раны, оставленные ногтями и, вероятно, зубами, синяки от невероятно сильной хватки. Романо забил до смерти в яростном поединке, как мне кажется, некто гораздо более сильный, чем он сам; и женщина обнаруживает невиданную силу, когда оказывается на краю гибели, — можно представить, как неистово сражался Романо, но его все равно победили. Значит, наш убийца человек чрезвычайной силы, возможно, крутого нрава. И этот человек не

был сообщником Романо в затеянном им деле: если бы он пришел вместе с Романо, который запер за собой дверь, чтобы его никто не потревожил, он знал бы о ключе и забрал его. Значит, придется предположить, что он влез через окно и так же ушел; я уже показывал вам следы его бегства: кровь, оставшуюся на подоконнике. Так что, если убийца Романо силен, при этом он еще и невелик или достаточно строен, чтобы пролезть в небольшое окно.

— По своему опыту, — вставил капитан, — знаю, что вор способен проникнуть в любое отверстие, в которое пройдет его голова. Некоторые воры обучают детей, и эти дети протискиваются в такие щели, которые могут показаться узкими даже для змеи. Но должен заметить, несмотря на множество известных мне дел о проникновении в дома, я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь забрался на башню, подобную этой, без снаряжения. Синьор Таддеи богатый человек, он нанял строителей, которые подогнали каменные блоки почти так же тесно друг к другу, как на виллах Геркуланума.

— Вы бывали в злосчастном городе? Вам повезло!

— У родителей моей жены ферма там неподалеку, они выращивают виноград на склонах Везувия.

— Склоняюсь перед вашим знанием преступного мира, римских развалин и, конечно же, архитектуры, но я тоже знаю кое-что о скалолазании; могу сказать — то, что возможно для опытного скалолаза, нам, тосканцам, которым тяжело взобраться даже на холм, кажется невероятным. Еще я заметил, что у Романо под ногтями застряли жесткие волоски, не человеческие, а, возможно, шерстинки с пальто или воротника убийцы. Зимой или просто в холода вроде нынешних пруссаки и швейцарцы носят пальто с воротниками из стриженого меха. Не исключено, что вам имеет смысл начать поиск среди флорентийских купцов. Худощавого сильного негодяя из какого-нибудь деревенского кантона, из Цюриха или Женевы, со свежими царапинами на руках и лице, потому что кроме шерсти под ногтями жертвы остались и кусочки кожи.

Капитан сказал:

— Папа нанимает швейцарских солдат наравне с флорентийцами. Это мутные воды, Никколо. Вы пропишете об этом в статье, и я не знаю, какие за этим последуют беды. Вам потребуется, я полагаю, разрешение самой Синьории, и мне придется показать там ваши записи и наброски вашего молодого помощника.

Никколо вздохнул:

— Разумеется, я буду помогать. Мы всегда работаем вместе,

капитан. Факты, никаких сенсаций.

Капитан сказал:

— Именно поэтому вам разрешили подняться сюда. Я знаю, что вы придерживаетесь фактов, Никколо.

— А я-то льстил себе, что благодаря моим сыскным способностям мне позволили стать свидетелем этого ужасного зрелища.

— Я всегда с благодарностью выслушиваю ваши предположения, Никколо. Вы же знаете. И я сообщу о ваших наблюдениях, но, боюсь, скоро это дело окажется уже вне моей компетенции. А теперь попрошу ваши заметки и рисунки, я прослежу, чтобы вас проводили до ворот.

* * *

Улица за воротами палаццо была пуста. Едкий смог и ужасный холод победили тягу толпы к скандалам. Никколо быстро дошел до угла, где осушил свою флягу. Он выпил все, что оставалось, и утер рот тыльной стороной руки.

Паскуале закурил сигарету и заметил:

— Могли бы оставить мне немного.

— Моя жажда не ведает щедрости, — ответил Никколо. Его била дрожь, он пытался согреться, пряча руки под мышками.

Паскуале подхватил его под руку, и они двинулись по улице в печатную мастерскую.

— Что вы будете делать теперь, когда милиция забрала ваши записи? — спросил он.

Никколо засмеялся и произнес с пафосом:

— Чтобы не позволить мне написать о том, что я видел, недостаточно просто забрать записи!

— Но капитан…

— Он следовал букве закона, чтобы защитить себя. У него есть мои записи и твои рисунки, он скажет начальству, что сделал все, от него зависящее, чтобы меня остановить. Но он знает, я все равно напишу об этом случае, а я знаю, что ты сумеешь восстановить наброски по памяти. Ты уже доказал, насколько хорошо твоя память служит твоему таланту. И еще у тебя осталась летающая лодка.

— Я положил ее в сумку. Вы считаете, игрушка что-то значит?

— Это не игрушка. Я сочинил все для капитана, чтобы ему не пришло в голову отобрать и ее. На самом деле ты должен беречь эту вещицу, Паскуале. Ты сможешь сделать это для меня?

— Конечно. Но зачем…

— Ах, как я устал, юный Паскуале! Свернем сюда. Здесь есть питейное заведение, открытое постоянно, если тебе не претит общество нищих и шлюх.

Длинная лестница спускалась в подвал, освещенный только небольшой жаровней, стоящей посреди устланного соломой помещения с земляным полом. Человек десять сидели на грубых, почерневших от копоти скамьях вокруг этого примитивного очага и пили терпкое молодое вино, наливая из общего кувшина. Крысы шуршали в темных углах. Неряшливого вида человек, хозяин притона, швырял камни в тех зверьков, которые отваживались выйти, привлеченные теплом жаровни.

Никколо оттаял после пары глотков вина.

— Я не работал так головой со времен следствия по моему делу, — сказал он. — Я уже забыл, как это утомительно — шевелить мозгами.

— Это правда, то, что вы говорили?

— Кое-что, несомненно. Хотя я не совсем уверен насчет мотивов, которые капитан припишет убийце.

— Может быть, Романо пострадал случайно. Может, он спугнул вора или шпиона, который передавал сообщение, — высказал предположение Паскуале.

— Тогда нам придется поверить, что Романо решил незаконно воспользоваться башней в то самое время, когда туда забрался вор. Не скажу, что это невозможно, но едва ли вероятно. Мы должны предполагать невероятное, только когда все правдоподобные версии окажутся неверными, и невозможное, когда не останется иного выбора.

— Но здесь должен быть какой-то заговор. Просто обязан! Конечно, это не совпадение, что помощник Рафаэля убит накануне визита Папы!

Никколо снисходительно улыбнулся этой вспышке. Паскуале осушил свой бокал и нацедил еще вина из общего кувшина: если ему придется платить, он должен получить свою законную долю. Когда он снова сел, Никколо заговорил:

— Мы пока в самом начале, Паскуале. Уверяю тебя, я весь дрожу в предвкушении погони, нет лучшего способа развеять скуку, чем разрешить подобную загадку, но сначала я должен убедиться, что выбрал верное направление.

— А что с этим летающим устройством? Я никогда не видел подобных.

— Оно может оказаться всем и ничем. Пока не знаю. Люди носят с собой множество странных безделушек, особенно художники. Что у тебя в сумке, Паскуале? Не считая монет, которые потребуются тебе, чтобы расплатиться за это забористое

вино? Думаю, там у тебя уголь и гусиные перья, небольшой нож для заточки перьев, листы бумаги, английский карандаш, кусочек мякиша подчищать наброски. Ламповая сажа и плоский камень, на котором смешивают краски. Это все выдает в тебе художника. Но я уверен, есть еще вещи, которые характеризуют тебя как личность и не имеют ничего общего с твоей профессией. Возможно, так же обстоит дело и с Джулио Романо. Мы нашли игрушку; если мы не будем рассудительны, она сможет обрести значение, которого в ней нет, и мы собьемся с пути, уйдем с прямой дороги, гоняясь за воображаемыми тенями. Да, она может оказаться важной, а может не значить ничего.

Паскуале сказал:

— В живописи значение всего можно разгадать. Вещи что-то обозначают, потому что за ними стоит история, за каждым жестом или цветком скрывается традиция. Я увидел, как взлетела эта игрушка, и подумал об ангелах…

Паскуале хотел, но не осмеливался рассказать о своем видении, картине, запечатлевшейся в его разуме, все еще размытой, но медленно проясняющейся, так предмет, скрытый в тумане, обрисовывается все четче по мере того, как к нему приближаешься. Нет, это был вовсе не тот метод, каким работал Никколо, собирая по кусочкам из оброненных деталей короткую историю жестокой стычки. Паскуале внезапно охватила жажда писать прямо сейчас, но он понимал: если он сделает это, подобное скверное начало отбросит его назад на дни, недели, месяцы. Полная картина либо ничего.

В подвале было сыро, но огонь жаровни согревал Паскуале, а запах дыма был лучше химической вони мастерских, которой до сих пор тянуло от его рубахи. С другой стороны жаровни худосочный, похожий лицом на хорька оборванец медленно запускал руку за пазуху жирной шлюхи, словно надеясь в итоге целиком заползти в расселину между этими питающими сосудами. Остальные сидели, в основном, клюя носом, разморенные молодым вином, зачарованные видом горящих в жаровне головней и собственными неведомыми мыслями.

Спустя некоторое время седой старик, сидящий рядом с Паскуале, заговорил. Багровая полоса шрама тянулась через левую половину его лица от глаза до угла рта. Он показал пальцем на шрам и спросил с сильным миланским акцентом:

— Интересуетесь, откуда у меня это, молодой человек? Давайте я расскажу вам, как получил его, строя канал для выхода в море. Механики использовали китайский порошок, чтобы взрывать крепкие скалы Серавилля, после одного такого взрыва горящие осколки попали на палатки, где жили рабочие. Немногие

выбрались из того пожара, потому что огонь попал и на склад порошка, но мне повезло, можно сказать. В ту ночь погибло больше народа, чем пало в войну с Египтом, но я отделался только шрамом. Теперь все фабрики используют силу воды того канала, который мы прокопали, они получают свои барыши… А что досталось мне, кроме пенсии и лица, от которого сворачивается молоко? Говорят, механики освободили людей, чтобы они стали самими собой, но их механизмы делают из таких, как я, скотов, пашущих до конца своих дней, а когда мы больше не можем работать, когда из нас больше нельзя извлечь пользу, нас вышвыривают.

Старик перекатил табачную жвачку от одной щеки к другой и сплюнул в жаровню длинную ленту слюны. Наклонившись вперед, чтобы посмотреть мимо Паскуале, он сказал:

— Я вас знаю, синьор Макиавелли. Я видел вас здесь раньше и слышал ваши разговоры тоже. Я знаю, вы согласны со мной.

Никколо, как заметил Паскуале, сразу же взбодрился и в то же время насторожился. Вино сделало свое дело, его жар изгнал озноб, как огонь факела рассеивает туман.

— Мы всегда свободны и можем быть самими собой, внутри себя, синьор, — сказал Никколо. — Но лишь немногие способны освободиться от телесного груза. Можно доказать математически, что труд по производству материальных благ не в силах обогатить тех, кто вынужден работать. На самом деле, для Республики лучше всего, если она будет богатой, в то время как ее граждане останутся нищими, потому что личное богатство порождает леность. Вспомните Рим, который четыре столетия со дня своего основания пребывал в глубокой бедности, но эти годы были счастливейшими годами Республики. Вспомните об Эмилии Павле, который, вместе с победой над персами, привез в Рим богатство, но остался беден сам. Как и завоевания, работа не делает человека богатым, но заставляет его оставаться активным, а не вялым бедняком.

— Прошу прощения, синьор Макиавелли, но теперь вы рассуждаете, как эти последователи Савонаролы. — В голосе старика сквозило осуждение. — Не могу сказать, что разделяю их убеждения.

— У меня есть причины уважать последователей мрачного пророка, — сказал Никколо, — но, слава богу, мне хватает здравого смысла не примыкать к ним.

Паскуале попытался вступить в разговор:

— Все это болтовня. Что толку в болтовне. — Оказалось, он опьянел гораздо сильнее, чем предполагал.

Человек, сидевший в тени за кругом света от жаровни,

зашевелился. Он оказался невероятно жирным, совершенно лысым, завернутым в залатанный шерстяной плащ.

— Последние дни настают, журналист. Зверь сидит на престоле святого Петра, он скоро умрет. Фальшивые крепости, возведенные гордостью и тщеславием механиков, будут разрушены. Напиши об этом в своих листках.

— Все знают, что мое оружие не бомбы, а слова. — Никколо допил вино и перевернул стакан, вытряхивая последние капли в солому под ногами. — Заплати хозяину, Паскуале, да пойдем. Надо изложить известную нам историю, прежде чем мы сможем улечься сами.

5

Паскуале вернулся в студию, когда уже пели петухи. Он устал, но был далек от того, чтобы спать. Пока он всю ночь работал, перенося на медь сцену убийства в сигнальной башне Палаццо Таддеи, синьор Аретино приносил ему чашечки густого горького кофе, нового дорогого напитка, привезенного из египетского протектората. Аретино сказал, кофе помогает от всех напастей и, в частности, гонит сон. Насчет последнего он оказался прав: хотя Паскуале устал как пес, он ощущал какую-то непонятную просветленность, словно только что очнулся от странного и удивительного сна.

Промышленный смог уже поднимался. За плоскими черепичными крышами скромных старых домишек, выстроившихся вдоль улицы, начали растворяться в свете зари лампы, заливавшие светом громадину Большой Башни. Зеленые и красные огни мерцали и подмигивали. Механические руки размахивали на вершине возвышающейся, словно утес, башни. Стаи крылатых посланий, невидимые, словно ангелы.

Город просыпался с рассветом. Домохозяйки гремели ставнями первых и вторых этажей, открывая окна, выливали помои в идущую вдоль улицы сточную канаву — новые дренажные системы механиков пока еще не добрались до этой части города — и болтали друг с другом через всю улицу, словно ласточки, щебечущие под стропилами амбара. Зазвонили колокола к утренней службе, здесь и там, далеко и близко, колокольный хор плыл над крышами города. Высокие трубы никогда не спящих мануфактур на другом берегу Арно выплевывали облака дыма высоко в утренний воздух, западный ветер закручивал их на определенной высоте, разгоняя смог. Грохот машин и станков был размеренным и неуловимым — монотонное биение промышленного сердца города.

Паскуале остановил мальчика-разносчика из булочной, купил у него кусок горячего хлеба, верхняя хрустящая корочка которого была испачкана золой. Два серебряных флорина, плата за ночные труды, лежали в сумке вместе с летающей лодкой, которую Никколо Макиавелли велел ему беречь, и свежим сложенным экземпляром сегодняшнего печатного листка — две его гравюры запечатлены между колонок ритмичного проникновенного текста Никколо Макиавелли. Паскуале ощущал себя единым целым с городом, словно был частью огромного сложного механизма, застывшего в миге от счастья. Он обрадовался даже обществу желтой костлявой дворняги, которая привязалась к нему по

дороге домой и бежала по пятам, пока вдруг не вспомнила о каком-то неотложном деле и не завернула в переулок.

Наверху лестницы дверь в студию была открыта, внутри горел свет. Россо уже трудился. Он растирал голубой пигмент, склонившись над камнем; на мастере был просторный, испачканный разноцветными красками фартук, рукава на веснушчатых руках закатаны; он водил по поверхности камня шершавой медной пластинкой, вымоченной в уксусе, быстрыми движениями превращая гранулы в тонкий порошок и смахивая его в коробку, которая уже до половины была заполнена небесного оттенка краской.

Паскуале ощутил укол совести и желание приняться за дело при виде того, как учитель занимается черной работой. Он поспешно вошел, извиняясь на ходу, но Россо отмахнулся от его извинений.

— Делай, как считаешь нужным, — сказал он. Лоб и щеки у него были в голубых пятнах, пальцы тоже прокрасились голубым. Создавалось впечатление, что он работал всю ночь, части картона на рабочем столе у окна были прорисованы в цвете — от бледных размывов до темно-коричневого и почти черного, — придавая объем пространству вокруг фигур.

Паскуале показал учителю два флорина, а затем печатный листок, который Россо поднес к окну и долго рассматривал.

— Бедный Джулио, — сказал он наконец. — Никто не знает, кто его убил?

Паскуале начал рассказывать учителю о расследовании Никколо Макиавелли, а Россо с рассеянным видом уставился в окно. Поток света проходил между ставнями, резко освещая половину его лица. Когда Паскуале договорил, Россо сказал:

— Во мне это есть, Паскуале, задатки великого художника. Этот дурак, брат — управляющий больницей, он ничего не понимает, ничего! Когда-то во Флоренции разбирались в живописи, но теперь — нет! Все эти ремесленники со своими механизмами, торговля и болтовня об империи под стать Древнему Риму. Но без искусства все пусто, Паскуале. Ничто.

Речь снова зашла о непонимании его работы: Россо в шутку изобразил похожих на дьяволов святых, а брат управляющий впал в ярость при виде того, что показалось ему богохульством. Россо отвернулся от окна и добавил:

— Тот глупый монах из сада орал на меня несколько минут, прежде чем ты пришел. Он спрашивал, нет ли у нас крыс.

— Он должен каждый день проверять свои виноградники.

— Присматривай за Фердинандом! — резко произнес Россо. — От него и так уже было немало неприятностей, а мне не нужно,

чтобы меня отрывали от работы. Я привязал его к твоей кровати, Паскуале, и не отвязывай его.

Он вписал два флорина Паскуале в переплетенную в кожу бухгалтерскую книгу мастерской, взвесил монеты на руке и отдал одну Паскуале. Они равны, повторял он периодически. Ему больше нечему учить Паскуале, и уже скоро Паскуале придется искать свое место в мире.

— Учитель, я никогда не перестану учиться у вас.

— Спасибо, — ответил Россо с неясной тоской, хотя он и улыбался. — В другое время, если бы дела шли лучше… Важнее становится не то, что еще сумеем сделать, а то, что уже сделали, Паскуале. Мы растворяемся в истории.

— Вы же знаете, это не так, учитель, — сказал Паскуале и неожиданно зевнул.

— Иди поспи. Несколько часов. Нам сегодня делать работу для этого чокнутого мастерового.

Паскуале провалился в сон, как только лег на кровать, даже не заметив привязанной длинной веревкой к каркасу кровати макаки. Он проснулся от криков обезьяны, сел и увидел, что животное исчезло. Макака сумела снять с ноги веревочную петлю. Люди тоже кричали: Россо в соседней комнате и монах в саду внизу. Паскуале подскочил к окну и увидел забившуюся в угол обезьяну, она верещала и вскрикивала, монах пытался выгнать ее палкой, а Россо осыпал проклятиями их обоих.

Паскуале ножом отрезал веревку от каркаса кровати и бросил конец Фердинанду. Тот понял, что это его шанс на спасение, и полез вверх по виноградной шпалере, цепляясь передними и задними лапами. Когда шпалера уже рушилась под весом животного, макаке удалось схватиться за веревку, чуть не выдернув Паскуале из окна. Монах отшвырнул свою палку и отскочил назад, куски шпалеры, оплетенные лозами, падали рядом с ним.

Фердинанд долез до верха, перепрыгнул через подоконник и приземлился на пол. И тут в комнату влетел Россо и принялся охаживать обезьяну по голове и плечам метлой. Паскуале встал между ними, крича, чтобы Россо, ради бога, прекратил, но все уже кончилось. Лицо Россо приобрело нормальное выражение, он отшвырнул метлу и обхватил голову руками. Обезьяна запрыгнула на кровать и закрыла голову одеялом.

Паскуале не знал, кого утешать, учителя или макаку. Монах орал в саду, произнося слова, которые не полагается знать слуге Господа. Как будто было мало одного его голоса, он обещал позвать стражу и братию.

— Помолись за нас, брат! — крикнул ему в ответ Паскуале.

— Выкажи христианское милосердие. — Он с грохотом закрыл ставни и обернулся к Россо, который уже сам успокоился.

Когда Паскуале принялся извиняться, ведь, в конце концов, это он научил макаку лазить по веревке и воровать виноград, Россо отвечал просто и монотонно, что это нисколько не его вина.

— Такова природа животного, Паскуале. Я счел это шуткой, ты помнишь, и до сих пор считаю насмешкой судьбы этот груз у меня на шее.

— Как вы думаете, он пожалуется в магистрат?

Россо прикрыл глаза ладонями:

— О, наверняка пожалуется. Он же низкая себялюбивая душонка. Помнишь, Данте оставил один круг Ада для таких столпов Церкви, которые удалились от мира, чтобы носиться с собственной духовностью, как скупец носится со своими монетами. По моему разумению, монахи именно таковы.

Макака, услышав их голоса, сняла с головы одеяло, и они оба расхохотались, когда обезьяна посмотрела на них, словно старуха, выглядывающая из складок своей шали.

Россо вздохнул:

— Нужно еще многое приготовить для сегодняшней работы.

Паскуале помог учителю растереть остатки пигмента, необходимого для этого заказа. Голубая соль, получавшаяся, если вымочить медь в уксусе, новый белый свинцовый пигмент, красный, полученный из растертых жуков, ярко-желтый сульфид ртути. Все они были взвешены в яичном желтке, разведенном водой и уксусом (отчего синий становился зеленым) или в клее (где синий оставался синим), и размешаны в больших деревянных ведрах, подготовленных специально для работы над фресками.

Заказ был довольно простым: нужно было нанести пестрый извилистый орнамент на стену банка на площади Синьории. Папа, выйдя на площадь в тени Большой Башни, окажется прямо перед фреской, превращенной какими-то механическими агрегатами в чудо. Во всяком случае так обещал механик, он ничего не рассказал о сути готовящегося фокуса, предпочитая все держать в тайне. Но заказ есть заказ, механик платил хорошо и вперед.

Фасад банка был покрыт слоем штукатурки, и под руководством Россо на него нанесли угольные контуры рисунка еще два дня назад. Были возведены новомодные леса, собранные из конструкций, смахивающих на членистые ноги насекомого, и своей правильностью совсем непохожие на подпорки с кривыми деревянными настилами традиционных лесов. Механик уже ждал Россо и Паскуале, когда те вскоре после полудня явились в сопровождении небольшого отряда чернорабочих, несших краски,

кисти, ведра, губки и все остальное.

Механик был пухлый молодой человек с круглым блестящим оливкового оттенка лицом, водянистыми голубыми глазами и аккуратно подстриженной бородкой. На нем была обычная одежда ремесленников: кожаная туника со множеством карманов, широкие черные турецкие штаны и начищенные кожаные сапоги с металлическими носами и пряжками под коленом. Его звали Беноццо Берни, он был дальним родственником великого сатирика.[16]

Для подготовки представления механика нанял банк, и Берни страшно нервничал, что из-за какой-нибудь оплошности ничего не получится и это погубит его карьеру. Он успел устроить большой скандал из-за задержки, вызванной празднованием Дня святого Луки, и теперь бурчал, потому что его аппарат уже был установлен. Он представлял собой механизм, слегка напоминающий катапульту, только вместо чаши здесь был ряд ацетиленовых фонарей и система линз и зеркал, через которую проходил свет. Механизм выделялся на фоне лесов, словно лягушачий скелет с выпученными глазами. Но какое отношение этот скелет имеет к крупным аморфным узорам фрески, Берни по-прежнему не сообщил.

— Придет время — увидите. Конечно, если все будет закончено вовремя.

Берни не воспринимал Россо как опытного мастера, нанятого, чтобы выполнить работу в меру своего таланта; он считал его скорее чернорабочим и настоял, чтобы он сам и его подмастерья, два безбородых мальчишки моложе Паскуале по меньшей мере лет на пять, проверяли каждую нанесенную на стену линию с помощью небольших медных инструментов, прикрепленных к полукруглым пластинкам. Рисунок был несложный, и потребовался всего час, чтобы пройтись вдоль угольных линий кистями, предварительно обмакнув их в красную охру, а затем стереть следы угля, оставляя только красный контур, sinopia.

Россо с Берни заспорили, как быть дальше. Россо заявил, что будет работать так, как работал всегда, переходя от одного участка к другому, сверху вниз, а механик хотел, чтобы каждую краску поочередно наносили на весь орнамент. Берни боялся, что оттенок будет различаться, если разные участки фрески расписывать одним цветом в разное время. Россо, выведенный из себя подобным утверждением, настаивал, раз от раза повышая голос, что он достаточно опытный мастер и разные участки фрески у него будут одного и того же оттенка; наконец Берни сдался и отошел, махнув рукой, и закурил сигару.

— Мы начнем сверху, как всегда, — сказал Россо Паскуале.

Если он все еще переживал из-за проделок обезьяны, эта небольшая победа несколько укрепила его веру в себя. — Идиоту пришлось объяснять, что иначе краска будет стекать на уже готовые участки. Сначала попробуем синий на сухой штукатурке. Я велел им нанести слой arricio для синего вчера, чтобы сэкономить время. Понадеемся, что они все сделали правильно. Темнеет, Берни обещал, что его механизм даст свет, но я не знаю, Паскуале, я никогда не работал при искусственном освещении.

Паскуале с Россо, работая в молчаливом единодушии, закончили синие фрагменты и проверили, как работники готовят и накладывают штукатурку на оставшиеся участки sinopia. Главным было убедиться, что штукатурка достаточно тонкая, чтобы быстро высохнуть до нужной степени, но в то же время достаточно толстая чтобы впитать краску. Когда штукатурка подсыхала, художники прорабатывали участок за участком, нанося краски, разбавленные лимонной водой, стремительными взмахами больших кистей из свиной щетины. На середине работы дневной свет угас, механик зажег лампы в своем аппарате, и линзы и зеркала рассеяли желтоватый свет по всему фасаду здания, так что теперь Россо и Паскуале работали среди угловатых теней от лесов и собственных силуэтов, движущихся на фоне фрески.

— Это не живопись, а беготня наперегонки, — бурчал Россо.

— Так мы же теперь маляры, учитель. — На самом деле Паскуале получал почти физическое наслаждение от одного только размазывания краски.

— Мы все сделаем отлично, как всегда, сказал Россо. — Мы все еще художники, чем бы мы ни занимались.

Паскуале написал достаточно фресок, чтобы знать о возможных сложностях. Грубые стены требовалось сделать гладкими, нанеся толстый слой сырой штукатурки, arriccio, либо прямо на кирпич и камень, либо на тонкие подкладки из тростника, чтобы защитить работу от сырости, главного врага фрески. Это само по себе являлось искусством: слой arriccio должен быть гладким, но не настолько, чтобы лишиться шероховатости, необходимой для наложения последнего слоя штукатурки, за консистенцией требовалось внимательно следить. Степень сухости штукатурки, при которой начиналась роспись, влияла не только на конечный цвет, но и на продолжительность жизни фрески: сыро, и краска уйдет слишком глубоко, оставив на поверхности только тонкий слой, сухо, и она впитается плохо и осыплется. Синие пигменты, разведенные клеем, можно наносить только на сухую штукатурку, их требуется отскребать и заменять каждые тридцать лет. Именно по этой причине фреску разделяли

на небольшие участки с помощью sinopia; быстрый набросок или законченный детальный рисунок покрывали, в свою очередь, еще одним слоем штукатурки, intonaco, которую накладывали порциями: маленькие заплатки, где требовалось прорисовать детали, например лицо или руки, заплатки побольше, где деталей было мало, например фон из драпировок или пейзажа.

Если бы это была настоящая фреска, они за один раз делали бы только один такой участок, один кусочек за день. Но сейчас, когда была дюжина одинаковых по размеру и разных по форме фрагментов, каждый окрашен в один из цветов радуги, они могли работать быстро, накладывая относительно сырую штукатурку на три участка зараз, так что, когда они заканчивали штукатурить третий кусок, первый уже можно было покрывать краской.

Хотя у художников были помощники, которые готовили штукатурку и разводили краски до нужной консистенции, подносили инструменты и ведра, Россо и Паскуале работали без передышки. Не было времени размышлять. Паскуале полностью отдавался тому, что делал в данный момент: проводил мастерком по свежей штукатурке, шлепал большой грубой кистью по зернистой, впитывающей в себя краску стене. Небо чернело за кругом света от фонарей механика. Ночные бабочки ударялись о Паскуале, привлеченные светом, его голые руки, в цветных пятнах от сухих красок, чесались от комариных укусов. Паскуале едва обращал на все это внимание, он был так поглощен работой, что Россо пришлось останавливать его, когда наконец все было закончено.

6

Паскуале смотрел, как рабочие разбирают нелепые сочленения лесов, когда Никколо Макиавелли нашел его. Паскуале сидел на перевернутом ящике, держа в одной руке черный хлеб с соленой треской, а другой наскоро набрасывая фигуры рабочих, фляга с вином стояла у его ног. К соленой закуске примешивался привкус медного пигмента и сухой штукатурки. Руки у него дрожали от усталости. Один рабочий, желтоволосый пруссак, был изумительно сложен, Паскуале решил узнать его имя, вдруг тот согласится позировать за несколько монет.

Россо разговаривал с механиком, стоя рядом с осветительной машиной. Макака Фердинанд жался к ноге хозяина, радуясь освобождению от цепи, на которой он просидел, пристегнутый к основанию лесов, пока художники работали. Помощники механика сражались с линзами аппарата, толстыми зеленоватыми стеклами в медной оправе на членистоногой арматуре, которые они двигали туда-сюда, подчиняясь нервным приказам мастера. Круги света гуляли по расписанной стене, тени от лесов множились и приобретали новые очертания. Лампы размеренно гудели.

Никколо Макиавелли прошел сквозь поток света от ламп, Паскуале едва не подскочил, узнав его, он был рад видеть журналиста. Может быть, тот уже разрешил загадку.

— Я отхлебну твоего вина, — сказал Никколо мягко. Пока он пил, Паскуале расспрашивал, как идет расследование.

— Ты ведь помнишь, я думал, несчастный Джулио Романо послал какое-то сообщение перед смертью?

Паскуале зажег сигарету и почти сладострастно выпустил кольцо дыма.

— Вы узнали, что там было? Капитан городской милиции собирался провести расследование.

— Сообщения не было. Капитан просмотрел все книги с записями. Ничего.

— Значит, Романо использовал башню с какими-то иными целями.

— Он же зажег сигнальные огни, Паскуале. Зачем он сделал это, если не собирался посылать сообщений?

— Может, это и было сообщением. — Паскуале вспомнил о летающей игрушке, спрятанной у него в сумке.

Никколо улыбнулся:

— Именно так я и подумал. Возможно, Романо хотел

передать сигнал не на принимающую башню, а кому-то рядом с палаццо. Может быть, сигнал означал, что путь свободен. Может, Романо был не шпионом, а предателем из окружения Рафаэля. А может, у него были личные дела. Или его заманил в ловушку убийца, тогда это означает, что кто-то желал его смерти или же хотел причинить боль Рафаэлю, убив его близкого друга.

— Что ж, нам неизвестно, был ли Романо предателем. Он мертв. Теперь Бог ему судья.

— Капитан дал мне поручение, Паскуале. И я хотел бы, чтобы ты мне помог. Я собираюсь поговорить с Рафаэлем, потому что у капитана нет на это прав. Рафаэль все-таки посол Папы. Пойдешь со мной? Тебе ничего не придется говорить, нужен только твой острый глаз, твое чутье художника.

— Я с радостью. — Паскуале был готов на что угодно, лишь бы увидеть Рафаэля. Как же ему будут завидовать другие ученики!

— По пути к Рафаэлю мы зайдем еще кое к кому, — сказал Никколо. — Я составил список врагов Рафаэля, и это имя стоит вторым. Микеланджело Буонарроти.

— Не может быть! — воскликнул Паскуале со смесью гневного возмущения и зудящего любопытства.

— Всем известно, что они непримиримые соперники. Микеланджело заявляет, будто Рафаэль ворует у него идеи.

— Говорят, из-за этого Микеланджело и поссорился с Папой. Но я сомневаюсь, что из-за этого Микеланджело стал бы убивать ассистента Рафаэля.

— Конечно, крайне глупо делать подобное во Флоренции, но гнев любого превращает в глупца, — сказал Никколо.

— Он правда согласился с вами поговорить?

— Прямо сейчас.

— Но если Микеланджело второй главный враг Рафаэля, то кто же первый?

— Ну как же, разумеется, тот муж, которому Рафаэль наставил рога. К сожалению, он один из патрициев, в данный момент правящих городом, и он был среди тех, кто бросил меня в тюрьму по ложному обвинению, так что мне едва ли удастся задать ему пару вопросов, даже если бы я захотел.

Паскуале спросил:

— А мне можно узнать его имя?

— Если в этом будет необходимость… но пока такой необходимости нет. Есть кое-что еще, — сказал Никколо Макиавелли и мягко взглянул Паскуале прямо в глаза. — Я получил нечто, что, видимо, следует считать смертельной угрозой: сломанный нож в конверте. Конечно, он может и ничего

не означать. Нам, журналистам, часто угрожают, и этот конверт прибыл уже после того, как печатные листки распространились по городу. Я принял бы это гораздо ближе к сердцу, если бы нож принесли до выхода листков. — Он поднес флягу ко рту и запрокинул голову. — Тьфу! Какая жуткая дрянь, Паскуале. Полагаю, синьор Аретино хорошо заплатил тебе?

— Более чем достаточно. Синьор Макиавелли…

— Никколо. Я не землевладелец. Уже нет. Испанцы все отняли.

— Никколо… Вы правда считаете, что Рафаэль участвует в заговоре против нашего города?

— Нет никаких доказательств. Я не собираюсь устраивать ему допрос, Паскуале. Я просто хочу поговорить с ним о его несчастном коллеге, который был так жестоко убит. Это не будет официальным расследованием. Оно невозможно, поскольку Рафаэль посол Папы. Его запрещено допрашивать, привлекать к суду, даже просто выдвигать обвинения. В противном случае мы бы весьма порадовали наших врагов. Все неофициально, на самом деле, поэтому нам и позволили вести расследование. Не должно быть никакого скандала, никаких слухов. Понимаешь?

— Прекрасно понимаю.

— Если ты здесь больше не нужен, иди попрощайся с учителем. Нам уже пора.

Хотя Никколо спешил, Паскуале убедил журналиста по дороге завернуть в студию, где он снял рабочую одежду и надел свою лучшую черную саржевую куртку, камзол с длинными разрезами, окантованными дорогим красным шелком, и красные рейтузы. Паскуале вымыл лицо и руки, старательно расчесал кудри и прицепил на затылок мягкую бархатную шапочку (Никколо к этому моменту уже нетерпеливо метался по комнате), сполоснул руки розовой водой, растер между пальцами несколько сушеных цветков лаванды и потер ими за ушами.

— Как я выгляжу?

— Прямо невеста для какого-нибудь счастливчика, — сказал Никколо.

— Я собираюсь навестить двух величайших художников нашего времени, разумеется, я должен выглядеть подобающе. Последний штрих. — Паскуале нашел лилию, сделанную из золотой фольги, и приколол к груди. — Тогда, — сказал он, — Рафаэль поймет, как я его уважаю. — Паскуале недоумевал, почему Никколо хохочет. Он прибавил: — Как вы думаете, мне взять меч? — Это был закаленный фламандский клинок с рукоятью, которую он сам отделал золотом и алой кожей.

Никколо был одновременно изумлен и разозлен.

— Мы просители. А раз так, мы должны убеждать остротой мысли, а не остротой клинка. Положи меч, Паскуале, и иди за мной.

* * *

Микеланджело владел недвижимостью на виа Джибеллина: тремя домами, стоящими бок о бок. В среднем доме была устроена мастерская, большую конюшню превратили в студию, подняв крышу на высоту трех этажей. Значительная часть помещения была отгорожена, за экраном, насколько знал Паскуале, находилась наполовину законченная героическая статуя в память о победе флорентийского флота в битве при Потоншане, когда подводные корабли Великого Механика потопили половину испанского флота, собирающегося завоевать Мексиканскую империю, а его «греческий огонь» прикончил бóльшую часть уцелевших. Микеланджело работал над монументом, время от времени, последние лет десять. Он никому не позволял на него взглянуть, даже членам Синьории, которые оплатили его, а завистники поговаривали, что он никогда не завершит работу.

Два ученика в рабочих халатах и бумажных колпаках трудились в ярком пятне света от ацетиленовых ламп над небольшим куском чистейшего белого мрамора. Звонкие удары металла по камню эхом отдавались в высоком помещении, ученики проводили предварительную обработку для извлечения скрытого в камне образа. В воздухе висел запах свежей мраморной крошки. Стол на козлах был завален инструментами: острыми железками, плоскими, зубчатыми и круглыми стамесками, щербатыми киянками всех размеров, пилками и коловоротами. Лохани с абразивами: наждаком, пемзой, соломой — стояли под столом. Надо всем этим, словно скелет одного из легендарных драконов, возвышалась паровая лебедка, на которой в мастерскую поднимали и спускали большие куски мрамора.

Микеланджело проводил Никколо и Паскуале в свой кабинет, небольшой чуланчик сбоку от мастерской, стены которого были увешаны рисунками с перспективами. Он усадил их на низкие стулья, дал по стаканчику с горьким артишоковым ликером и улыбнулся Никколо, который немедленно осушил свой стакан и сказал, что со стороны мастера было очень любезно согласиться ответить на несколько вопросов.

— Мне нечего скрывать. Прошлой ночью я работал здесь, сначала с ассистентами, потом один, но это было уже совсем

поздно ночью. Здесь было несколько моих друзей, могу назвать их имена, если потребуется.

— Вы очень любезны, но я уверен, в этом нет необходимости.

Микеланджело сказал:

— Я сожалею о смерти Джулио Романо, он мог бы стать большим художником, если бы не предпочел таиться в тени учителя. Но я никогда с ним не ссорился. Выпейте еще ликера, синьор Макиавелли. Этот ликер единственное, из-за чего я скучаю по Риму. Кстати, вы не слышали о Братстве Святого Иоанна Крестителя?

— Оно, как и ваш чудесный ликер, из Рима. Я знаю, его братья утешают несчастных арестантов.

— Именно. Я, знаете ли, тоже был членом этого Братства. Мы верили, что доброе можно найти даже в худшем из людей, как я нашел своего «Давида» в камне, который был обтесан и изрублен Симоне из Фьезоле (возможно, ты слышал о нем, Паскуале), преступление, по моему мнению, не лучше убийства. Поскольку я состоял в Братстве, я знаю все о судопроизводстве, синьор, и о наказании за убийство. Дела у меня, как видите, идут неплохо. Я не отказался бы от всего этого, особенно из-за какого-то Рафаэля.

— Возможно, — сказал Никколо, — вы знаете кого-нибудь, кто был в ссоре с синьором Романо.

— Я не поддерживаю отношений с римскими сплетниками, — твердо ответил Микеланджело. Он был худым, жилистым человеком с чрезвычайно широкими плечами и внимательными глазами под шишковатым лбом, изборожденным семью глубокими морщинами. Мастер подался вперед и встревоженно вскинул голову, вцепившись в края своего стула сильными руками. Пальцы были в порезах и шрамах, под одним ногтем чернел свежий синяк. Микеланджело постукивал по краю стула в такт бьющим по камню ученикам.

— Застарелая ненависть обычно не умирает, — сказал Никколо.

Микеланджело засмеялся:

— Это правда. Все думают, я в ссоре с Рафаэлем, но тот, кто сражается с никчемным противником, не получает и награды. Мое мнение о Рафаэле всем известно, я не отказываюсь от него, но мне есть чем заняться в свободное время, вместо того чтобы губить собственную репутацию. Свет постепенно прольется на это дело.

— Знаю, вы как-то сказали, тот, кто идет за другими, никогда не сможет оказаться впереди них, — напомнил Никколо.

— Именно. Те, кто не силах сделать что-нибудь достойное самостоятельно, едва ли могут извлечь пользу из того, что

сделано другими. Я ссорился не с Рафаэлем, а с теми, кто не видит в нем того, кто он есть. Что до Джулио Романо, ни у кого нет причин ненавидеть его, если только он не повздорил с кем-нибудь из ассистентов. При том, как Рафаэль ведет свои дела, я бы этому не удивился. Он так беспечен, ему следует попросить кого-нибудь заняться его делами. До тех пор пока он жаждет разбогатеть, он останется бедным.

— Я уверен, тот, кто убил Романо, был с ним знаком, но это человек не из близкого окружения Рафаэля.

— Я бы как следует допросил его ассистентов, синьор Макиавелли, вы ведь собираетесь встретиться с ними?

— Этим вечером, вы, может быть, слышали.

— А ты, Паскуале? Ты будешь помогать синьору Макиавелли своими советами?

— Помогу, чем смогу, — подтвердил Паскуале, польщенный и смущенный вниманием Микеланджело.

— Полагаю, тебе хватит сил, — сказал Микеланджело. — Твой учитель, Россо, помогал золотить моего «Давида», когда был еще ассистентом Андреа дель Сарто. Уверен, ты такой же прилежный ученик, каким был когда-то он.

Микеланджело извинился, отошел и о чем-то быстро и оживленно переговорил с ассистентом, затем вернулся, налил еще по стаканчику артишокового ликера, немного побеседовал с Никколо о политике, прежде чем вежливо дал понять, что ему нужно многое успеть до завтра, до поездки в каменоломни Серевеццы.

Никколо Макиавелли не выглядел разочарованным этой беседой, хотя Паскуале казалось, что они просто потеряли время, ведь они не узнали ничего неизвестного им до сих пор.

— Напротив. Мы узнали, что Микеланджело поныне неистово ненавидит Рафаэля, еще мы узнали, что он уезжает из города на несколько ближайших дней.

— Уезжает по этическим соображениям, чтобы не встречаться с Папой, — заметил Паскуале. — Об этом всем было известно заранее.

— Без сомнения. И если что-то произойдет, пока Микеланджело не будет в городе, никто не усомнится, что он невиновен.

— Он может нанять каких-нибудь негодяев сделать работу за него.

— Возможно, — бодро согласился Никколо. — Но разве ты не заметил, как он обращается со своими ассистентами? Он привык контролировать их работу: как только у него появилась возможность, он тут же прошел проверить. Такой человек, мастер

своего дела, не доверит другим завершать его работу. Я долго изучал поведение людей, Паскуале: Микеланджело не из тех, кто перепоручает другим важное дело. Теперь остается надеяться, что встреча с Рафаэлем пройдет так же успешно.

* * *

Толпы зевак за воротами Палаццо Таддеи не было, остался только одинокий страж из городской милиции. Он улыбнулся и махнул Никколо с Паскуале, чтобы они проходили. Ворота открылись веером; как и в прошлый раз, один сегмент застрял, Никколо постучал по нему, словно наудачу, когда они с Паскуале подныривали под ним. Мажордом палаццо, великолепный в своем малиновом, отделанном золотом костюме, глядящий серьезно и немного неодобрительно, провел их через несколько комнат в верхнем этаже, где размещались Рафаэль и его товарищи.

В комнатах, освещенных свечками, разбросанными, словно звезды, и дающими больше теней, чем света, царил совершенный беспорядок, словно в таборе цыган, наделенных не только сказочным богатством, но еще и восхитительным художественным вкусом. Каменные стены затянуты драпировками и фламандскими гобеленами. Кровати под балдахинами не прибраны, на них раскидана одежда, на смятых простынях подносы с остатками трапезы. В одной комнате обнаженный молодой человек спал, уткнувшись лицом в подушку, его зад в скудном свете белел половинками луны, в следующей комнате черные гончие псы развалились на подстилках перед жерлом пустого камина, в третьей — два человека за шахматной доской едва удостоили взглядами Никколо и Паскуале, идущих вслед за мажордомом.

Рафаэль возлежал на гигантской кровати в последней комнате, откинувшись на гору валиков. Он был в белой рубашке, свободно зашнурованной на гладкой безволосой груди, черных рейтузах с неприлично большим гульфиком и алых войлочных туфлях. Рядом с ним спала молодая женщина с распущенными волосами и обнаженными плечами, небрежно прикрытая покрывалом.

Седоволосый человек сидел на стуле рядом с кроватью, еще трое из свиты Рафаэля расположились у камина, придвинувшись к ревущему огню. Один из них, толстый человек с покрытой испариной круглой физиономией, громко и жизнерадостно объявил мажордому, что они начнут рубить мебель, если им не принесут еще дров. Мажордом поклонился и без возражений

сказал, что узнает, чем можно помочь, затем сообщил о приходе Паскуале и Никколо, откланялся и удалился скорее как вежливый хозяин, а не слуга при исполнении.

Рафаэль сел прямо, погладил лежащую рядом женщину по волосам, когда она зашевелилась во сне. Он приветствовал Никколо, словно старого друга, и вопросительно поглядел на Паскуале. Паскуале смело взглянул на него в ответ, хотя начал потеть в удушающей жаре комнаты.

— Мой помощник, — представил его Никколо.

Седоволосый человек зашептал что-то Рафаэлю на ухо, художник кивнул.

— Он ученик Джованни Россо, — произнес Рафаэль, глядя прямо в лицо Паскуале.

Его глаза с тяжелыми веками были полузакрыты, брови образовывали прямую линию над переносицей. Золотые нити были вплетены в копну длинных волнистых волос. Пройдет еще несколько лет, подумал Паскуале, и Рафаэль разжиреет, об этом можно было судить по пухлым запястьям и по тому, как подбородок перетекал в пухлую шею, когда мастер, словно султан, лежал, раскинувшись на валиках. Но эта мысль не уменьшила восхищения Паскуале: перед ним был самый богатый художник в мире, живописец принцев и пап. Он огляделся, в надежде увидеть наброски, картоны, может быть, стоящие где-нибудь на стуле неоконченные полотна. Ничего подобного не было.

— Паскуале оказался достаточно хорош, чтобы помогать и мне. Он был здесь прошлой ночью. Возможно, вы видели рисунки в печатном листке, иллюстрирующие мои статьи, — пояснил Никколо.

— Ничего особенного, — робко вставил Паскуале.

Рафаэль отмахнулся, словно от мухи. На всех пальцах у него были кольца, толстые золотые кольца с рубинами и изумрудами.

— Я не читаю печатных листков. Вижу, в одежде вкус не изменяет художникам Флоренции. Это краска у тебя в волосах или новый оттенок?

Паскуале покраснел:

— Прошу прощения, сир, у меня не было времени смыть всю грязь после дня работы, потому что дело срочное, хотя мастер Никколо слишком вежлив, чтобы говорить об этом вслух.

Седоволосый снова зашептал Рафаэлю в ухо, и тот промолвил:

— Раскрашивать задник для светового представления какого-то механика не есть настоящая работа, но, полагаю, вам не приходится выбирать.

Толстяк у камина заговорил с насмешливым негодованием:

— Это и есть девиз, сделавший Флоренцию центром художественного мира. Я столько раз слышал его, что больше слышать не желаю.

Еще один компаньон Рафаэля вмешался в беседу:

— У нас здесь есть враги, синьор Макиавелли. В частности, Микеланджело Буонарроти. Он бесится от зависти с тех пор, как утратил расположение Папы. Мы стали жертвой его ложных обвинений, его безумных притязаний на изобретение всех существующих в истории живописи техник. Он опасный человек.

— Мы не боимся Микеланджело. Но он умеет доставить хлопоты, и у него много друзей, — сказал Рафаэль.

— Много друзей среди так называемых художников, — вставил человек у камина.

Никколо заговорил примирительно:

— Я достаточно пострадал от ложных обвинений, чтобы понимать ваши опасения, но позвольте мне заверить вас, что мы здесь не служим никому, кроме правды. Вы все меня знаете. Вы все знаете, я не принадлежу ни к каким партиям, не принимаю ничьей стороны.

Это, кажется, удовлетворило Рафаэля. Он хлопнул в ладоши и громко потребовал вина, потом подмигнул Никколо:

— Уверяю вас, одно старое вино синьора Таддеи весьма недурно.

— Вы очень любезны.

— Таддеи мой хороший друг, Никколо. То, что произошло, само по себе удручающе. То, что это произошло в доме моего друга, еще хуже. Я помогу вам, если смогу и если вы, в свою очередь, будете со мной откровенны. Есть ли шансы, что убийца будет найден городской милицией?

— Я так не думаю.

Рафаэль обратился к седоволосому человеку:

— Я же тебе говорил! Им на нас плевать. Мы здесь среди врагов, опасность окружает нас со всех сторон.

— Нам не следует говорить об этом, — ответил седой.

— Конечно, — согласился Рафаэль, — конечно не стоит. Всему свое время, так?

Мальчик с сонными глазами, раза в два моложе Паскуале, внес золотой поднос с кувшином вина и полудюжиной золотых стаканчиков. Он налил вина, обошел всех, улыбнулся, когда Паскуале ахнул, удивляясь тяжести своего стаканчика, его маслянистой гладкости. Это было чистое золото стоимостью в его годичный заработок. У вина был богатый, насыщенный аромат.

Рафаэль опрокинул свое вино залпом, протянул стакан, чтобы

его снова наполнили, и вяло произнес:

— Что вы думаете, Никколо? Скажите правду. Вы знаете, я уважаю ваше мнение. Кто убил моего друга?

— Честно говоря, я еще не пришел к окончательному выводу, единственное, в чем я уверен, — убийцы в этом доме нет.

Толстяк у камина сказал:

— В нем есть только двести тысяч моих товарищей флорентийцев, и каждый из них с ножом за поясом и жаждой убийства в сердце.

— Замолчи! — Рафаэль ударил кулаком по кровати. Вино выплеснулось из стакана и растеклось по покрывалу. Женщина рядом с ним зашевелилась, но не проснулась. — Замолчи, — повторил Рафаэль, уже тише. — Джованни, ты прекрасный художник, особенно тебе удаются животные, но в данный момент ты не видишь дальше собственного носа. Я любил Джулио больше всех вас, и он мертв. Я хочу найти того, кто его убил, но еще сильнее я хочу, чтобы вы все вернулись домой целые и невредимые. Мы жертвы какого-то ужасного заговора, наши враги повсюду… но ведь нет ничего, что мы не смогли бы преодолеть, разве не так? Еще день, два дня, и Папа Лев будет здесь. А пока необходимо соблюдать осторожность. Вы все знаете, чего стоила мне моя слава. На каждого поклонника найдется два человека, которые заявят, что я всего лишь подражатель, я только копирую Перуджино, я ворую у Микеланджело. Я, чьи идеи похищали чаще, чем у многих других, чьи работы копируют и печатают во всех странах, не имея моего разрешения! — Он перевел дух, явно стараясь успокоиться. — Никколо, что вам известно?

Никколо дождался, пока внимание всех присутствующих обратится на него.

— Из моего опыта следует, — начал он спокойно, — что лучший способ узнать, как человек оказался жертвой убийства, — двигаться назад, начиная с момента его гибели. То есть узнать, что он говорил, что делал, что говорили ему и кто. Выяснить, кто его ненавидел, кто его любил, узнать, кто его враги и друзья. Я хотел бы поговорить с вами и вашими учениками, если позволите, обо всем, что происходило с Джулио Романо с момента его прибытия во Флоренцию. Это для начала.

— Вы хотите очень многого, — сказал Рафаэль.

— Прошу меня простить, но я интересуюсь только потому, что знаю, как много ваш друг значил для вас.

— И только? Вы понятия не имеете, сколько вам придется потрудиться, чтобы вернуть хотя бы одну десятую того, что значил для меня Джулио. — Рафаэль склонил голову, выслушивая тайные нашептывания седоволосого. — Все, чего я

хочу, — сказал Рафаэль, — чтобы ваш помощник подождал за дверью, пока вы будете задавать нам вопросы, Никколо.

Паскуале вспыхнул от гнева:

— Кажется, римляне обожают таинственность! Если я слишком откровенен, прошу меня извинить, не могу иначе, ведь я всего лишь простой флорентиец.

Седой человек произнес примирительно:

— Лично я из Венеции. А что касается таинственности, я слышал, флорентийцы обожают тайны больше всего на свете, особенно когда это чужие тайны.

— Прошу прощения, синьор, — сказал Паскуале, — мы не были представлены. Если вы из Венеции, значит, вы обожаете тайны больше любого римлянина и, конечно же, больше любого жителя Флоренции. Ваш город — город тайн.

— Лоренцо мое доверенное лицо, — сказал Рафаэль. — Я целиком полагаюсь на него. Прошу вас, молодой человек, подождите снаружи. Баверио, — обратился он к мальчику, который принес вино, — проводи друга моего друга.

— Все в порядке, — сказал Никколо Паскуале и прибавил шепотом: — Я потом все расскажу.

— И скажи им, чтобы принесли еще дров, — добавил толстяк, когда мальчик-слуга повел Паскуале к двери. — Воздух во Флоренции нехорош, но я забыл, что холода во Флоренции еще хуже.

— Они не хотели вас обидеть, — сказал мальчик Паскуале, когда они вышли из комнаты. — Мой хозяин уверен, что из-за своей миссии здесь он находится в смертельной опасности, и все его ассистенты убеждены, что их перережут одного за другим. Мы ведь художники, а не солдаты и не послы.

— Но вы же облечены некой миссией, — сказал Паскуале. — Мы так и предполагали.

Баверио казался несчастным: насупленное лицо, напряженные плечи.

— Извините, я ничего в этом не смыслю. Вот, присядьте здесь, я принесу вина, и мы поговорим. Я хочу помочь.

Они пришли в комнату, где у холодного очага дремали черные охотничьи псы. Паскуале сел на резной стул, позволил собакам обнюхать свои руки и потрепал их висячие уши. У его отца было две такие собаки, в своих деликатных пастях они могли принести подстреленную певчую птичку, не повредив на ней ни перышка. Гнев Паскуале прошел. Он ощущал только усталость.

Баверио принес кувшин вина и круг твердого сыра. Паскуале отрезал кусок сыра и принялся откусывать от него, запивая

каждый кусочек вином. Баверио наблюдал за ним. На мальчике была бархатная туника в темно-зеленую и черную полоску, с затейливыми пряжками из той же материи штаны и черные чулки. Золотой венец покоился на копне жестких каштановых волос.

Паскуале вспомнил венец, который Россо надел на голову ему, но только венец Баверио был из чистого золота. Паскуале сказал мальчику, что тот выглядит скорее как наследник престола, а не слуга, и спросил, художник ли он.

— Я немного рисую, но не очень хорошо.

— Каждый, кого как следует учат, будет в итоге рисовать хорошо. Конечно, при таком учителе, как у тебя…

— Тогда, наверное, мне не хватает честолюбия. Мне достаточно просто служить моему хозяину всем, чем могу.

— Ты сказал, что хочешь помочь. Может быть, ты расскажешь мне… Ты знаешь, зачем Джулио Романо пошел в башню?

Баверио покачал головой:

— Я помогал мастеру совершать вечерний туалет, когда мы услышали крики. Мы выскочили, все мы, и только тогда поняли, что Джулио среди нас нет. Но как он оказался в башне, что за сообщение отправлял…

Паскуале решил рискнуть, посчитав, что одна откровенность может стоить другой.

— Джулио Романо не отправлял никакого сообщения, но, возможно, он подавал знак, просто зажигая лампы на сигнальных крыльях. Знак кому-то за пределами палаццо, кому-то, кто ждал момента, чтобы прийти, или хотел узнать, безопасно ли сюда идти.

Баверио заговорил, волнуясь:

— Вы не имеете права думать, будто Джулио мог предать мастера! Он был лучшим другом учителя, мастер, который из одной только чистой любви служил своим талантом учителю, выполняя его заказы. Послушайте, Паскуале, если Джулио был убит кем-то не из палаццо, как предполагает синьор Макиавелли, тогда зачем Джулио подавать знак, что этот кто-то может беспрепятственно войти? А если кто-то пришел на условленный сигнал, зачем тогда он поднялся на башню, убил Джулио и сбежал?

— Думаю, именно поэтому у Никколо и появились вопросы. Это как картон для фрески. У нас есть общие контуры, но нет деталей. Вряд ли Джулио задумывал причинить вред твоему учителю или кому-то из своих друзей, Баверио, но, возможно, он допустил ошибку, выбирая союзников для дел, которые были ему поручены.

— Все дела поручены нашему мастеру, — сказал Баверио. — Выпейте еще вина, оно помогает от холода, даже если раздражает желудок.

— Вино очень хорошее.

— Благодарите за него синьора Таддеи. — Баверио сделался серьезным, подался вперед и заглянул Паскуале в глаза, обдав его волной мускусного запаха из круглого флакончика, висящего у него на шее. — Я сказал, что хочу помочь, и это не пустая болтовня. Пока остальные пытались прорваться в башню, потом искали ключ, я отправился в комнату Джулио. Не знаю, почему я решил туда пойти, но мне показалось, что он мог вернуться к себе. Мне показалось, я найду его в постели, и тогда все будет хорошо, так, как было раньше.

— Понимаю.

— Разумеется, его не было. Он спал в комнате, смежной с комнатой учителя, в такой же точно кровати, как у меня. Я знал, что его сумка все еще здесь, спрятана под подушку, и я заглянул в нее. Не знаю зачем. Мне стыдно, что я сделал это, я не сказал об этом никому, даже учителю. Только не Рафаэлю.

— Я никому не скажу, Баверио, даже Никколо.

— Это был нехороший поступок, — продолжал Баверио, — но в то же время правильный. Я кое-что там нашел и оставил у себя. Я услышал, как приближаются стражники, поэтому засунул это в свою сумку. Вот.

Баверио достал квадратик сверкающего стекла. Паскуале сначала подумал, что это маленькое почерневшее зеркальце, но черное покрытие было слишком непрочным, он соскреб кусочек ногтем большого пальца. И понюхал: острая химическая вонь.

Баверио сказал:

— Это было завернуто в черный шелк, и, когда я вынул его, оно превратилось из серого в черное, клянусь. Еще там была коробка из жесткой, выкрашенной черной краской кожи. На одной стороне коробки было что-то вроде подвижного засова, закрывающего маленькое отверстие. Но стражники унесли эту коробку вместе с остальными вещами Джулио.

— Какая-то механическая штука, — сказал Паскуале. — Такое же стекло, разбитое вдребезги, было в сигнальной башне. И еще там было вот что. — Он достал из своей сумки летающую лодку. — Смотри. Твой мертвый друг сжимал это в руке. Такие игрушки есть в Риме?

Баверио взял игрушку, повертел в руках, оглядывая со всех сторон.

— Никогда такого не видел.

— Я подумал, вдруг их делает какой-нибудь римский

механик.

— У вас же тут есть ваш Великий Механик. Может, он знает.

— Рад услышать хоть от кого-то из римских послов доброе слово о Флоренции.

Баверио сказал:

— Я видел вашего Великого Механика только вчера. Он дал нам аудиенцию и целый час говорил с моим учителем наедине. Он приглашен на праздник, устраиваемый в честь Папы, так сказал учитель.

— Тогда это будет первый раз за двадцать лет, когда он покинет Большую Башню. Он ждет нового Потопа, который смоет грехи мира и оставит после себя только чистоту в сердцах. Он написал по этому поводу несколько памфлетов, некоторые поговаривают, что ради них он и изобрел подвижный печатный пресс. Но я не Папа, Баверио. Я не могу спросить его сам.

— Тогда спроси какого-нибудь другого механика. — Баверио наклонил голову. — Учитель зовет. — Он отдал летающую игрушку и зачерненное стекло Паскуале. — Эти вещицы были важны для Джулио, Паскуале. Береги их. Узнай, что они означают.

7

Когда они направлялись к выходу за невозмутимым мажордомом, Паскуале спросил Никколо, что тот сумел разузнать, но Никколо Макиавелли лишь покачал головой:

— Не здесь.

Снаружи, когда за ними со скрежетом сомкнулись сегменты круглой двери, Никколо сказал Паскуале, что они подождут и понаблюдают с противоположной стороны улицы. Они укрылись в арке, глядя на ворота палаццо сквозь грохочущий поток уличного движения. Это была одна из главных оживленных улиц, в последний перед закрытием городских ворот час запруженная телегами и экипажами, велосипедами и vaporetti. В городе было полно народу из окрестных городков и деревень, приехавших посмотреть на Папу. Ацетиленовые фонари создавали тоскливое подобие дневного света.

— А кто, по-вашему, должен прийти? — спросил Паскуале.

— Мы ждем, кто выйдет. Я уверен, в это дело замешан не только Джулио Романо. Мы подождем и посмотрим, кто покинет дом, тогда мы узнаем, кто это. И мы пойдем за ним, потому что он приведет нас к тем, кто состоит с ним в заговоре.

— Все повсюду только и видят заговоры.

Никколо отпил глоточек из своей кожаной фляги.

— Когда я был секретарем…

— Разве сейчас время для выпивки?

— Заговоры были повсюду в те времена. Заговоры существуют всегда.

Паскуале ощутил прилив сострадания:

— Должно быть, вам тяжело об этом вспоминать, Никколо.

— Любые воспоминания тяжелы. Мы вспоминаем то, что было, и, вспоминая, неизбежно гадаем, как оно могло бы быть. Это в природе человека, вечно быть недовольным своей судьбой, неважно, богач он или бедняк. Нищий может проклинать патриция, проезжающего мимо в экипаже, думая, что вот там сидит беззаботный счастливчик, но тот же патриций может, выглянув в окошко, увидеть в оборванце свободного человека, не отягощенного ответственностью, налагаемой властью. Дьявол меня разбери, а здесь холодно! — Никколо дохнул на руки. В рассеянном свете далекого фонаря его заросшие щетиной щеки казались синими, а темные глаза — черными.

Паскуале закурил сигарету и предложил вторую, последнюю, Никколо.

Никколо улыбнулся своей меланхолической улыбкой:

— Это единственный порок, которому я не подвержен.

— В отличие от выпивки это просто удовольствие, оно не убивает тебя. — Паскуале тут же пожалел о своем нравоучительном тоне. — Вы говорили с Рафаэлем, а выглядите несчастным.

— С помощью вина я бегу от прошлого, забываю, что со мной было и что, я боюсь, может повториться, и думаю только о настоящем моменте. А подобные задачки, Паскуале, почти так же хороши, как вино. Человек, чтобы убежать от прошлого, нуждается в упражнениях для ума и скуке. Смотри! Вон туда, Паскуале!

Паскуале увидел два огонька, красный и зеленый, высоко над черепичными крышами палаццо. Огоньки разбежались друг от друга в разные стороны, затем снова сблизились.

— Сигнальщик под замком, но кто-то использует башню, — констатировал Никколо с видимым удовлетворением. — Если, конечно, синьор Таддеи сам не участвует в заговоре.

— Вы умеете читать сигналы? Что он передает?

— Я понимаю простые сообщения, если их передают не слишком быстро. Но это никакое не сообщение, крылья движутся просто так. Теперь подождем и посмотрим, что будет дальше.

— Что рассказал вам Рафаэль?

— Рафаэлю есть что скрывать. Он осторожный человек, друг князей… и, естественно, пап. В подобной компании учишься быть осмотрительным, если хочешь остаться в живых. Ему нельзя вести себя, как нашему Микеланджело.

— Он говорил о заговорах. Он прогнал меня, потому что опасался, не состою ли и я в заговоре. — Паскуале вспомнил о небольшом квадратном кусочке черного стекла у себя в сумке, рядом с летающей игрушкой. Он понимал, что должен рассказать Никколо о разговоре с Баверио, но не знал, с чего начать.

— Заговоры существуют постоянно в тех кругах, куда завели Рафаэля его амбиции. Подобные люди не доверяют никому и ничему. Это не личное отношение, Паскуале. Это дела.

— Я понимаю, но спасибо вам.

Они улыбнулись друг другу.

Никколо продолжал:

— Насколько я понимаю человеческую природу, человек открыт злу. Со времени Грехопадения люди обязаны бороться с собственной природой, чтобы достичь добра, поскольку сами они тяготеют к злу. Подумай о том, какой армии противостоит одно-единственное добро: честолюбие и неблагодарность, жестокость и зависть, стяжательство и леность. Особенно леность. В душе все мы пьяницы и проклинаем пьяницу не из ненависти, а из зависти.

Если бы мы были честнее, мы все должны бы были валяться в канаве вместе с ним.

— Никколо, вы говорите о людях вообще или о конкретных людях?

— О, я ощущаю это в себе, — сказал Никколо и отхлебнул из своей фляги.

Они замолчали. Движение немного затихло. Прохожие едва удостаивали взглядами Никколо и Паскуале; в конце концов, они не делали ничего особенного, просто стояли и глазели — любимое развлечение флорентийцев. Они наблюдали, как в свете фонаря у закрытого зева ворот взад и вперед ходит стражник. Один раз он остановился и, ссутулившись, раскурил трубку, затем выпустил длинную струю дыма и выбросил спичку.

Никколо, разглядывающий арку, под которой они стояли, бросил:

— Люцифер пал.

— Я все чаще и чаще думаю об ангеле…

— Люцифер Утренняя Звезда был князем ангелов, самым прекрасным из них до восстания. Мне всегда было любопытно, что задело Бога сильнее, Грехопадение человека или Его правой руки.

— Ну, Он послал Своего Сына искупить наши грехи.

— Возможно, наше спасение только первый шаг к спасению Люцифера. Но эту мысль не стоит повторять, Паскуале. Даже в вольнодумной Флоренции подобная идея может привести тебя к столбу как еретика, они уже пытались сжечь Савонаролу. Нельзя рассчитывать на то, что тебя спасет гроза. А о каком ангеле думаешь ты, Паскуале?

— Об архангеле Михаиле, который вывел Адама и Еву из рая.

— Совершенно непопулярная тема, надо признать. Знаешь, мне всегда казалось странным, что Грехопадению не посвящено никакого праздника. Наверное, тогда сложилась бы традиция, которой ты мог бы следовать. Хотя, полагаю, работы Мазаччо ты видел.

— В капелле Бранкаччи, да. Я признаю, что определенное напряжение ощущается в фигурах Адама и Евы, но они как-то грубо написаны, несчастному Адаму никак не распрямить ногу. Еще я видел аллегорию Мантеньи, где пороки изгоняют из сада добродетели. Но меня интересует сам ангел. Я хочу написать только его, и так, чтобы зрители сразу понимали, кто перед ними.

— Они поймут по горящему мечу.

— Тогда, наверное, придется обойтись и без меча. Я хочу сделать нечто новое… — Паскуале был смущен. Обычно он любил поговорить о задаче, которую поставил перед собой, но сейчас

был не пьяный разговор в таверне, а откровение. Он признался: — Я не знаю, с чего начать.

Никколо сказал:

— Полагаю, как и в писательском деле, начало самое сложное в картине. Погоди-ка. Что там такое?

Из ворот палаццо выехал экипаж. Один из новомодных. Его тянула одинокая лошадь, сам экипаж был больше в высоту, чем в длину, — увеличенный в размерах, поставленный вертикально гроб, зажатый двумя большими колесами. Возница свесился с высокого сиденья, чтобы сказать что-то стражнику, затем лепестки круглой двери разошлись и показался человек.

Это был толстый коллега Рафаэля, специалист по животным, Джованни Франческо.

Он влез в экипаж, и тот тут же тронулся. Как только он проехал мимо их арки, Никколо выбежал на улицу и остановил vaporetto со свободной пассажирской скамьей. Он прокричал вознице, что, если тот сумеет следовать за экипажем, получит неплохую награду, и замахал Паскуале:

— Покажи этому доброму человеку свой кошелек.

— Никколо…

— Быстрее! Мы его упустим.

Возницу, сгорбленного человека с надвинутым на лицо капюшоном, кажется, убедил флорин, сверкнувший среди горстки меди, он велел им сесть сзади и запустил машину, как только они забрались.

Маленькое vaporetto загрохотало вниз по виа де Джинори и обогнуло симметричную церковь на площади Сан-Джованни, которая сверкала чистым белым цветом в перекрещенных лучах фонарей с линзами, горящих по периметру фундамента. Котел vaporetto, подогреваемый мягким прусским углем, выводил одну-единственную печальную ноту, широкое облако отработанного грязного пара тянулось за ними в ночном воздухе, словно знамя. Паскуале с Никколо вцепились в перильца по бокам скамьи, подскакивая и стукаясь, пока безрессорные колеса грохотали по плиткам и римским булыжникам. Они проехали всю виа Романа, оказавшись в потоке, двигающемся на восток и на запад через Старый рынок, где экипажи, телеги и vaporetti обгоняли друг друга под звон колокольчиков и вой паровых свистков, под крики и проклятия возниц.

Никколо высунулся и закричал вознице, чтобы тот ехал как можно быстрее, на что возница огрызнулся:

— А что я делаю, синьор? Не думайте, что я ничего не смыслю в своем ремесле.

— Конечно, конечно, друг мой.

— Еще чуть-чуть, и привод лопнет. В новых машинах ремни, знаете ли, укреплены кованым железом, но эта модель одна из первых, в ее ходовых частях нет ничего, кроме дерева. К тому же дорога и так не слишком хороша для ее колесных валов.

— Лошадь, дорогой мой, шла бы быстрее. Я подумываю, не найти ли лошадь.

— Пожалуйста, если вам угодно, но я именно тот человек, который доставит вас в нужное место без задержки. Не волнуйтесь, я не упустил из виду ваш экипаж. Похоже, он направляется к реке.

— Мы же не можем бежать за ним всю дорогу, — сказал Паскуале.

Никколо обратился к вознице:

— Этот проклятый пар закрывает мне обзор. Надеюсь, вы едете за тем экипажем.

— Я тот, кто вам нужен, — повторил возница. — Вон он, видите, движется прямо по виа Калимара. Не беспокойтесь, он поедет через реку по Понте Веккьо.

— Если бы я его видел своими глазами, то был бы куда спокойнее, — ответил Никколо.

Паскуале высунулся наружу и, вглядываясь сквозь клубы пара, различил высокий силуэт черного экипажа впереди, довольно близко. Возница был прав. Они медленно потянулись в веренице других экипажей мимо лавчонок, стоявших по обеим сторонам моста. Лампы, подвешенные высоко над дорогой, излучали холодный яркий свет, двери лавок, в основном мясных и кожевенных, светились теплым желтым. Фрески на их каменных фасадах поблекли под слоем грязи и копоти. Между медленно ползущими экипажами сновали люди, предлагая возницам и пассажирам еду, питье и произведенные с помощью машин безделушки. В какой-то момент весь поток экипажей замер, и у возницы vaporetto появилась возможность загрузить новую порцию топлива. Паскуале снова высунулся наружу и увидел верх черного экипажа, от которого их отделяло полдюжины других транспортных средств, о чем он и сообщил Никколо.

— Он повернет налево после моста, — прокричал Никколо вознице, который кивнул в ответ.

Посреди моста в ряду лавок было незастроенное место. Проезжая его, Паскуале успел бросить взгляд на главный канал Арно. Большой двухмачтовый корабль, весь в огнях, шел со стороны Сардинии вверх по течению к новым докам. Это была «Царица Святого Розария», влекомая угольным буксиром с гребными колесами; завершался ее долгий путь из Новой Флорентийской Республики с Дружеских островов. Прохожие

останавливались поглядеть, как она выплывает из темноты. Паскуале охватило сильное волнение. Потом vaporetto передвинулось вперед, с шипением выпуская пар, и он больше не видел корабля.

Съехав с моста, экипаж повернул налево, как и предсказывал Никколо.

— Едва ли он направляется в Палаццо Питти, — пояснил журналист, — а выше по реке только лачуги мануфактурных рабочих и сами мануфактуры. Если нашему толстяку было бы нужно туда, он остановился бы на мосту и пошел пешком, чтобы не привлекать к себе лишнее внимание.

Экипаж еще раз свернул налево, на темную пыльную дорогу, с обеих сторон обсаженную кипарисами, которая тянулась по краю долины к южной стене. Трещали сверчки, полная луна низко висела над долиной, почти красная в дыме мануфактур. Vaporetto двигалось за экипажем на почтительном расстоянии, котел бурлил.

Наконец экипаж подъехал к воротам в ограде, окружавшей обширное поместье. Арку запертых на засов ворот венчал стоящий на задних лапах лев. Возница vaporetto проехал дальше, не замедляя хода, и Паскуале успел в последний момент стянуть Никколо со скамьи. Джованни Франческо высунулся из окна экипажа и разговаривал со стражником в штатском.

— Ради Христа, нам нельзя показываться ему на глаза! — воскликнул Паскуале, когда Никколо попытался встать. — Если нас заметят, мы пропали.

— Я хочу видеть, что он делает.

— Подъезжает к вилле, надо думать. Не высовывайтесь!

— Ты должен научиться никогда не доверять очевидному, — сказал Никколо, но остался сидеть внизу.

Как только они отъехали на безопасное расстояние, Паскуале велел вознице остановиться и развернуться. Никколо спрыгнул на землю и сказал, чтобы Паскуале отдал вознице всю мелочь.

— Жди нас здесь, — обратился он к вознице, — и тогда вместо этих монет получишь наш флорин.

— Я весь ваш, синьор.

— Я вижу. Идем, Паскуале.

Под пение сверчков они направились назад по залитой лунным светом дороге. С одной стороны тянулись огороженные стеной сады поместья, с другой — оливковая роща, из которой время от времени доносилось побрякивание деревянных колокольчиков пасущихся там коз.

Паскуале слегка упрекнул Никколо за вольное обхождение с чужими деньгами.

— Если помнишь, это я достал для тебя заказ. Я знаю, даже если ты потратишь этот флорин, у тебя останется еще один.

— Подумать только, еще утром у меня было два флорина, — вздохнул Паскуале, вспомнив, как в порыве великодушия отдал обе монеты Россо и как был рад, когда одна из них вернулась к нему. Но он же не знал, как все обернется; ладно, ему перепадет немного денег из гонорара за фреску для механика.

Никколо сказал:

— Получишь еще с этого дела. Это только начало. Подобные истории, разделенные на эпизоды, на многие дни увеличивают продажи печатных листков. Публика охотнее тратит время, читая досужие сплетни и домыслы, чем Платона и Ариосто, а я не из тех, кто станет отказывать ей в исполнении подобного каприза Кстати, ты не знаешь, чья это вилла?

— Какого-то венецианца, судя по гербу над воротами. — Паскуале подумал, что едва ли он на этом много заработает: что живописного можно увидеть, тайно проникая в чужой дом, пусть даже при свете луны? А если бы он и увидел, то все равно не смог бы ничего зарисовать.

— Отлично, — одобрительно произнес Никколо. — На самом деле это вилла Паоло Джустиниани, писателя и мистика, венецианского дворянина, ученика Марсилио Фичино. Ты слышал об этом последнем?

— Я знаю, что он колдун.

— Сначала он был священником и философом, но занятия привели его к темным наукам и астрологии. И к беспорядкам в Риме. Он слишком уж серьезно относился к своим опытам.

Паскуале, взяв Никколо за руку, остановил его.

— Мы не можем просто войти в ворота, — сказал он. — Джованни Франческо тут же узнает, что мы его преследовали. Не исключено, что нас заметили, когда мы проезжали мимо. Вы ведь торчали, как гонфалоньер на процессии.

— Они могли принять нас за честных рабочих, возвращающихся домой после трудного дня.

— Рабочие не ездят на vaporetti, Никколо. Даже если бы вы и сошли за одного из них, ни один рабочий не одевается так, как я. Если нам необходимо узнать, что происходит, думаю, лучше всего обогнуть стену и перелезть через нее где-нибудь подальше от света фонарей.

Конечно, все оказалось не так просто. В канаве, тянущейся вдоль высокой стены из грубых камней, рос терновник. Плащ Никколо то и дело цеплялся за шипы и за высокую траву, а Паскуале, к великому отчаянию, в двух местах порвал лучшие рейтузы. Он достаточно легко взобрался на высокую стену, а

затем ему пришлось изо всех сил тащить наверх Никколо.

Они спрыгнули вниз, приземлившись среди пыльных лавров. Перед ними лежала вытянутая лужайка, со всех сторон прорезанная гравиевыми дорожками, сходившимися в центре у большого фонтана в форме раковины. С одной стороны от лужайки тянулась кедровая аллея. Ветви деревьев колыхались, черные в лунном свете. Эта часть сада располагалась в самой высокой точке поместья, и Паскуале видел за черепичными крышами виллы ночной город, раскинувшийся в долине внизу. На самых высоких зданиях дрожал свет поднимающейся луны: на золотом куполе кафедрального собора, на Большой Башне и на башне поменьше рядом с ней, на площади Синьории, на колокольнях церквей, на частных особняках. Огоньки фонарей были разбросаны по главным улицам, а красные и зеленые огни сигнальных башен образовывали некое созвездие, с Большой Башней в центре.

— Нам надо быть осторожнее, — сказал Никколо хриплым шепотом. — Я слышал, этот Паоло Джустиниани преуспел в своих занятиях.

— Но разумный человек ведь не станет бояться колдунов.

— Колдуны идут нога в ногу с механиками. Они черное отражение науки, которое нельзя недооценивать. Точнее, колдовство — это тень науки, ведь там, где есть свет, должна быть и тень.

— Но только если свет не находится прямо над объектом или не льется равномерно со всех сторон.

Никколо ответил резко:

— Вот уж не думал, что придется обсуждать проблемы оптики с художником. Тоже мне занятие! Идем же. Мы должны разузнать что-нибудь еще, кроме того, насколько прилежно здешние садовники исполняют свои обязанности.

— За стеной они исполняют их весьма небрежно. Мой костюм испорчен. Если бы я мог предвидеть подобное, не стал бы одеваться, а вместо этого взял бы меч.

— Я подготовился лучше, — сообщил Никколо. — Держись поближе ко мне и делай, как я скажу.

Они двинулись к дому, прячась в тени кедров. Паскуале порылся в сумке и достал квадратик черного стекла. И сказал просто:

— Пока вы говорили с Рафаэлем, я получил вот это.

Никколо посмотрел сквозь стекло на луну, понюхал его, затем поскреб по черной поверхности ногтем и сунул палец в рот.

— Это может быть ничем, а может быть чем-то.

— Это было в вещах Джулио Романо, — сказал Паскуале и

рассказал о коробке, которую видел мальчик-слуга Баверио.

— Тогда это в самом деле кое-что. Не исключено, что ты обнаружил больше, чем я, Паскуале. Сохрани это вместе с летающей лодкой.

— Венеция в союзе с Папой, так?

— Да, но Паоло Джустиниани тут ни при чем. Он был с позором изгнан после некрасивого случая с девственницей и, насколько я знаю, с черным петухом.

— Может, он надеется вернуть расположение.

— Может. А может, Джованни Франческо тоже практикует черную магию. Возможно, они просто приятели, которые любят ходить друг к другу в гости. Предположения бывают полезны, но всегда лучше знать наверняка. А теперь, Паскуале, не шуми и будь осторожен. Здесь могут оказаться ловушки, а уж стражники есть наверняка.

Одноэтажная каменная вилла была выкрашена белой краской, крыша покрыта красной черепицей, на углу поднималась башня. Свет падал из всех высоких стрельчатых окон, и Паскуале с Никколо перебегали от одного окна к другому, пока не добрались до окна комнаты, в которой оказался жирный Джованни Франческо. Он стоял спиной к окну и лицом к пожилому человеку, небрежно развалившемуся в похожем на трон золоченом кресле с высокой спинкой. Одетый в черный балахон, в черной квадратной шапочке на длинных прямых седеющих волосах, он подпирал голову кулаком, выслушивая какие-то доводы Франческо.

Окно было закрыто по причине ночного холода (в камине горел огонь), и Паскуале различал лишь невнятное бормотание Франческо, не разбирая слов. Никколо, притаившийся рядом с ним, достал короткий полый кусок деревяшки. На одном конце у него было подобие раструба, к которому журналист приложил ухо, приставив второй конец к оконному стеклу.

— Этому трюку я научился у одного врача, — прошептал он. — Необходимо ознакомиться со всеми науками и искусствами, чтобы стать достойным гражданином. Будь начеку, Паскуале.

Они просидели, скорчившись, несколько минут. Никколо слушал через выдолбленную деревяшку, а Паскуале поглядывал то на темный сад, то на ярко освещенное окно. Потом голоса мужчин в доме зазвучали громче, Паскуале услышал, как Джованни кричит что-то о картинах. Он взмахнул небольшой деревянной рамкой, в которую была вставлена картина, выполненная на стекле.

Седовласый человек, без сомнения Паоло Джустиниани, вскочил с высокого кресла и попытался схватить картину.

Вначале Франческо отскочил назад, затем поклонился и передал хозяину дома картину.

Черный Джустиниани, на лице которого отразилось холодное удовлетворение, выслушал то, что говорил ему Франческо, а затем швырнул картину в огонь. Франческо всплеснул руками и закричал своим высоким, несколько хриплым голосом, что существует еще одна, сделанная в то же время, и было бы неплохо соблюдать соглашение, а Джустиниани ответил, так громко и звучно, что задрожали оконные стекла:

— Я больше не нуждаюсь ни в каких соглашениях!

Он стащил с головы черную шапочку, прижал ее к лицу и кинул что-то на черно-белые плитки пола.

Повалил коричневый дым, и Франческо отшатнулся, задыхаясь; хозяин же выскочил за дверь и захлопнул ее за собой. Комнату заволокло дымом. Франческо сначала стоял на коленях, потом упал на живот. Огонь в камине начал угасать, добавляя черного дыма к смертоносным испарениям.

Никколо сорвал с себя плащ, обернул вокруг левой руки и ударил локтем в стекло. Дым повалил наружу — отвратительная резкая кислая вонь, хуже смога мануфактур. Паскуале оттащил Никколо в сторону и сказал:

— Франческо наверняка мертв. — Он опасался, что на звон разбитого стекла прибегут стражники.

— Может быть, — сказал Никколо, — но основная часть дыма выветрилась, смотри, огонь снова разгорелся.

Он выбил остатки стекла и полез на невысокий подоконник. Паскуале вдохнул поглубже и последовал за ним.

Горло тут же начало саднить, глаза защипало, они начали слезиться так, что Паскуале почти ничего не видел. Вместе с Никколо они перевернули тяжелое тело Франческо, но по его выкаченным глазам и синим губам было ясно, что он уже умер. Паскуале вспомнил о картине и сумел выхватить обугленную рамку из вновь занявшегося огня. Это дорого ему обошлось. Грудь пронзила жгучая боль, изо рта и носа потекла водянистая слизь.

Никколо подставил Паскуале свое костлявое плечо и помог ему дотащиться до окна. Они вместе вывалились наружу, и Паскуале тут же вырвало, когда холодный свежий воздух, пьянящий не хуже вина, ударил ему в лицо.

Он сжимал в руке обугленную рамку с картиной.

Никколо помог Паскуале встать, и они вместе тяжело побежали в тень за кедровой аллеей. У Паскуале саднило в горле, железный обруч сжимал голову, но с каждым шагом молодой художник ощущал, как силы возвращаются к нему по мере того, как из легких выветривается ядовитый дым колдуна.

Добравшись до деревьев, они услышали сразу несколько встревоженных голосов. Паскуале упал на землю, Никколо распластался рядом с ним. Трава была мокрой от холодной росы.

— Я слишком стар для такого, — простонал Никколо.

Паскуале указал на три мужских силуэта, вырисовывавшихся на фоне разбитого окна. Он сказал:

— Они думают, Франческо пришел сюда с сообщниками. Ой, смотрите!

Три стражника, каждый с зажженным факелом, разбежались в разных направлениях. Где-то залаяла собака.

Еще две фигуры показались из тени на углу виллы и помчались через лужайку к высокой стене. Плащ хлопал за спиной у человека повыше, который бежал широкими ровными шагами, второй согнулся почти вдвое, странно петляя. Стражники увидели этих двоих и пустились за ними, от факелов полетели снопы искр.

— У Франческо в самом деле были сообщники, — сказал изумленный Паскуале.

— Мы пойдем к воротам, — велел Никколо.

— Их же охраняют!

— Может, стражник как раз участвует в погоне. — Послышались крики и одинокий пистолетный выстрел. — Одно ясно точно. Больше здесь оставаться нельзя.

Они обогнули угол виллы и побежали по широкой гравиевой дорожке к воротам. Дорожка расходилась в стороны у статуи грифона, сидящего на задних лапах и одной передней лапой опирающегося на щит. Когда Паскуале пробегал мимо него, опережая Никколо, он почувствовал, как что-то ударило его по лодыжкам. Он споткнулся и упал на четвереньки.

Статуя грифона над ним зашевелилась. Все его конечности задрожали, и он поднялся на задние лапы. Паскуале скорчился на земле в ужасе и изумлении. Щит упал с деревянным грохотом. Пар вырывался изо рта грифона, он издал рык и замотал головой. Глаза загорелись красными лампочками. По всей длинной дорожке, ведущей к воротам, вспыхнули большие лампы, шипя и плюясь, выбрасывая густой дым, отливающий белым в лунном свете. Где-то вдалеке загудел звонкий гонг.

Тут Никколо потащил за собой Паскуале, крича, что это всего лишь механизм, шутейная машина. Паскуале встал на ноги, ощущая себя болваном. Движения грифона уже замедлялись. Никколо оказался прав, это был механизм из разряда тех конструкций, которые художники вместе с механиками готовили для больших публичных представлений, столь обожаемых Флоренцией. Никакой магии пока еще нет.

Никколо размахивал пистолетом, странным оружием с каким-то зубчатым колесом над стволом.

— Смелее! — крикнул он. Его лицо оживилось, Паскуале понял, что Макиавелли живет именно ради таких отчаянных моментов, когда храбрость и удача решают, останешься ли ты в живых или умрешь.

Они побежали, и, когда были уже у ворот, в них выстрелил стражник. Никколо на бегу выстрелил в ответ, затем еще и еще раз, не перезаряжая. Стражник выскочил в открытые ворота, и мгновение спустя Никколо с Паскуале уже были на пыльной дороге и смотрели, как в их сторону на всех парах, на скорости галопирующей лошади несется vaporetto, окутанное густыми клубами дыма.

Они замахали, и им пришлось отскочить в сторону, когда машина завернула и резко остановилась, колеса прокручивались, оставляя борозды в мягкой пыли дороги. Возница крикнул, чтобы они залезали, и в то же мгновение отпустил тормоз, так что Паскуале пришлось запрыгивать на скамейку и тащить за собой Никколо, от усилия его руки едва не выскочили из суставов.

Когда vaporetto покатилось по круто уходящей вниз дороге, послышались выстрелы. Что-то разорвалось над головой, яркий свет разгорался и разгорался, пока не затмил собой полную луну. В этом движущемся магическом свете Паскуале увидел, что экипаж, возможно тот самый, который привез несчастного Франческо в логово колдуна, несется за ними на полной скорости. Никколо тоже это заметил и спокойно велел вознице ехать быстрее. Когда тот попытался протестовать, Паскуале достал из сумки флорин и протянул через плечо возницы. Не оборачиваясь, возница забрал монету, словно сорвал виноградину. Vaporetto рванулось, швырнув Паскуале с Никколо назад, на грубые доски пассажирского сиденья.

Никколо перевернулся на живот и издал придушенный смешок.

— Видел, как бежал тот стражник? Я бы его убил, если бы попал. Я стрелял, чтобы убить. Кровь во мне кипела.

— Судя по вашему тону, кипит до сих пор, — заметил Паскуале, ощупывая свои синяки. Он попытался сесть прямо, но от сильного толчка, когда vaporetto подскочило на колдобине скверной дорога, снова упал назад. Он выругался и сказал: — Мы так и не оторвались.

— У меня пистолет. Самозарядное устройство мало способствует меткости, но зато непрерывная пальба обескураживает любого, кто под нее попадает. Видел стражника? Он бежал, как испанец.

— Мы же не на войне.

— Любая схватка делает из людей животных. Они возвращаются к своей изначальной природе.

— Уже совсем скоро вам представится шанс еще раз вернуться к своей изначальной природе, — заметил Паскуале, глядя назад сквозь рваные клубы отработанного пара, которые оставляло за собой vaporetto. Черный экипаж остался далеко позади, поскольку лошадь не могла состязаться с машиной, которая, съезжая под горку, развила сумасшедшую скорость, но было ясно, что погоня не собирается сдаваться.

Спуск закончился, дорога стала ровной, по обеим сторонам потянулись дома, и vaporetto начало замедлять ход. Возница закричал, что вода в котле почти выкипела и вскоре ему придется остановиться, чтобы залить новой.

— Поезжай как можно быстрее, — велел ему Никколо.

— Если вода в трубах над горелками выкипит, все взорвется, — сказал возница. — Тогда нам конец.

— Кажется, нам потребуется ваш пистолет, Никколо. Они нагоняют, — предупредил Паскуале.

Когда он договорил, из темноты, с ошеломляющей внезапностью, вылетели арбалетные стрелы. Большинство не попало в машину, но две вонзились в сиденье и немедленно начали испускать едкий белесый дым. Паскуале выдернул одну стрелу из доски, в которой она застряла. Горячее древко оказалось нелегко удержать, наконечник стрелы был полый, в нем прорезаны отверстия, из которых и вырывался дым. Паскуале отшвырнул стрелу в сторону; пытаясь выдернуть вторую, он обжег руку. Мимо просвистела новая порция стрел, и Паскуале пригнулся. Одна воткнулась в доски прямо у него перед носом, уйдя в древесину до самого оперения, обычная стрела, но все равно смертоносная. Новые арбалеты метали стрелы с такой силой, что даже непрямое попадание могло убить.

Никколо вцепился в ножку сиденья, размахивая пистолетом. Древко дымящей стрелы, которая все еще торчала из пассажирской скамьи, внезапно загорелось. Миг, и яркое синее пламя заплясало по просмоленным доскам. Никколо схватил пистолет обеими руками и выстрелил в экипаж, все это время Макиавелли дико хохотал, так что Паскуале испугался, не спятил ли журналист.

Vaporetto сделало резкий поворот вправо на бульвар Сан-Якопо и внезапно оказалось среди рабочих. Те бросились в стороны, когда в их толпу врезалось vaporetto. Это были ciompi, [17] сменные рабочие с бессонных мануфактур. Они были одеты в поношенные, залатанные туники, подпоясанные веревками, обуты

в деревянные башмаки, на головах у них были бесформенные войлочные шапки, которые защищали от ночного холода. У многих головы были выбриты, таким способом механики пытались уничтожать вшей. Рабочие кричали и ругались, когда vaporetto проезжало мимо. Экипаж теперь был совсем близко, Паскуале видел кучера, стоящего на скамье, его рука поднималась и опускалась, нахлестывая лошадь.

Возница vaporetto обернулся через плечо, его лицо побелело, в глазах отразилось пламя, пляшущее на пассажирском сиденье. Он издал невнятный вопль и свалился со скамьи в толпу. Vaporetto, оставшись без управления, завихляло, замедлило ход и въехало в стену одного из домов на берегу реки. Водяные трубки открылись, выпуская горячий пар, крепление жаровни порвалось, горящие угли вывалились, пламя охватило днище повозки.

Паскуале спрыгнул тотчас же, но Никколо неколебимо стоял наверху горящей машины. Он разрядил свой пистолет в экипаж, который остановился, испуганная лошадь стала на дыбы. Вот она, картина для печатного листка: палящий из пистолета Никколо в языках пламени, отшатнувшаяся толпа, черный экипаж и бьющаяся в упряжи лошадь. Эти образы светились в мозгу Паскуале.

Никколо убрал пистолет и спрыгнул на землю. Паскуале подхватил его, и они побежали. Ciompi расступались перед ними, словно Красное море перед израильтянами. Из экипажа раздались выстрелы. Паскуале видел, как пуля попала в челюсть человеку в холщовой куртке, тот упал, заливаясь кровью, хлынувшей из развороченного рта.

Никколо задыхался, и Паскуале пришлось тащить его за собой, напрягая все силы. В конце концов, Никколо был пожилым пятидесятилетним человеком, несмотря на свою жилистость, он уже не мог так бегать. Внезапно Макиавелли споткнулся, выругался и схватился за ногу. Кровь сочилась между пальцами.

— Я ранен! — крикнул он и, кажется, как-то странно развеселился.

Паскуале потащил его дальше, осмелившись разок оглянуться: экипаж стоял среди рассерженной толпы. Впереди был Понте Веккьо. Его угловатая башня нависала над головами рабочих. Паскуале с Никколо заковыляли вперед, сливаясь с потоком ciompi, устало тащившихся после смены в свой квартал тесных лачуг или покорно шагающих на ночную работу. С наблюдательного пункта высоко над Флоренцией, с вершины Большой Башни отдельные личности в освещенной газом толпе, должно быть, были неразличимы. Два человека, бегущих, спасаясь от смерти, производили меньше волнения, чем булыжник,

брошенный в воду. На бульваре Сан-Якопо, вокруг горящего vaporetto, царило оживление, черный экипаж был окружен разгневанной толпой, которая внезапно расступилась, когда экипаж вдруг выплюнул язык пламени и клуб цветного дыма. После того как дым рассеялся, оказалось, что в экипаже никого нет. Но это было лишь эпизодическое волнение. Все волнения в спокойном течении городской жизни были эпизодическими, не более чем непредвиденные минутные сбои, песчинки, раздавленные приводным ремнем неумолимо движущегося механизма.

часть вторая
ЧТО ВВЕРХУ, ТО И ВНИЗУ

1

Вереница экипажей, которые везли Его Святейшество Папу Льва X, еще недавно Джованни ди Биччи де Медичи, двигалась в туче пыли, поднявшейся на многие мили, оставив позади деревушки Поццалатико и Галуццо. Его советники и слуги, пажи и повара, его карлики и шуты, в том числе и любимец отца Мариоано, доктора́ и мусульманский заплечных дел мастер, его телохранители и кардиналы Сансеверино Фарнезе, Луиджи де Росси, Лоренцо Пуччи, Лоренцо Чибо и Джулио де Медичи, каждый с собственной толпой слуг, поменьше, сопровождали предстоятеля Святого Престола. За кортежем маршировал отряд швейцарских пехотинцев, их отполированные нагрудники, шлемы, наконечники копий и алебарды сверкали, словно речная гладь в свете яркого солнца. Пятьдесят барабанщиков и флейтистов в пурпурно-белых мундирах вышагивали впереди.

Весть о приближении процессии летела впереди нее, как птицы летят, обгоняя лесной пожар. Сигнальные башни вдоль Сиенской дороги передавали сообщения из города и в город, непрерывно взмахивая своими крыльями. Когда процессия добралась до вершины последнего холма перед спуском в долину Арно, к ней начали присоединяться горожане, выехавшие верхом, в экипажах и vaporetto, и примкнувшие к официальному эскорту городской милиции, который двигался по бокам от папского кортежа, пока тот тащился по длинной, белой от пыли дороги. Знамена развевались, барабанщики бешено отбивали маршевый ритм, хотя на руках у них уже вздулись кровавые мозоли.

Был полдень, когда процессия наконец достигла обширного открытого пространства перед Римскими Воротами. Здесь она остановилась, и слуги кинулись, чтобы помочь Папе выйти из экипажа. На нем был ослепительно белый шелковый стихарь, богато расшитый золотыми нитями, белые перчатки тончайшей кожи, украшенные жемчужинами, и белые шелковые туфли. Папа был грузным человеком с грубыми чертами лица и выпуклыми близорукими глазами, складками жира на шее и изрядным брюшком. Украшенная драгоценными камнями тиара была пришпилена к буйным черным волосам. Казалось, его раздражает суета слуг, хотя он стоически переносил ее, не забывая махать толпе, собравшейся у ворот.

Принесли каменный постамент и помогли Папе взойти на него. Он достал небольшую медную подзорную трубу и несколько минут стоял, рассматривая город в долине, раскинувшийся по берегам пересеченной каналами реки, подернутой коричневой

дымкой. Папа поворачивался и так и этак, разглядывая щетинившиеся оборонительными сооружениями перестроенные стены: пневматическую пушку, стволы для загрузки ракет, баллисты, еще пушку и над каждой башней высоко в небе воздушных змеев в форме бриллианта с болтающимися под ними наблюдателями. Лев X сосредоточился на Большой Башне, возносящейся над скоплением красных черепичных крыш и подминающей под себя квадратную, прорезанную амбразурами башню площади Синьории и огромный позолоченный купол Дуомо, увенчанный сияющим золотым шаром и крестом. Дым, поднимающийся над мануфактурами вдоль реки, угловатый лабиринт доков, утыканный мачтами кораблей, словно булавочная подушечка — иголками, запутанная геометрия шлюзов, каналов и ворот, сдерживающих течение Арно, — Папа изучил все.

Может быть, он размышлял о жестоком убийстве своего отца в Дуомо, павшего от рук заговорщиков Пацци, или о восстании против тирании его дяди, из-за которого все их семейство до сегодняшнего дня было изгнано из Республики. Как бы то ни было, слезы катились по его нездорово румяным щекам, когда он убрал подзорную трубу и позволил поднять себя на прекрасного белого арабского жеребца и усадить в дамское седло. Страстный охотник, Папа тем не менее был скверным наездником и страдал от фурункулов, которые уже спустя несколько минут обращали в пытку сидение в узком, жестком охотничьем седле.

Но все равно он улыбался, когда процессия снова неспешно двинулась, вкатилась пышным потоком в огромные ворота и потекла по виа Маджио.

Толпа теснилась вдоль широких улиц. Папа беспрестанно раздавал благословения пухлыми руками, затянутыми в расшитые жемчугом белые перчатки. Половина собравшихся смотрела молча, помня о тягостном ярме правления Джулиано Медичи, когда, мстя за убитого брата Лоренцо, тот уничтожил половину городских купцов, а оставшихся разорил, заставляя их выплачивать его долги, или вспоминая слова знаменитой проповеди Савонаролы, из-за которой началась короткая, но кровавая гражданская война и Медичи в результате были изгнаны. Последователи Савонаролы, которым платил король Испании, изрядно потрудились, расписывая стены фразами, взятыми из обнародованных работ их опального вождя, — рабочие смывали краску, даже когда процессия уже проезжала мимо. Вторая половина толпы, опьяненная верой или вином или и тем и другим, радостно гудела, размахивала флажками и выкрикивала приветствия:

— Palle! Palle! Papa Leone! Palle! Palle![18]

Папа ехал медленно, два пажа вели его белого жеребца за раззолоченную уздечку. Восемь знатных горожан Флоренции поддерживали над головой понтифика полотнища муарового шелка, хитрым образом переплетенные и образовывавшие подобие балдахина в форме крыльев бабочки. Несмотря на этот полог, от дневного зноя обрюзгшее лицо Папы вскоре приобрело угрожающий багровый оттенок. Он часто останавливался, чтобы восхититься знаменами и гирляндами, свисающими со всех зданий, или посмотреть на небольшие живые картины. В одной из них дитя, одетое ангелом, благовещало рождение Христа юной девушке, одетой как Дева Мария, горящие нимбы дрожали над их головами; механический голубь слетел вниз, и из него брызнул луч яркого света, попавший в зеркальце, вшитое в платье девушки на уровне живота. В другой картине актер в сверкающих серебряных доспехах святого Михаила сражался с покрытым медью механическим змеем, поразил его в горло, и из ушных отверстий гада брызнула настоящая кровь. Была еще короткая картинка, в которой Христофор Колумб сходил со своего корабля, качающегося на волнах, сделанных из движущихся полос синей материи, и его встречали актеры, одетые лишь в набедренные повязки и головные уборы из перьев, и индейцы в красных пятнах от табачного сока, благородные дикари с Дружеских островов Нового Света. Далее Америго Веспуччи принимал мексиканский император Монтесума II, восседающий на небольшой ступенчатой пирамиде белого цвета, установленной среди бесчисленных серебряных и золотых блюд с маисом, свиными сливами, гуавой, алоэ, авокадо, бататом и маниокой.

Папа лишь мельком взглянул на эту последнюю картину, прежде чем тронуть коня. Рим придерживался убеждений Испании, что дикари Нового Света: и наивные индейцы с Дружеских островов, и гордые кровожадные мексиканские индейцы, и индейцы майя — должны быть покорены во имя Христа, а флорентийцы подвергают опасности свои души, якшаясь с дикарями и принимая их как равных.

При каждой остановке Папы его нескончаемый эскорт тоже останавливался и уже так растянулся по улице, что, когда задние ряды тормозили, передние снова пускались в путь. Каждый раз барабанщики барабанили, флейтисты выдували дрожащие трели, камерарии бросали из толстых кошелей монетки в толпу, солдаты дружно маршировали на месте, их лица блестели от пота, кардиналы свешивались со своих сидений и вытягивали шеи, пытаясь угадать, что же теперь привлекло внимание Его Святейшества, ведь потом им придется делиться впечатлениями.

Взрывы хлопушек и разноцветные дымы беспокоили солдат. На крышах, вырисовываясь на фоне неба, стояли лучшие стрелки, вооруженные недавно появившимися длинноствольными ружьями, высматривая возможных злоумышленников.

Так Папа постепенно миновал виа Маджио, переехал Понте Санта-Тринита, медленно проехал под триумфальной аркой из полотнищ и деревянных панелей, расписанных в мастерской Рафаэля, смонтированной только сегодня двумя сотнями рабочих. Лишь спустя пять часов после того, как он сел на коня у больших ворот, Папа Лев X наконец выехал на площадь Синьории под оглушительный звон колоколов и грохот канонады, переполошивший всех до единой птиц во Флоренции.

Приветственные крики становились громче, все больше счастливых горожан прикладывалось к золоченым бочонкам со сладким белым вином, по периметру площади на козлах под навесами были установлены столы, ломящиеся от угощений. Любопытные высовывались из всех окон, всевозможные братства потрясали своими штандартами и знаменами, и полчище странного вида священных ликов, казалось, внимательно смотрит на Папу на коне, которого медленно вели по площади. Пятна цветных огней закружились по оштукатуренной стене Первого Республиканского Банка, заплясали в наступающих сумерках.

Члены совета Синьории и другие чиновники сидели на помосте под навесом, за их спинами на пьедестале стояла чудесная статуя Мадонны, привезенная из Импрунеты, она была наряжена в золотые одежды. Два пажа подвели коня Папы к членам совета, слуги кинулись вперед и установили сбоку от жеребца подобие платформы, чтобы Папа мог сойти с дамского седла прямо на помост. Гонфалоньер с непокрытой головой, в черном шелковом наряде с алой отделкой вышел вперед, опустился на колени у ног Папы и поцеловал украшенные кисточками носки белых туфель Его Святейшества, а священники звонили в колокольчики, размахивали кадилами, источавшими сладкий сандаловый дым, и кропили всех вокруг святой водой.

Папа поднял гонфалоньера и церемонно поцеловал, обхватив его голову обеими руками, словно тот был его возлюбленным сыном. Толпа взорвалась приветственными криками.

И посреди площади, с механическим шумом, которого почти не заглушали фанфары, перед огромным белым занавесом раскрылись половинки гигантского космического яйца. По краю нижней половинки яйца тянулись окошки с изображениями знаков зодиака, подсвеченные лампочками. Внезапно вспыхнул яркий свет, когда в центре конструкции разгорелось солнце из ламп с линзами, оркестр механических инструментов заиграл

странную монотонную музыку, актеры, наряженные в соответствии с поэтическими описаниями планет и стоящие на золотых дисках, начали медленно и плавно вращаться по своим орбитам.

Папа изумленно взирал на зрелище близорукими глазами. Толпа радостно приветствовала хитроумную конструкцию Великого Механика.

Это было еще не все. Зажглись огни на самой Большой Башне. Затмившие заходящее солнце лучи света, протянувшиеся над головами публики, казались плотными. На белом экране за космическим яйцом возникали и исчезали картинки, внезапно слившиеся в образ ангела, который вдруг пошел вперед шаткими шагами. Половина толпы закричала, другая половина ахнула. Папа, неожиданно забытый на фоне этого чуда, схватился за наперсный крест.

Ангел улыбнулся, склонил голову и на миг сложил большие белые крылья. Когда они снова раскрылись, возник детально воспроизведенный ландшафт, механизированная Утопия, где все реки были выпрямлены и прорезаны каналами, все города симметричны и огромные машины шумели в воздухе.

Потом видение пропало. Толпа шумно выдохнула, со всех сторон космического яйца взвились фейерверки, выбрасывая хвосты искр, похожие на кометы, и высоко взмывая в золотых и серебряных брызгах. Тысячи белых голубей взлетели высоко в воздух над головами ревущей толпы, а изнутри космического яйца звездные божества, одетые в серебристые одежды, с раскрашенными золотом руками и лицами поднялись на колонках и сошли на помост приветствовать Папу.

2

Паскуале видел фейерверк из высокого двухстворчатого окна комнаты Никколо Макиавелли. Он сидел за письменным столом, набрасывая ангелов в различных позах и ракурсах, уделяя особенное внимание связи крыла с рукой и телом. Окно выходило в узкий темный двор, и Паскуале с трудом различал, что он делает. Небо синюшного цвета над скоплением терракотовых крыш, казалось, отдавало последний свет, но Паскуале было лень зажигать толстую свечку.

Он склонился ниже над листом толстой бумаги, обратной стороной какого-то официального документа прошлого столетия, быстро и точно прорисовывая складки рукавов одеяния ангела, зависшего в воздухе с прижатыми друг к другу ногами и широко раскинутыми руками. Тень и свет в складках одеяния смешивались без видимых линий. Мягкая ткань контрастировала с длинными маховыми перьями крыльев, что по высоте были больше тела, которое они несли. Паскуале явственно видел облик ангела. За его спиной полыхал неистовый свет, а за этим светом начиналась бескрайняя, похожая на парк местность, прорезанная белыми дорожками и населенная всевозможными животными, включая даже больших драконов, которые не пережили Потопа. Все существа здесь источали свет, огонь Божьего гнева.

Все хорошо, но он по-прежнему не видел лица ангела.

Письменный стол был завален бумагами, лежащими просто так и стопками, перевязанными лентами. Еще здесь были связка гусиных перьев, чернильницы, поднос с песком, раскладной письменный прибор. Рядом со столом стоял книжный шкаф на сотню книг, было несколько переплетенных в телячью кожу томов ин-октаво, остальные просто дешевые книжки в бумажных обложках из новых печатен. Авторы древние и современные. «Неистовый Роланд» Ариосто в трех томах, «Андрия» Теренца, «Республика» Цицерона, Данте, Ливий, Платон, Плутарх, Тацит. И «De Revolutionibus Orbium Celestium» Коперника, «О путях света и Микрокосме» Гвиччардини, «Трактат о возвратном движении» Леонардо. И две пары собственных пьес Никколо: «Белфагор», «Осел», «Мандрагора», «Искушение святого Антония», толстая стопка полемических изданий и памфлетов. Паскуале больше ни у кого не видел такого набора книг.

Что касается прочего убранства комнаты, здесь была черная плитка, по бокам от нее пара кресел в форме ложки, на стенах множество картин в позолоченных рамках (среди них выделялись выполненные маслом портреты покойной жены Никколо и его

детей), *cassone*[19] с треснутой передней панелью и низенькая кровать, на которой среди пыльных подушек, раскрыв рот, спал сам Никколо. Повязка на левом колене была испачкана засохшей кровью. Пустая бутылка из-под вина валялась на ковре. Никколо заглушал боль в раненой ноге вином и мутным абсентом, выпивая со все возрастающим отчаянием, пока в итоге не заснул.

Паскуале тоже проспал большую часть дня, свернувшись клубочком на старом марокканском ковре, которым был застлан дощатый пол. Он почти не спал последние два дня и был измотан ночными похождениями. К тому времени, когда он промыл и перевязал рану Никколо, глубокую кровавую рану в мягкой ткани над коленом сзади, и рассмотрел стекло в разбитой рамке, которое выхватил из очага, небо начало светлеть, автоматическая пушка выстрелила, сообщая об открытии городских ворот, и колокола церквей зазвонили к утренней мессе.

Паскуале скинул на стул свой лучший черный саржевый камзол, теперь покрытый пятнами пота и копоти, и заснул. Разбудила его несколько часов спустя хозяйка Никколо, синьора Амброджини. Это была маленькая сварливая старушка, не выше четырех футов ростом, со спиной, сгорбленной годами труда, до сих пор носящая траур — многочисленные черные тряпки, по мужу, умершему десять лет назад. Она приглядывала за всеми комнатами в доме, где жил Никколо, беспорядочно выстроенном, выходящем задним двором на виа дель Корсо, на полпути между площадью Синьории и Дуомо. Ее побаивались и любили квартировавшие здесь неженатые студенты, странствующие писатели, музыканты и механики, коих возмущало, ее насмешливое отношение к их томной рассеянности и подкупала ее суровая, самозабвенная преданность.

Хозяйка ворвалась в комнату Никколо вскоре после полудня, слабо вскрикнула, увидев спящего на ковре у письменного стола Паскуале, вскрикнула громче, заметив раненую ногу Никколо, лежащую в приподнятом положении на подушке.

Тревога сменилась приступом какой-то сердитой материнской любви. Синьора Амброджини заметалась взад и вперед, приказала Паскуале вскипятить воды на плитке и велела Никколо, все еще не проспавшемуся, спустить ногу на пол. Она промыла рану и аккуратно перебинтовала ее, искоса поглядывая на Паскуале, словно это он был повинен в страданиях ее постояльца.

Никколо вынес все стоически и с добродушным юмором, как он обычно воспринимал синьору.

— Мы попали в небольшую переделку, — сказал он и улыбнулся, когда она принялась отчитывать его.

Синьора Амброджини всплеснула руками:

— В вашем-то возрасте! Вам нельзя тягаться с молодыми повесами вроде этого, — прибавила она, бросая на Паскуале сердитый взгляд. Ее глаза, черные и живые, сияли на прорезанном глубокими морщинами лице. Белые волоски, жесткие как проволока, торчали из подбородка.

— Я знаю, я усвоил урок, — сказал Никколо. Он поглядывал на недопитую бутылку вина, стоящую на письменном столе, но не осмеливался попросить ее. Синьора Амброджини не одобряла его пьянства. Он добавил: — Но, полагаю, я все равно в выигрыше.

— Шатаетесь где ни попадя! — закричала синьора Амброджини и патетически закатила глаза. — А теперь вот пропустите приезд Папы, и я вместе с вами, пока вожусь здесь! Господи! Что вы со мной делаете, синьор Макиавелли?!

— Вы же знаете, вам не стоит идти смотреть процессию, — заговорил Никколо терпеливо. — Из-за толпы. А что касается меня, там будет полно журналистов. Полагаю, все журналисты Флоренции. Без моей статьи как-нибудь обойдутся.

Старушка наклонилась завязать бинт на ноге Никколо.

— Надо думать, этот молодой повеса один из ваших дружков журналистов. Вы, молодой человек, лучше возвращайтесь к своей работе, не болтайтесь здесь, не беспокойте моих жильцов.

Паскуале возразил, что он художник, но старуха отказалась верить ему. Она старательно и крепко завязала бинт, Никколо откинулся на подушку, когда она закончила. Он вздохнул и сказал, что она просто кудесница и он окончательно уверится в этом, если она принесет им какой-нибудь похлебки.

— Этот молодой человек достаточно крепок, чтобы самому раздобыть себе еды, — отрезала синьора Амброджини.

— Он помогает мне, — пояснил Никколо. — Помогает в одном весьма важном деле. И он действительно художник, и хороший, ученик Джованни Россо.

— Не знаю такого, — фыркнула хозяйка, но все-таки отправилась за похлебкой.

— Она на самом деле добрая, — сказал Никколо, лежа на подушках. — Ради всего святого, Паскуале, передай мне бутылку со стола.

— Как ваша нога?

Никколо отхлебнул прямо из бутылки и рукавом стер каплю, покатившуюся по подбородку.

— Чуть позже выясню, а пока мне хочется отдохнуть. Паскуале, то стекло еще у тебя?

— Конечно.

— Дай мне еще раз взглянуть на него.

Вставленное в деревянную раму, с которой осыпалась зола, стекло треснуло от жара камина, и картинка, напечатанная или нарисованная на нем, стала такой коричневой от огня, что можно было рассмотреть только кусочек. На самом деле вся картинка, кажется, стала темнее, чем была, когда Паскуале достал ее, словно материал, из которого ее сделали, продолжал изменяться. Но все равно можно было различить фигуры, закутанные в плащи с капюшонами; выполненные с дотошной тщательностью, они стояли перед подобием алтаря, на котором лежала обнаженная женщина, изображенная так, что нельзя было понять, мертва она или жива. Джустиниани, его капюшон был откинут с хищного лица, стоял с мечом, клинок которого мягко поблескивал, вскинутый над головой.

— Черная месса, — догадался Паскуале.

— Шантаж, — сказал Никколо.

— Что вы слышали у окна?

— Я слышал имя Салаи, и я слышал, как Франческо угрожал Джустиниани, неуверенно и с отчаянием. Мне стало ясно: у Франческо есть доказательства, что Джустиниани периодически участвует в обрядах, подобных запечатленному здесь. Художник шантажировал его, требуя каких-то услуг.

— Каких это услуг?

Никколо, кажется, воодушевился:

— В самом деле, каких, Паскуале? И к чему шантаж? Маш, подобные Джустиниани, вечно нуждаются в деньгах, а у подобных Франческо, как мне кажется, денег хватает.

— Если только речь не идет о чем-то совсем уж ужасном, что даже Джустиниани не хочет делать.

— Подобное объяснение напрашивается само собой, хотя, прости меня, Паскуале, это смахивает на сюжет какой-то плохой мелодрамы. Возможно, Джустиниани уже все выполнил, и Франческо пытался припугнуть его, чтобы тот молчал. Возможно, это как-то связано с Салаи и убийством Романо. Я должен как следует все обдумать, — заключил Никколо и осушил бутылку. — Принеси мою фляжку и налей стакан воды из того кувшина.

— Это пойло доведет вас до безумия, а затем вообще прикончит, Никколо. Я знаю, что это такое. Там же полынь.

— Семь частей на сто частей воды, как раз правильная пропорция. Пожалуйста, Паскуале, не заставляй меня читать о нем лекцию! Мне необходимо подумать!

— Вам нельзя волноваться. Вы ранены.

Никколо помотал головой:

— Еще многое неясно. Дело оказалось сложнее и запутаннее, чем я сперва думал. Возможно, нас ждет сенсация века!

— Я делаю это в виде исключения, — неохотно согласился Паскуале.

— Семь частей на сто частей воды, — повторил Никколо, внимательно наблюдая, как Паскуале по капле наливает желто-зеленую жидкость. Он взял у Паскуале стакан и залпом выпил мутный напиток, затем лег и прикрыл глаза, пощипывая пальцами кончик носа.

Паскуале сидел и смотрел на Никколо. На лестнице за дверью послышались шаги, он положил картинку с черной мессой на письменный стол лицом вниз, как раз когда вошла синьора Амброджини. Она принесла поднос с двумя мисками супа и ломтем черствого хлеба. Никколо сказал хозяйке, не открывая глаз:

— И что бы я без вас делал, синьора Амброджини?

— Валялись бы пьяный в канаве, ясное дело, — ответила синьора Амброджини и вышла, бросив еще один негодующий взгляд на Паскуале.

Никколо сказал, что вспомнил кое-что, пошарил под кроватью и вытащил бутылку вина. Он выдернул пробку зубами и отпил изрядный глоток, затем встретился взглядом с Паскуале и сказал:

— Только в качестве лекарства. Кроме того, это последняя.

Паскуале выпил стаканчик под суп, но вино оказалось кислым и горьким, и он с радостью предоставил Никколо допивать бутылку самому. Никколо почти не прикоснулся к своему супу и позже снова заснул, а Паскуале сидел в сгущающихся сумерках и рассматривал сначала темнеющую картинку, затем летающую лодку. Как он ни старался, он не находил связи между двумя этими предметами, а потому отложил их в сторону и зарисовал сначала спящего журналиста, затем синьору Амброджини, добившись сходства, когда он вспомнил ее характерный косой взгляд, быстрый и сердитый, и как она смотрела на него, чуть отвернувшись. Так он и научился запоминать лица, не по каким-то деталям, а по выражению или эмоции, которые вызывали в памяти цельный образ. Он запечатлел сцену, последовавшую сразу после крушения vaporetto, в основном фантазируя, и закончил набросками ангелов, полностью уйдя в работу, пока на темнеющем небе не начали взрываться фейерверки и Никколо проснулся.

У журналиста затекла раненая нога. Он проковылял по комнате, ругаясь себе под нос, и свалился на кровать. Паскуале заявил, что ему следует отдохнуть, но Никколо твердо вознамерился идти. Необходимо задать кое-какие вопросы, пояснил он. Уже произошло два убийства, и это еще не конец.

— Тебе не следует идти со мной, Паскуале. Ты сделал достаточно, достаточно рисковал. Нас занесло в опасные мутные воды, и мне необходимо нырнуть еще глубже. У меня появилась догадка, что в них может скрываться, я уже тревожил их раньше, но ты художник. Ты дитя света, ты живешь на поверхности. Ступай домой.

— Я пойду с вами, — горячо возразил Паскуале. — Я не ребенок.

Он удивил Никколо не больше, чем удивился сам. Журналист задумчиво потер большим пальцем щетину на подбородке. В итоге он сказал:

— Я устал, это правда. И не стану отказываться от помощи, если эта помощь предложена по какой-то весомой причине.

— Что ж, если это вас беспокоит, вы по-прежнему должны мне деньги, которые предыдущей ночью я истратил на возницу.

Никколо захохотал:

— Но в итоге они не покрыли расходов того бедолаги, а?

— Я хочу выяснить, в чем здесь суть. Мне никогда раньше не приходилось раскрывать заговоры. Это куда интереснее, чем гравировать портреты Папы, а именно этим мы будем заниматься всю следующую неделю, чтобы заработать на хлеб. — Юноша подумал о пустых, холодных комнатах, где жил вместе с Россо: приют нищеты. Если ему удастся снова заработать флорины, он, по крайней мере, сможет закупить материалы для работы. А когда это будет сделано, ему уже не придется метаться в поисках денег. Паскуале отругал себя за эту пылкую и нелепую надежду, ведь надеяться глупо, когда мир так жесток, но не надеяться он не мог.

— Я забыл, как ты молод, — сказал Никколо, проницательно глядя на юного художника. — Помоги мне немного походить по комнате, чтобы размять ногу. Пройти придется немало, прежде чем это дело подойдет к концу.

Но не успел Паскуале помочь Никколо встать на ноги, как в дверь постучали, и ворвалась синьора Амброджини, объявив, что Никколо хочет видеть дама.

Никколо сел, внезапно встревожившись:

— Женщина? Кто она?

— Не женщина, а дама, — твердо повторила синьора Амброджини. — Она не назвала своего имени.

— Что ж, проводите ее сюда, пусть поднимается. Если она хочет со мной поговорить, я не стану отказывать.

— Когда у вас в комнате творится такое! Синьор Макиавелли, здесь вряд ли можно принимать даму. Это неприлично.

— Если она в настолько отчаянном положении, что пришла ко мне, ей нет дела до моего жилья. Прошу вас, синьора

Амброджини, не заставляйте ее ждать.

— Я забочусь, — сказала синьора Амброджини с достоинством, — о своей репутации.

— Ваша репутация останется безупречной, синьора. А теперь прошу, приведите нашу гостью.

Это действительно оказалась дама. Паскуале тотчас узнал ее, потому что это была Лиза Джокондо, жена секретаря военной комиссии. Он чуть не присвистнул от восторга, но Никколо строго посмотрел на него.

Никколо усадил гостью в лучшее кресло в комнате, помог ей снять тяжелый бархатный плащ и передал его Паскуале. В последнем свете, льющемся из окна, ее темно-синее платье из чудесного шелка, отделанное фламандскими кружевами, подчеркивало белизну плеч и черноту волос, перевитых черными же шелковыми лентами. На ней была сетчатая вуаль на золотом ободке, смягчавшая черты лица. Зажигая свечи, Паскуале исподтишка взглянул на ее лицо: синьора Джокондо не обладала красотой ангела, ее нос был несколько длинноват, и один темный глаз посажен чуть выше другого, кроме того, она была зрелая женщина с тонкими морщинками в углах глаз, а красота ангелов — красота юности, но Лиза Джокондо обладала особенной, сдержанной красотой, которую словно излучало ее бледное овальное лицо. Запах ее духов, сладковатый мускус, заполнил комнату.

Она приступила к изложению своего дела так же открыто, насколько открытым был ее взгляд. Она сложила руки на груди и сказала, что не пришла бы сюда, если бы не несчастье, происшедшее в Палаццо Таддеи, у нее очень мало времени, поскольку муж ожидает, что она будет присутствовать вместе с ним на мессе в Дуомо, где собирается служить Папа. Она надеется, что синьор Макиавелли простит ей ее прямоту, но она обязана поговорить с ним, чтобы защитить доброе имя мужа.

— Надеюсь, и вы, в свою очередь, простите мне мою откровенность. — Никколо явно упивался ситуацией. — Каким бы ни было мое мнение о вашем муже, я точно знаю, что в его власти выносить смертные приговоры, если возникнет такая необходимость.

— Мой муж в самом деле облечен властью.

— Едва ли я это забуду, — сказал Никколо.

Лиза Джокондо рассудительно заговорила:

— Синьор Макиавелли, я знаю, нам никогда не стать друзьями, поскольку мой муж стоит во главе комиссии, с деятельностью которой вы однажды познакомились, но, может быть, мы, по крайней мере, сумеем не враждовать. Я могла бы

помочь вашему расследованию, и я надеюсь, в вашем сердце достанет христианского милосердия, чтобы ответить на мои мольбы.

— Позвольте заверить вас, синьора, что я добиваюсь не кровной мести, а одной лишь правды. Только правда интересует меня.

— В этом мы похожи.

— Тогда я хотел бы задать несколько вопросов.

Лиза Джокондо взглянула на Паскуале, которого как раз в этот миг пронзило леденящее кровь осознание, что она и есть любовница Рафаэля. Она пришла сюда заверить Никколо, что ее муж не убивал Романо, или же предупредить его о чем-то.

Никколо сидел на краешке кровати. Взгляд его был исполнен ожидания.

— Он будет так же скромен, как и я, сударыня, — пообещал он.

Лиза Джокондо кивнула:

— Если то, что вас интересует, поможет установить истину, тогда я отвечу со всей откровенностью, на какую способна.

— Ваш муж знает о ваших отношениях с Рафаэлем?

— Он не одобряет, но… терпит это. Он пожилой человек, синьор, занятый делами государства, и я его третья жена. Наш брак не был браком по любви, но, поверьте мне, теплое чувство было, хотя с тех пор, как умер наш единственный ребенок, мы отдалились друг от друга больше, чем мне хотелось бы.

— А его честь, синьора? О ней он переживает?

— Он стал бы переживать о своем положении, но оно незыблемо. Человек, вознесенный так высоко, как вам известно, синьор Макиавелли, становится объектом многих нападок, в число которых входят и сплетни о моем… поведении. Он выслушивает их, не принимая близко к сердцу.

— Но в этих сплетнях есть доля правды, иначе вы не пришли бы сюда.

— Полагаюсь на ваше милосердие, синьор Макиавелли.

Никколо ущипнул себя за кончик носа. Так он делал всегда, когда размышлял. Спустя миг он произнес:

— Ваш муж принимал участие в подготовке визита Папы. Известно, что у него в Риме множество связей.

— Он не станет смешивать дела Республики с личными проблемами.

— Прямо, конечно, не станет. Но не ваш ли муж пригласил Рафаэля?

— Зачем ему это делать?

— Возможно, чтобы как-нибудь унизить урбинца.

— Любопытная мысль, синьор Макиавелли, но я уверена, что Папа сам выбрал Рафаэля своим представителем.

— Сам Папа, а не Джулио де Медичи?

Первый раз за все время Лиза казалась смущенной. Она ответила:

— Я знаю от Рафаэля, что это был сам Папа. Я верю ему, синьор Макиавелли.

— Это ваше право, синьора. Думаю, я выяснил достаточно. Я вижу, вы поглядываете в окно, беспокоясь о времени. Разумеется, вы должны исполнять свои обязательства по отношению к мужу. Я не стану удерживать вас.

Лиза Джокондо поднялась. Она была высокая женщина, ростом с Паскуале. Положив на письменный стол небольшой мешочек, прекрасная посетительница сказала:

— Я, без сомнений, возмещу убытки, понесенные вами в ходе расследования, синьор Макиавелли. Я не собираюсь вводить вас в расходы.

Никколо, с помощью Паскуале, встал на ноги, извиняясь за то, что уже понес убытки в ходе расследования, рана пустячная, но все равно вызывает дурноту.

— Я не думал, что снова придется служить Республике, синьора. Могу я спросить, если вдруг мое расследование приведет к вашему мужу…

— Я тоже заинтересована в установлении истины. Вы ведь сообщите мне о результате?

Когда она ушла, Паскуале наконец смог присвистнуть.

— Я и не подозревал о размерах вашей ненависти, Никколо, — сказал он.

— Франческо дель Джокондо удачливый торговец шелком, знающий секретарь и плохой поэт с огромным самомнением, — ответил Никколо.

— Вы повторяете мнение Микеланджело о Рафаэле.

— Это констатация факта, а не мнение. А что ты думаешь о синьоре Джокондо?

— В нежном сердце женщины скрывается чистый и отважный дух.

— В самом деле. И весьма решительный.

— И щедрый, — добавил Паскуале, высыпая половину флоринов из мешочка, от которого сильно пахло мускусными духами синьоры Джокондо.

— Нам предстоит путешествие по глубоким и опасным водам. Это сможет помочь нам в плавании по ним. Знаешь, как наша дама стала любовницей Рафаэля?

— До сих пор я даже не знал, что она и есть та любовница. Я

же всего-навсего художник.

Никколо улыбнулся:

— Рафаэль писал ее портрет, но заказал его не муж. Заказал его ее любовник той поры, Джулио де Медичи, который поручил дело Рафаэлю, когда флорентийский секретарь и его супруга находились с посольством в Риме.

— Значит, вы предполагаете, что Джулио де Медичи отправил сюда Рафаэля, чтобы намеренно подвергнуть его опасности?

— Синьора Джокондо, конечно, не исключает такой возможности, более того, не исключает и того, что ее муж причастен к убийству Романо, хотя и надеется на обратное.

— Но ведь то, что мы видели на вилле Джустиниани, означает, что Романо был вовлечен в какой-то иной заговор.

— Или вовлекал в заговор кого-то, — живо подхватил Никколо, — хотя это очень сложный способ выполнить простую задачу.

— Вы не сказали ей о Джустиниани.

— За это она не платила. Пусть гадает и переживает. Это может заставить ее рассказать нам что-нибудь еще, хотя я лично сомневаюсь. У нее железная воля. А теперь передай-ка мне деньги, юный Паскуале. Они потребуются раньше, чем минует эта ночь. Нам предстоит задать множество вопросов, а с деньгами задавать вопросы легче.

3

Когда Паскуале с Никколо вышли из доходного дома, ночь только что опустилась, три звезды пригвоздили полотнище черно-синего неба к пространству над двором. Паскуале прикрепил к двери синьоры Амброджини ее портрет, надеясь убедить ее в своей принадлежности к цеху художников, а Никколо сухо заметил, что Паскуале не следует гоняться за общим признанием.

Обычно сумерки заставляли всех благонадежных горожан разойтись по домам, но в эту ночь в городе начался карнавал, приуроченный к прибытию Папы. Флорентийцы обожали карнавалы и праздники, любое событие или дата становились поводом для увеселений. Улицы были освещены редкими ацетиленовыми лампами и фонариками и горящими факелами, которые несли то и дело встречающиеся наряженные в костюмы люди. Табуны юнцов распевали серенады возлюбленным, сидящим у освещенных окошек. Одна компания вышагивала на ходулях в два раза выше человеческого роста. Музыка, пение и радостные голоса доносились отовсюду, но Никколо вел Паскуале прочь от веселья, в лабиринт узких переулков и дворов за импозантными фасадами домов главных улиц. Частная жизнь Флоренции всегда была запрятана вглубь, скрыта от чужих глаз, кровная месть и черные заговоры зрели за высокими стенами и узкими запертыми окнами.

Никколо все еще сильно хромал, опираясь на трость из ясеня, с обоих концов окованную железом, а путь был нелегок: по скользким плиткам тротуаров и по колеям в проселочной дороге, освещенной только редкими полосками света, пробивающимися из высоких, закрытых ставнями окон. Паскуале было не по себе, и он держал руку на кинжале. Именно в подобных местах представляешь себе затаившихся головорезов и грабителей, и как раз поэтому здесь они не промышляют, без сомнения сидя в засаде где-то еще.

— А кого мы ищем? — немного погодя спросил Паскуале.

— Одного доктора со скверной репутацией. Человека, известного под именем доктора Преториуса. Разумеется, это не настоящее его имя, и, насколько мне известно, он никогда не сдавал экзамен на доктора, хотя его и исключали, как минимум, из дюжины различных университетов в пяти разных странах. Но никто из людей его сорта не пользуется настоящим именем, чтобы не быть узнанным демонами. В Венеции его судили за то, что он скупал мертвые тела. Хотя влияния доктора хватило, чтобы его не подвергали пытке, к галерам его все же

приговорили. Ходили слухи, что он пытался создать женщину, новую Венеру или Невесту Моря, из частей трупов и собирался оживить это лоскутное творение, влив в него вместо крови волшебный эликсир.

— Что, опять черный маг? Кажется, Венеция ими просто кишит.

— На самом деле, Паскуале, я не знаю, откуда родом Преториус, но он точно не венецианец. А что касается черной магии, он это так не называет. Он величает себя доктором, и это правда, он сделал немало добра в квартале ciompi, где у него больница, принимая в качестве оплаты то, что люди могут ему дать. Пациенты его любят. Несколько лет назад ходили слухи, будто бы он причастен к похищениям детей, но, на его счастье, ciompi в это не поверили.

— И вы думаете, что он связан с еще одним магом, этим Джустиниани.

— Ага, поскольку оба они прибыли в город по морю и с одной и той же целью! Все, что я могу сказать: Преториус вроде бы может пролить какой-то свет на дела Паоло Джустиниани, поскольку они вращаются если и не в одних и тех же кругах, то в кругах, которые имеют точки соприкосновения. Более того, доктор Преториус собирает сведения. Он копит их до тех пор, пока не появится подходящий покупатель. А меж тем, Паскуале, нам необходимо как следует изучить те факты, которые мы уже имеем, и быть осторожными с теми выводами, которые мы делаем из них.

— И точными, как механики?

— Хорошо сказано, — улыбнулся Никколо. — Нам сюда.

Таверна, которую они искали, располагалась в темном дворе, с трех сторон зажатом высокими домами, а с четвертой ограниченном вонючим ручьем, который громко булькал в темноте. Паскуале наполовину втащил, наполовину поднял Никколо на горбатый мост, который был перекинут через этот «приток Стикса».

Как только они прошли мост, над головой начали трещать фейерверки, и двор заполнили торжественные раскаты соборных колоколов. Месса в честь Папы завершилась, и он отправлялся на праздник в Палаццо делла Синьория. В коротких всполохах света от фейерверка Паскуале успел разглядеть двор и увидел связку прутьев, изогнутых над входом, прикрытым куском мешковины, и раздолбанные столы, за которыми, над стаканами и бутылками, сидели люди. Кто-то играл на волынке, и играл скверно.

Паскуале невольно вспомнил притон, где они с Никколо пили вино после осмотра места преступления.

— Вы знаете немало интересных уголков, — заметил он.

— Что бы ни творилось вверху или по сторонам, сведения всегда просачиваются сверху вниз, как вода стремится в низкое место.

— Должно быть, этот доктор Преториус пал ниже некуда.

— Он так не считает, — возразил Никколо. — Послушай внимательно, Паскуале. Преториус изворотливый и ядовитый, как змея. Будь осторожен. И особенно будь осторожен с тем, что ему говоришь. Он цепляется за любое неосторожное замечание, чтобы заползти тебе в душу.

— Вы говорите о нем, как о дьяволе.

— Он и есть дьявол, — сказал Никколо и отдернул мешковину на дверном проеме.

Доктор Преториус сидел за столом в углу, раскладывая перед собой карты Таро. Высокий седой старик, он был худ почти до полного истощения, изысканно одет в белую рубаху, отделанную фламандским кружевом, и красноватую куртку с пышными рукавами и, кажется, совершенно не замечал ни грязной соломы под ногами, ни снующих повсюду мышей. Источая неуловимое очарование, он встал, поклонился Никколо и Паскуале и велел хозяину подать лучшего вина. Его слуга, громадный дикарь с квадратным, покрытым шрамами лицом, с копной жестких блестящих черных волос, сидел рядом, нож размером с хороший меч лежал у него на коленях.

Принесенное вино было хуже всего, что когда-либо пробовал Паскуале, хотя Никколо пил не морщась, и доктору Преториусу это, видимо, нравилось.

— Давно не видел вас, Никколо. И надеялся не увидеть еще столько же, — сказал он.

— Вы вели себя тихо, во всяком случае осмотрительно.

— Я был занят работой. И весьма преуспел в ней.

В слабом мерцающем свете глаза доктора Преториуса казались черными, словно глубокие впадины под нависающим шишковатым лбом.

— Я здесь не для того, чтобы говорить о вашей работе и других ваших делах. На самом деле предпочел бы ничего о них не знать.

— О, не волнуйтесь! Это, так сказать, антитеза моих прежних исследований. Вместо того чтобы ниспровергать смерть, я попытался подчинить саму жизнь, замкнуть Великую Цепь Бытия. Я создал человечков, маленьких, словно мышки, и вдохнул в них жизнь. Как мои детки танцуют и поют! — Последовала нарочитая пауза. Он произнес слово «детки» с таким злорадством, что у Паскуале застыла в жилах кровь. Доктор Преториус добавил: —

Что ж, вы совсем скоро узнаете об этом. Все узнают.

— Я пришел в связи с событиями на вилле Паоло Джустиниани, — заявил Макиавелли.

Доктор Преториус принялся собирать свои карты Таро. У него были длинные белые пальцы с желтоватыми ногтями, подстриженными коротко и прямо. Он облизнул бескровные губы языком, узким, словно у ящерицы.

— А, так без вас не обошлось. Я слышал об этом.

— От людей Джустиниани?

— Не исключено, — беззаботно отмахнулся доктор Преториус, сложил карты в стопку и завернул в лоскут черного шелка.

— Я так не думаю. Если бы Джустиниани знал, что я был там, он явился бы прямо ко мне.

Доктор Преториус пожал плечами:

— Ну, возможно, я слышал об этом от кого-то еще. В наше время много всего рассказывают. Вы ведь знаете, что у меня источников столько, сколько у Нила истоков.

— Вы не встречаете Папу.

— У меня нет причин для торжеств. В конце концов, он всего лишь Папа, вы же понимаете. Не тот, на которого мы надеялись. — Доктор Преториус впервые посмотрел прямо на Паскуале. — Вижу, вы привели с собой художника.

У Паскуале возникло странное желание сказать что-нибудь. Глубоко в темных глазах доктора Преториуса светился огонек, слабый и блуждающий. Он спросил:

— А на кого вы надеялись?

— Мы живем накануне конца времен. Великий Год пришел и ушел, и скоро Черный Папа, Антипапа, возвысится. И тогда начнется Миллениум, но он будет не таким, каким надеется увидеть его большинство дураков, молодой человек. Скажите мне, вы видели, как Папа вступал в этот вонючий город? Вы видели, как он входил на площадь в тени этой нелепо высокой башни так называемого Великого Механика?

— Я был… занят делами.

— Тогда, возможно, я расскажу кое-что, что вам следует знать. Вопрос в том, сколько это будет стоить.

Никколо поспешил вмешаться:

— Помни, Паскуале, что мы здесь по серьезному делу.

Доктор Преториус улыбнулся, улыбкой тонкой, словно лезвие ножа.

— И разумеется, это не подлежит разглашению. Как всегда. Полагаю, поэтому вы и не представили здесь своего мальчика. Он из деревни, судя по говору, хотя и носит с собой краски, чтобы

скрыть этот факт. Я бы предположил Фьезоле, городишко, широко известный за свою грубоватую оригинальность, кажется, они там предпочитают коз женщинам.

— Сиди! — Никколо взял Паскуале за плечо, когда тот начал подниматься.

Паскуале подчинился, кипя от гнева. Дикарь широко улыбнулся ему: передние зубы у него отсутствовали, а оставшиеся резцы были остро заточены и украшены золотом. Паскуале выдержал взгляд его желтых глаз, но ему пришлось зажать ладони между коленками, чтобы скрыть дрожь.

— Он здесь, чтобы помогать мне, если мне потребуется помощь, — пояснил Никколо.

— Должно быть, у вас тяжелые времена, — широко улыбнулся доктор Преториус. — И конечно же, они скоро станут еще тяжелее для всех художников, если новое изобретение Великого Механика станет таким популярным, каким оно обещает быть. Сочувствую.

— Мне нужна ваша помощь, — сказал Никколо. — Времена настолько тяжелы.

— А-а. Что ж, я гадал, когда с меня будет востребован тот долг. Как мы договаривались… три вопроса? Но, разумеется, заплатить придется. Мой долг вам не настолько велик.

Никколо допил вино, и доктор Преториус быстро налил ему еще. Никколо выпил и это и сказал:

— Вы всегда любили играть в игры. Вам заплатят достаточно. — Он поставил на стол маленький мешочек с флоринами.

Доктор Преториус потянул носом воздух:

— От женщины, и весьма не бедной. Существуют правила, о которых вы даже не подозреваете, друг мой. Возможно, вам то, что я делаю, кажется игрой. Но это не так. Спрашивайте. Я весь внимание.

— Какой интерес испытывает Паоло Джустиниани к художнику Рафаэлю?

— Так значит, вы все-таки замешаны в это скверное дело. Очаровательно!

— Я задал вопрос.

— О, он не испытывает к нему никакого интереса в данный момент.

— Позвольте заметить, что это нельзя считать полным ответом.

— Но это правда. Разве вам этого мало?

— Это будет зависеть от ответа на второй вопрос.

— Продолжайте, друг мой, — сказал доктор Преториус, улыбаясь похожей на лезвие ножа улыбкой.

— Какой Великой Работой занят Паоло Джустиниани?

— Я могу рассказать лишь то немногое, что знаю сам, так что ответ будет неполным.

— Вы правдивый человек.

— Я отношусь к этому серьезнее, чем вы, поскольку сознаю последствия оплошности, дражайший Никколо.

— Тогда расскажите, что знаете. Как можно более полно.

— Полагаю, он либо пытается привлечь к себе на службу крупного демона с легионом подчиненных тому мелких бесов, либо призывает одного из тех, кто прислуживает у Божественного Престола.

— Это вряд ли можно назвать пустячным занятием, — заметил Никколо. Он потел, Паскуале видел капли пота у него на лбу под линией редеющих волос.

— Все зависит от того, как вы к этому подходите, — небрежно ответил доктор Преториус. — Джустиниани прибегает к худшему виду некромантии, от которого тайные маги отказались давным-давно. Сомневаюсь, что у него получится что-нибудь. Вы же знаете, он любитель. Он даже пользуется собственным именем. Скорее всего, Джустиниани преуспеет в обеспечении себе местечка в Аду. Такие, как он, обычно так и кончают.

— А вы надеетесь избежать этой участи?

— О, разумеется, — сказал доктор Преториус. И внезапно улыбнулся, широко и радостно, и в этот миг Паскуале понял, что доктор совершенно безумен. В воздухе возникло движение, словно где-то рядом открылась дверь в край гиперборейцев, откуда потянуло холодом. — Всегда существуют способы избежать внимания Ада для тех, кто посвящен, — пояснил доктор Преториус. — Конечно, я знаю, мой друг, что вы не считаете Ад таким уж плохим местом. Я читал вашу пьесу на эту тему, ту, где демон обнаруживает, что настоящий ад это семейная жизнь, а сам Ад это уголок Небес, управляемый не Падшим, а богатым Плутоном. Который, разумеется, богат, потому что в итоге смерть забирает все и правит не вечной мукой, а садом, где те, чей разум или поступки не пускают их на Небеса, герои и философы, ведут беседы. Местечко, о котором вы, наивный Никколо, наверное, мечтаете. Может, вам стоит покопаться в своей душе, друг мой. Подобные заблуждения и приводят в лапы дьявола.

Паскуале почти загипнотизировал медоточивый голос доктора Преториуса. Голоса других посетителей таверны затихли, словно доктор создал мир внутри мира, где все было тесно привязано к его словам. Никколо засмеялся, и заклятие потеряло силу.

— Вы слишком серьезно отнеслись к моим фантазиям, —

сказал он. — Хотя я польщен, вам не следовало принимать за чистую монету мой интерес к Аду. Если кому-то и суждено найти дорогу на Небеса, он должен сперва изучить путь в Ад, это неизбежно. Без искушения не может быть падения, а значит, и искупления.

— Мы оба охотимся за силой. Вот почему мы так похожи, вы и я, — мягко проговорил доктор Преториус.

— Вовсе нет, — запротестовал Никколо. — Это верно, что мы оба ищем силу, но разными способами и с разными целями. Вы желаете служить только себе, и никому другому, и избежать при этом Ада. Радом с такими, как вы, этот проклятый мир кажется светлым.

— Избавьте меня от рассуждений. Вы задали два вопроса. Задайте третий, и покончим с этим.

— Нет. Нет, не стану. Пока что я выяснил достаточно. — Никколо поднялся, и какой-то миг доктор Преториус глядел на него в ошеломлении. — Идем, Паскуале, — сказал Никколо. — За эту ночь нам многое нужно успеть.

— Нет! Погодите! У вас есть еще один вопрос! — воскликнул доктор Преториус.

— Может, как-нибудь в другой раз.

Доктор Преториус смел со стола кувшины и вскочил с места. Дикарь у него за спиной тоже поднялся, едва не задевая головой потолок.

— Нет! — кричал доктор Преториус. — У вас не останется никакой власти надо мной после этого, клянусь. Я расплатился!

— Пока что у меня нет вопросов, — любезно произнес Никколо и взялся за свою трость. — Идем, Паскуале.

Паскуале осмелился обернуться только после того, как они перешли мост над ручьем. Кажется, никто их не преследовал.

— Не волнуйся. Доктор Преториус по-своему честный человек; пока он все еще обязан мне одним вопросом, он не станет чинить нам козни, — сказал Никколо.

— Какую услугу вы могли оказать подобному человеку?

— Как-то я доказал, что он не совершал того, в чем его обвиняют. Я считал, что выступаю на стороне правосудия, ведь если повесят не того, настоящий преступник останется на свободе и по-прежнему будет совершать свои преступления. Тогда были жуткие времена, я действовал на свой страх и риск. Если бы я знал, что настоящий преступник в итоге избегнет наказания, возможно, я не стал бы защищать Преториуса. Он сделал много того, за что заслуживает смерти. Но легко рассуждать после, совсем иное — в разгар событий. Ты все равно выглядишь обеспокоенным, Паскуале.

— Интересно, на какое новое изобретение механиков он намекал, когда сказал, что оно ввергнет в нищету всех художников?

— Ты должен помнить, что доктор Преториус пытается отнять силу у всех, с кем встречается, Паскуале. Возможно, это была просто уловка для привлечения твоего внимания. Перестань об этом думать.

Никколо казался встревоженным и уставшим. Они двинулись в путь по узким переулкам и дворам, трость Никколо стучала в темноте. Паскуале поинтересовался, что же им удалось узнать.

— Что дело не такое уж и важное, каким могло оказаться. Если Рафаэль не замешан в нем, значит, Джулио Романо и Джованни Франческо действовали не по его поручению, не пытались защитить его, они работали на самих себя. Летающая лодка, которую ты спрятал, и картина, которую ты спас из огня, без сомнений, как-то связаны со всем этим, но я не думаю, что дело в них.

Паскуале вспомнил, что он оставил и кораблик, и картину на письменном столе Никколо. Его охватило чувство вины, но он решил пока не говорить об этом промахе.

— А Джустиниани действительно маг? Доктор Преториус, кажется, не верит в существование магов, кроме него самого.

— Это верно, люди подобного сорта тешат себя иллюзией, будто настоящей силой обладают только они, в этом и состоит ошибка. Доктор Преториус достаточно умен, чтобы разоблачить любой обман, но не более того, поскольку верит, что сам он настоящий чародей, единственный настоящий чародей. В итоге подобные люди не обманывают никого, кроме себя.

— Механики тоже думают, что знают все.

— Нет, Паскуале. Пока они верят, будто обладают средством к раскрытию тайн Вселенной, они делятся своими знаниями, потому что так легче совершать открытия. Люди типа доктора Преториуса копят сведения, и каждый верит, что только он разбирается в способах достижения силы. В этом разница.

Паскуале не смог скрыть разочарования. Флорины синьоры Джокондо исчезли так быстро. Его лучший костюм погиб.

— Тогда все это в конечном итоге неважно, — сказал он.

— Мы начали снизу, а не сверху. Но мы можем забраться очень высоко. Не расстраивайся, Паскуале. Ты еще заработаешь денег.

Похоже, Никколо видел Паскуале насквозь. Кажется, он видел насквозь всех, даже (в отличие от доктора Преториуса) самого себя.

Они добрались до главной улицы. Оказавшись под первым в

ряду ацетиленовым фонарем, Паскуале наконец снял руку с кинжала. Миг спустя, когда они были между первым и вторым фонарем, на них напали.

4

Четыре человека выбежали из прохода между домами с противоположной стороны улицы и набросились на Паскуале и Никколо раньше, чем те успели сообразить, что это не просто гуляки. Мгновение, и Паскуале оттеснили от Никколо. Нападающий, тяжело дыша и распространяя запах дешевого пива, схватил его за шею, и Паскуале отшатнулся назад, лишая противника равновесия и припечатывая его к стене. Тот задохнулся и на миг ослабил хватку. Паскуале ударил его по ступне и высвободился.

Дальше в ход пошли ножи. Противник Паскуале, коренастый бандит, усмехнулся, когда Паскуале выхватил нож. Он перебрасывал свой нож из руки в руку с легкостью заправского драчуна и издевался над Паскуале, невнятно бубня, чтобы тот шел сюда, шел и получил, подошел бы поближе и как следует получил. Они кружили друг напротив друга, пока незнакомец внезапно не прыгнул вперед. Паскуале увернулся от разящего удара, который иначе распорол бы ему живот, и сильно ударил по руке с ножом. Нападавший завизжал, как резаная свинья, и выронил оружие. Паскуале ногой отбросил его в сторону, пьяный дурак ухмыльнулся, кинулся за своим ножом, а нож Паскуале вошел по рукоятку ему в кишки. Бандит охнул и осел, хватаясь одной рукой за плечо Паскуале, а другой зажимая рану. Рукоятка ножа вырвалась из руки Паскуале, раненый упал на колени, осыпая Паскуале проклятиями за то, что тот его убил.

Никколо уже обезвредил одного негодяя ударом своей трости, тот катался по дороге, рыдая и держась за раздробленное колено. Никколо швырнул трость во второго и выиграл время, чтобы достать пистолет, но третий наскочил на него со спины и схватил журналиста за руку. Второй разбойник вырвал пистолет и наставил его на Паскуале.

В какое-то мгновение казалось, что все кончено, но тут кто-то зарычал и выскочил из темноты, оттолкнув Паскуале в сторону. Это был великан дикарь, слуга доктора Преториуса. Он обрушился на злодея, который отнял пистолет Никколо, крутанул его в воздухе, схватив за шею и ногу, и швырнул им в последнего из шайки.

На миг все замерли, словно актеры в конце живой картины. Затем оба упавших разбойника поднялись и с криками побежали по улице. Человек с раздробленным коленом побелел при виде слуги доктора Преториуса, поднялся и поковылял за товарищами, охая от боли.

— Примите мою благодарность, — сказал Никколо. Он задыхался. Как и Паскуале, у которого сердце бешено колотились в груди.

Дикарь смерил Никколо взглядом и прошептал:

— Мой хозяин говорит, что долг следует списать. — Он отступил в тень и убежал, двигаясь с невероятной для такого большого человека легкостью.

— Он совсем не испугался, — восхитился Паскуале.

— Он считает, что уже умер, — пояснил Никколо. — Доктор Претериус как-то рассказал мне, что маги его богоспасаемого острова, когда хотят поработить человека, делают из печени некой рыбы напиток, от которого человек так цепенеет, что родные принимают его за мертвого и, разумеется, хоронят. Тогда маг выкапывает так называемого покойника и оживляет его, получая таким образом послушного слугу, который не ведает страха. Снадобье, налитое во флакон, вешают слуге на шею в знак того, что он собственность чародея. Слуга Претериуса из таких, хотя доктор никогда не рассказывал, как этот дикарь достался ему.

Здоровяк, которого ранил Паскуале, начал стонать. Он катался по земле, держась обеими руками за живот. Никколо схватил его за волосы и задрал ему голову, спрашивая, кто их нанял, но разбойник только лишь стонал, что его убили.

— Что будем делать с этим дураком? — спросил Паскуале. Ему и раньше случалось ранить кого-нибудь, но обычно это были пустячные царапины, нанесенные в случайной пьяной потасовке по поводу, о котором и он, и его противник тут же забывали при виде первой крови. Теперь же он знал: если придется, он в силах стоять насмерть. В нем это есть. Это и возбуждало, и настораживало. Все в нем пело.

— Мы поищем милицию, — предложил Никколо.

— Нужно оставить его умирать.

— Это вряд ли согласуется с понятиями христианского милосердия. Кроме того, — улыбнулся Никколо, — у него может появиться желание рассказать нам о себе. Например, кто его послал…

Паскуале шагнул вперед и схватил разбойника за уши, раскачивая его голову из стороны в сторону. Человек застонал.

— Кто тебя послал? Это Джустиниани?

— Ты убил меня, проклятый недоносок, — невнятно произнес негодяй.

Паскуале задал вопрос еще раз, но человек только стонал и кричал.

— Он заговорит, если не сейчас, то позже, — сказал Никколо.

Он поднял голову. — Тише. Кто-то идет.

Они приближались с той стороны, куда убежали уцелевшие разбойники, полдюжины человек в маскарадных костюмах, наряженные грифонами, драконами и единорогами. Их вел за собой гигант, нет, человек на ходулях, двигающийся проворно и ловко. На нем была белая маска, полностью закрывающая лицо, с треугольными прорезями для глаз, обведенными черной краской. Он указал на Никколо с Паскуале и принялся размахивать над головой пращой. Паскуале с Никколо побежали, как только первый снаряд просвистел над их головами.

Это был стеклянный шарик, который разбился о мостовую, выплеснув жидкость. Заклубился туман, желтый и густой. Паскуале с Никколо пробирались сквозь облако, задыхаясь от едкого запаха, похожего на запах гниющей герани. Злодеи пустились в погоню, громко завывая. Один протрубил в крошечный игрушечный горн. Никколо ковылял, тяжело опираясь на трость, а Паскуале тащил его изо всех сил.

Они достигли Кафедральной площади и внезапно оказались среди толпы: люди, вышедшие с мессы, отслуженной Папой, сторонники Медичи, бездельники, присоединившиеся к пастве веселья ради. Паскуале тащил Никколо сквозь шумную толпу, оглядываясь и видя над морем голов качающегося на ходулях человека. Лицо в белой маске поворачивалось из стороны в сторону. Через минуту они уже были в безопасности, но Паскуале почему-то казалось, что теперь они больше на виду, чем когда за ними гнались, и ему на каждом повороте мерещился убийца, выскакивающий из карнавальной толпы.

Собор парил над землей, его громадный, крытый золотом купол сиял в направленном свете, белые мраморные стены были затянуты полотнами, на которых, с легкой руки механика, колыхались и трепетали воздушные картины. Белая башня колокольни тоже была подсвечена, и апостольский колокол торжественно отбивал десять раз.

Паскуале поддерживал Никколо, и они медленно пробирались сквозь народ.

— Кто они? — спросил Паскуале и понял, что задыхается так же, как и Никколо.

— Я бы предположил, что это люди Джустиниани. Если доктор Преториус слышал о нашем визите на виллу, тогда Джустиниани слышал и подавно. Он охотится на нас из-за того, что мы знаем, или из-за того, что, как ему кажется, мы знаем.

— У нас та картинка.

— Которую он, как он считает, уничтожил. Скорее, Джустиниани подозревает, что мы — свидетели смерти Джованни

Франческо.

— Или даже его сообщники.

— Отлично, Паскуале.

— Что же, теперь они наверняка знают, кто мы, потому что я выронил нож, а на клинке мое имя. По крайней мере, я больше не вижу того, на ходулях.

— Нам придется немало походить этой ночью, — сказал Никколо. — Проклятая толпа. Лучше бы дураки сидели по домам.

— Нехорошо так говорить о тех, кто невольно спас нас. Пусть уж все граждане Флоренции бодрствуют сегодня, по крайней мере тогда мы будем в безопасности.

— Это займет не одну ночь, — угрюмо заметил Никколо.

— Тогда я останусь с вами. Я все равно уже узнан. Хотя хотелось бы знать, куда мы пойдем.

— Каковы бы ни были твои мотивы, я рад помощи, Паскуале. Черт побери толпу! А идем мы, если нам удастся, в Палаццо делла Синьория, поскольку именно там Рафаэль обедает этим вечером с Папой и первыми лицами города. Мы должны рассказать ему о том, что произошло.

На площади Синьории толпа была не меньше. Народ занял длинный настил перед дворцом, на котором приветствовали Папу, и пировал, как пируют марокканские пираты, захватив богатый купеческий корабль. Толпы студентов университета слонялись повсюду, выкрикивая песни на своих родных языках. Из-за космического яйца Великого Механика сцепились пруссаки и французы. Последние хотели, кажется, развалить механизм, напоминающий о великой правде, открытой каноником Коперником, а пруссаки защищали честь национального героя. «Она все-таки вертится!» — кричали они, дразня французов. Под всем этим двигались танцоры, окружившие великолепную статую Давида работы Микеланджело. Золоченые волосы статуи сверкали в огнях факелов, которыми жонглировали артисты.

Механики тоже участвовали в праздновании. Огромные фигуры, сотканные из света, кружились по стене, так тщательно раскрашенной Паскуале и Россо. Неужели это было только вчера? Механик Беноццо Берни возился со своим световым механизмом, он бодро приветствовал Паскуале. Большие ацетиленовые лампы в его конструкции шипели и ревели, их свет проходил сквозь отверстия во вращающихся колесах из крашеного рога, а большие линзы из толстого вздутого стекла отбрасывали сильно увеличенные меняющиеся картины на расписанную стену. В свете, отраженном краями линз, тень Берни двигалась по булыжникам, сильно опережая его, когда он пошел навстречу Паскуале и Никколо. Механик снял свою накидку с множеством

карманов и потел в холщовой рубахе от жара, исходящего от больших ламп. Улыбаясь, словно безумец, он похлопал Паскуале по спине и развернул его, чтобы обвести лампы широким жестом.

— Теперь видишь! — восторженно воскликнул он. — Движущийся свет рисует собственные картины. Что скажешь, художник?

— Возможно, я недостаточно искушен, синьор, но я не вижу картин, только какие-то тени вроде тех, которые отбрасывает на стену пламя свечи.

— В этом-то и дело! Световые узоры действуют прямо на глаз, обманывают его, заставляя видеть картины. Это же новый образ мышления! Чудо состоит в том, что на тебя воздействует машина.

— Это, конечно, чудо, но, наверное, мысли машины слишком сложны для меня.

«Может, Пьеро ди Козимо и оценил бы это световое представление, — подумал Паскуале, — а мне кажется, это слишком дорогостоящий способ воспроизводить случайные картинки, подсмотренные у природы».

Берни засмеялся:

— Пока пусть все остается как есть, но увидишь, что будет потом. Мы стоим на пороге новой эры. Занавес только начал подниматься, мы пока лишь краешком глаза видим, что скрывается за ним, и это нечто такое яркое, что мы едва верим собственным глазам. Но скоро мы научимся управлять этими видениями. Машины диктуют новые способы создания предметов, управления предметами, а теперь и видения предметов. Движение вперед неизбежно.

— Кажется, места художнику уже нет, — сказал Паскуале. Его усталому разуму Берни казался каким-то дьяволом, полным неукротимой энергии, радующимся переменам ради самих перемен.

Берни утер пот со лба выцветшей красной тряпкой.

— Эпоха изобразительного искусства миновала. Появится новый сорт художников, пишущих прямо светом, воспроизводящих движущиеся образы, которые будут отражаться на экране глаза. Мой кинетоскоп рисует образы, которые истолковывает глаз, а есть еще чудо живых картин Великого Механика, воспроизведенных его ипсеорамой! Этой ночью он напишет светом копию самого Папы. Так что тебе придется согласиться: эпоха интерпретаций и утомительного символизма осталась в прошлом!

— На самом деле, — начал Паскуале, — я ничего не знаю об этих движущихся картинках…

До сих пор Никколо отдыхал на перевернутом ящике. Теперь он с трудом поднялся и заговорил:

— Я с вами незнаком, синьор, но, надеюсь, вы не станете возражать, если я задам вопрос.

— Ну, я-то знаю Никколо Макиавелли! — Берни отвесил поклон. — Должно быть, ваши печатные листки мечтают описать новые чудеса, которые впервые будут продемонстрированы здесь.

— Должно быть. Это не то, о чем я хотел спросить. Я хотел спросить вас, синьор…

— Беноццо Берни, к вашим услугам!

— Синьор Берни, я хотел спросить, не входили ли недавно в палаццо солдаты?

— Да нет. Никто не входил с тех пор, как процессия вышла из Дуомо и направилась в палаццо на праздник. Который до сих пор продолжается, и я буду вертеть свою машину до самого конца, то есть далеко за полночь, поскольку, как я слышал, ожидается не меньше двадцати перемен.

— Тогда мы, кажется, не опоздали, Паскуале. — Никколо слабо улыбнулся Берни. — Прошу прощения, синьор. Возможно, мы поговорим о ваших чудесах в другой раз.

— Вы наблюдаете зарождение новой эпохи, синьор Макиавелли! Помните!

Когда они шли через площадь, выбрав долгий путь, чтобы обойти дерущихся студентов, Паскуале спросил:

— А что, по-вашему, должно произойди?

— Точно не знаю, но что-то должно. Погодина, смотри! Не исключено, что мы все-таки опоздали!

Никколо указывал на палаццо. Он поднимался в восточной части площади, словно причаливший корабль. Каждое окошко этой громадины светилось, даже квадрат высоко в башне, и флаги с эмблемой Медичи, двенадцатью золотыми шарами, развевались среди знамен Республики с флорентийской лилией. Кто-то настежь распахнул окно под зазубренным замковым карнизом и кричал что-то отряду солдат внизу.

В окне замелькали и другие лица. Два человека боролись с третьим, который внезапно перелетел через подоконник. Люди на площади под дворцом закричали. Человек тяжело повис, дернулся, завертелся и все брыкался и брыкался, болтаясь на веревке.

Солдаты резво огибали угол, направляясь бегом к главному входу во дворец. Тревожно зазвонил колокол.

Паскуале с Никколо припустили вслед за солдатами со всей скоростью, на какую были способны. Городская милиция в бело-красных мундирах, с металлическими шлемами на головах

пыталась перекрыть высокую узкую дверь палаццо, преградив вход пиками, но безуспешно: не только Никколо с Паскуале желали знать, что случилось во дворце. Они прорвались с дюжиной других под прохладные гулкие своды.

Новый отряд солдат, швейцарские гвардейцы Папы, разрезал толпу. Люди убирались с их пути: офицер пролаял приказ, и солдаты с грохотом подняли самострелы, держа пальцы на спусковых крючках. С такого близкого расстояния стрела могла пронзить человека насквозь.

Паскуале затащил Никколо за колонну как раз в тот миг, когда появился Папа. Он был с непокрытой головой, в белом плаще, который роскошными складками укрывал его тучное тело. Слуги в черных бархатных ливреях шли по бокам. Стайка кардиналов в алых шапочках и алых плащах двигалась следом в толпе слуг. Возгласы и крики, громовой топот ног, солдаты с грохотом опустили оружие при виде Папы. Папа прошел мимо, так близко, что Паскуале разглядел бисеринки пота на его синем подбородке, а потом он вышел в ночь через узкую дверь.

Никколо вцепился в советника, шедшего в хвосте процессии, тот стал вырываться, охваченный внезапным страхом, но затем узнал Никколо и успокоился.

— Не могу говорить с тобой здесь! — сказал он громко.

Никколо заговорил, глядя прямо советнику в глаза, уверенно и настойчиво:

— Но ты же можешь сказать мне, что произошло, друг мой.

— Убийство! Убийство, Никколо! — воскликнул советник.

— Но едва ли палаццо впервые наблюдает кровавую драму.

— Кровавую? Нет, нет, это был яд. Прямо на виду у Папы. Удивительно, что я вообще разговариваю с тобой, ведь я уже поднес свой бокал ко рту, когда он упал…

— Кто это был?

— Мы все могли бы погибнуть! Все до единого! Со всеми надеждами на альянс покончено. А что будет теперь…

Никколо взялся за отвороты тяжелого, отделанного мехом плаща советника. Тот испуганно посмотрел на него. Его шапка сбилась набок, лицо побелело над густой черной бородой.

Никколо повторил мягко и настойчиво:

— Кто это был?

Советник взял себя в руки, освободился от хватки Никколо, расправил одежду и поправил шапку с рассеянно-величественным видом.

— Никколо, старина, прошу, ради самого Христа, держись от всего этого подальше. Это скверное, темное дело, темное и жуткое.

— Я всего лишь хочу узнать, кого же убили.

— Художника. Художника Папы, Рафаэля. Он провозгласил тост за Папу и выпил, и мы готовы были последовать его примеру, когда он схватился за горло и упал. Ужас, ужас! Ладно, я уже много сказал и больше не скажу ничего. Будь осторожен, приятель. Даже палец не суй в этот омут! Мой совет, не шатайся по улицам сегодня ночью. Ступай домой. Сегодня многим достанется. Если нам повезет, на этом все и завершится. Если нет… — Советник озирался по сторонам, произнося эти слова. Внезапно он закричал что-то офицеру милиции, пожал Никколо руку и поспешил дальше, за ним двинулись два солдата.

— Нам надо подняться туда, — сказал Никколо.

— Значит, Рафаэль все-таки оказался замешанным в это дело!

— Может быть, может быть. — Никколо сник, внезапно он стал выглядеть на все свои пятьдесят лет. — Держись ближе ко мне, Паскуале. Помоги мне, если сумеешь. Я всегда старался видеть вещи такими, какие они есть, а не такими, какими они должны быть. Видит Бог, как мне сейчас необходима эта моя способность! Если я прав, этот небольшой заговор, на след которого мы напали, зашел дальше, чем ему следовало. Эти, из мудрого совета, видят лишь малую его толику и могут ошибочно принять его за нечто более серьезное.

Солдаты преграждали путь на большую лестницу, за опущенными забралами виднелись их угрюмые лица. Никколо подозвал священника, который пожал ему руку и начал снова рассказывать про отравление.

— Я должен взглянуть, — заявил Никколо. — Я уверен, все не так ужасно, как кажется.

— Они тут же повесили отравителя, Никколо. Вряд ли существует способ допрашивать трупы. Кроме того, это не твое дело. Иди домой, — сказал священник.

— Ты уже второй человек, говорящий мне это. От этого моя решимость только крепнет.

— Никому не разрешено подниматься наверх, Никколо. Мне точно не разрешено, так что, прошу, не уговаривай меня.

Солдаты расступились, чтобы пропустить наверх двух-трех человек. Паскуале узнал одного и окликнул его. Мальчик, Баверио, обернулся и присмотрелся. Он был в той же темно-зеленой тунике и рейтузах. Лицо у него совершенно побелело, словно напудренное мелом, а глаза покраснели и были полны слез.

Паскуале быстро объяснил, что нужно Никколо. Баверио покачал головой:

— Человек, убивший моего господина, мертв, а моего хозяина

уже ничто не потревожит.

— Но имя Рафаэля по-прежнему нуждается в защите. Прошу тебя, Баверио. Ради памяти твоего хозяина. Ты помог мне однажды, я помню это и благодарен тебе. Помоги еще раз.

Мальчик закусил губу:

— Но вы так и не узнали, почему был убит бедный Джулио. А теперь мой хозяин мертв, а Джованни Франческо исчез.

Паскуале не мог сказать мальчику, что Франческо тоже мертв.

— Это все кусочки одной картины, Баверио. Мы видим только малые ее части. Нужно увидеть остальное, чтобы понять.

— Если это может помочь, ступайте за мной.

Мальчик, переговорив со своими товарищами, повел Паскуале и Никколо мимо солдат и вверх по лестнице. Он рассказал, что Рафаэля будто бы хватил удар, когда он провозгласил тост и подавали пятнадцатое блюдо. Личный врач самого Папы тут же бросился к нему, но тщетно, он сказал только, что в вине яд.

— Два моих друга выбежали из комнаты и схватили виночерпия, накинули петлю ему на шею и выбросили его из окна. Солдат, который прибежал на крики об убийстве, помогал им. Меня не было там, Паскуале, а я должен был быть. Если бы я попробовал вино, мой господин был бы жив, — продолжал бесцветным голосом Баверио.

Слезы навернулись ему на глаза, он закинул голову назад, чтобы они не покатились и не испортили пудру на щеках.

— Нет пользы гадать, как все могло бы быть, — сказал мальчику Паскуале. — Что сейчас важно, так это выяснить, что же на самом деле произошло.

Пир проходил в Зале Победы Республики, большой комнате с высоким потолком в самом центре Палаццо делла Синьория. Два длинных стола тянулись через комнату, а третий стоял поперек, соединяя их, под пролетом лестницы, ведущей на балкон. Столы были уставлены блюдами и тарелками с кушаньями, тонкими высокими бокалами, серебряными ложками и ножами. Горящий лес свечей наполнял комнату теплом и ровным светом. Паскуале разинул рот при виде великолепных гигантских фризов Микеланджело, изображающих войны с Римом и его союзниками, на одной стене «Битва при Кашине», на другой победа Флоренции при Ангиари, где железные черепахи Великого Механика маршировали сквозь ряды неприятеля, а многозарядные пушки добивали тех, кто еще оставался. Затем он опомнился и поспешил за Никколо и Баверио к группе людей, собравшихся у короткого стола, перед которым стоял папский трон под пологом.

Тело Рафаэля лежало под тяжелым гобеленом, который кто-то снял со стены. Никколо нагнулся и осторожно открыл его лицо. На синих губах была пена, глаза закрыты серебряными флоринами. Никколо поднял взгляд на людей, столпившихся вокруг, и спросил, кто из них доктор. Когда вперед выступил приятного вида седоволосый человек, поклонился и сказал, что он имеет подобную честь, Никколо поинтересовался:

— Как быстро это произошло?

— Очень быстро, слава Создателю, иначе было бы гораздо больше жертв. Яд поразил легкие, вы видите характерную пену и посиневшие губы, и парализовал органы дыхания. Он царапал горло, пока его не хватил апоплексический удар. Он недолго страдал перед смертью.

— Значит, яд сильный.

— Видимо, так, синьор.

— Подсыпан в вино?

— Вот его бокал. Рафаэль опрокинул его, падая, так что вино разлилось, но я проверил и нашел яд. Чудо, как я уже сказал, что Рафаэль выпил раньше остальных.

— Он произносил тост, — проговорил Баверио. — Он был верным другом Его Святейшества, и это его погубило.

— Виночерпий обязан проверять, не отравлено ли вино. А вместо этого он, должно быть сам подсыпал яд, — вмешался в разговор капитан дворцовой стражи.

— Его погубила не дружба, — покачал головой Никколо, — и не это вино, я полагаю. — Он внимательно посмотрел на черное пятно, оставшееся на плотной льняной скатерти после проведенной пробы, затем поднял за ножку бокал, понюхал его и сказал: — Здесь еще осталось. Вы не проверили вино в стакане.

— К чему? Вино…

— Прошу вас, синьор. Кромку бокала, и осторожно. Пусть кто-нибудь принесет вино, которое подавали.

— Виночерпий уже казнен, — напомнил капитан стражи.

— Да, — резко произнес Никколо, — но ведь вино не вылили в окно вслед за его телом. Принесите то, что подавали сегодня.

Доктор издал изумленный возглас и поднял бокал. Характерное потемнение, означающее наличие яда, осталось на золоченой кромке бокала.

— Ага, — сказал Никколо, он был доволен. — Вот оно. Прошло много лет с тех пор, когда я удостаивался чести присутствовать на подобных празднествах, но я все равно помню, что для каждого вина подают новый набор бокалов. Боюсь, что схвачен, обвинен и казнен не тот человек. Отравлено было не вино, а бокал.

— Разумеется, на бокале остаются следы яда, если в нем было отравленное вино, — заметил доктор.

— Да, но не такие следы, синьор. Если в бокале содержалось отравленное вино, тогда потемнения остались бы на всей внутренней поверхности стекла. А здесь же след остался в виде явственно различимого кольца, очень узкого кольца вдоль внутренней кромки. Этот яд, он проникающий или его требуется проглотить?

— Он не проникнет через кожу, если на ней нет ран и порезов, если вы это имеете в виду.

— Именно это я имею в виду. — Глаза Никколо возбужденно блестели. Он был охвачен духом расследования. — Значит, дело было так. Убийца знал, что в кухне все блюда проверяют на наличие яда главные распорядители, и еду, и вино. Так что он обмакнул в яд палец и провел по краю бокала, прежде чем поставить его перед несчастным Рафаэлем. Вы видите, что кольцо разорвано там, где Рафаэль сделал глоток, стирая яд губами. Мы поднимем тело виночерпия и проверим его пальцы на наличие яда. Уверен, проверка даст отрицательный результат. А, вот и вино. Чистый бокал найдется?

Никколо плеснул щедрую порцию и залпом опрокинул ее. Люди вокруг ахнули. Он улыбнулся:

— Вот видите. Я невредим. Вино не отравлено, в самом деле, было бы смертным грехом испортить такое великолепное вино. Нет, отравлен был бокал Рафаэля, и совершенно не случайно. Это не общий заговор против Папы и добрых советников Синьории, а частное покушение на несчастного Рафаэля.

Капитан стражи позвал четырех солдат. Под презрительными насмешками толпы, собравшейся на площади внизу, они втащили тяжелое тело виночерпия и положили на пол под окном, из которого его выбросили. Доктор наносил свое снадобье на пальцы покойника, а Никколо в это время что-то неразборчиво напевал себе под нос.

— Следов яда нет, — сказал наконец врач, поднимаясь с колен.

Кто-то произнес:

— Это доказывает только то, что сам он не испачкался.

— Вы видите на нем перчатки? Где они? Кто расставлял бокалы, капитан? — отрывисто спросил Никколо.

Капитан отнесся к вопросу серьезно:

— Кто-то из слуг за первым столом, как мне кажется.

— Тогда обойдем их всех и устроим проверку! Паскуале, ты бы очень помог, если бы позаботился о бедном Баверио. — Никколо взял Паскуале за плечо и добавил шепотом: — Пойди с

ним, разузнай что-нибудь еще. Может быть, Рафаэля убили, потому что он узнал кого-нибудь. — Он снова заговорил вслух: — Капитан, нам не поймать убийцу, если мы будем мешкать.

Когда они ушли, а солдаты унесли тело несчастного виночерпия, Паскуале взял Баверио за руку и усадил за один из столов. Паскуале был голоден, но он не мог прикоснуться к фруктам или хлебам, горы которых высились в плетеных золотых корзинках. Не теперь, когда тело Рафаэля лежит на полу в дальнем конце огромного, освещенного свечами помещения.

Словно читая мысли Паскуале, Баверио неожиданно сказал:

— Мы шли за телом господина.

— Солдаты вернутся. Если хочешь, я могу пойти и позвать кого-нибудь прямо сейчас.

Баверио покачал головой:

— Синьор Макиавелли выяснит, кто его убил?

— Мы поможем тебе, если ты нам позволишь.

— Это все связано со стеклышком, которое я вам дал?

— Да, я думаю, да. — Паскуале больше не мог утаивать правду. — Баверио, мы видели, как убили Джованни Франческо. Он тоже был отравлен, удушающим дымом.

Лицо Баверио сделалось мертвенно-бледным, но голос звучал ровно:

— Я знал, что он погиб. Когда он не пришел сегодня утром, я понял это, и мой господин тоже. Вот почему он хотел обо всем рассказать.

— Если есть что-то, о чем знал твой господин, ты можешь сказать мне, что именно?

— Он сказал только, это связано с тайной Великого Механика. Он считал, что Джулио Романо каким-то образом шантажировали, вот почему Джулио взял те вещицы, летающую лодку и коробку со стеклом, хотя этот последний секрет больше не секрет, только не после сегодняшней ночи. Но он не знал, что Джованни Франческо тоже в этом замешан. — Баверио посмотрел через всю залитую светом свечей комнату туда, где лежало тело Рафаэля, накрытое гобеленом, потом снова взглянул на Паскуале, глаза его наполнились слезами. — Мой бедный господин, Паскуале! Он так заботился о своих ассистентах!

— А ты знаешь, почему Романо шантажировали? Какое-то обычное дело?

— Обычное?

— Ну, — протянул Паскуале, вспомнив о синьоре Джокондо, — я имею в виду, связанное с замужней дамой.

— О нет! Ничего подобного! Мой господин… но об этом я не стану говорить.

Наступила тишина. Паскуале попробовал снова разговорить мальчика:

— Так что Романо?

— Мой господин думал, что он участвовал в создании… неких предметов искусства. Ну, ты знаешь, какого сорта.

— Ты имеешь в виду «товар-люкс». Едва ли этим стоит гордиться, как мне кажется. — Паскуале тотчас же вспомнил о картинке, которую спас из очага Джустиниани, ему показалось, она тоже принадлежала к числу непристойных гравюр, если кого-то возбуждает богохульство.

— Я даже не видел, что это было, — сказал Баверио, — но знаю, это было что-то иное, что-то более реалистическое, чем обычные деревянные гравюры. Мой господин видел кое-что из того; он сказал, это было надругательством над искусством во всех смыслах. Мне кажется, стекло, которое я отдал вам, как-то связано с этим.

— Как это?

— Это и есть страшная тайна Великого Механика, раскрытая этой ночью. Способ управления светом и тенью. Его ассистенты принесли сюда яркие лампы и увеличенную копию коробки, которую я нашел среди вещей Джулио. Всех за первым столом, Папу, моего господина и членов Синьории, попросили неподвижно сидеть перед ней. Чтобы «сделать снимок», как сказал Великий Механик.

Паскуале подумал о стеклянной пластине, зачерненной в результате какого-то химического процесса, затем о картине, спасенной из огня, странной картине из теней. Теневое искусство, искусство теней… Доктор Преториус сказал, скоро механики оставят художников без дела, хотя едва ли речь идет о такой простой передаче сходства. Если подобное и возможно, это же всего-навсего копирование реальности. Здесь не может быть повествования, не может быть изящества, никакого символизма и аллюзии, которыми картина передает радость, волю и славу Творца.

Паскуале хотел расспросить об этом Баверио, но, как только он заговорил, странная приглушенная дрожь прошла по полу. Ножи и бокалы зазвенели на столах, пламя свечей содрогнулось. Паскуале и Баверио уставились друг на друга с непонятной подозрительностью, где-то за пределами комнаты поднялся шум. Через мгновение капитан стражи, за которым неслись солдаты, вбежал в комнату и прокричал, что им надо уходить.

Баверио начал что-то говорить о теле своего господина, что он пришел сюда за ним. Его голос уже срывался, и капитан ударил его по щеке и воскликнул почти так же истерично, как и

мальчик:

— Нет времени, идиот! На нас напали. Твой хозяин здесь в полной безопасности, он никуда не денется.

Паскуале поставили на ноги двое солдат, еще двое подхватили Баверио. Когда они подошли к двери, выводящей на парадную лестницу, на балконе в дальнем конце зала раздался сильный грохот. Окна вылетели, звеня разбитыми стеклами, вслед за тем повалил дым.

Капитан закричал что-то о пожаре, но тут Паскуале узнал едкую вонь гниющей герани. Глаза и нос защипало, и он сразу же понял, чьих это рук дело.

Солдаты, ведущие Паскуале, начали задыхаться. Он вырвался из их рук, зажал одной ладонью нос и рот, а свободной рукой схватил Баверио за рукав, вытаскивая его за дверь.

Внизу лестничного пролета было полно ядовитого оранжевого дыма, напуганные табуны солдат, священников и зевак кричали и толкались, пытаясь выйти все разом. Паскуале продолжал сжимать рукав Баверио, когда толпа подхватила и понесла их, затем они оказались на улице, в холодной черной ночи, освещенной факелами.

Паскуале, тащивший Баверио за собой, нашел укрытие под помостом, возведенным перед дворцом. Половина его сознания, поддавшаяся общей панике, полагала, что что-то произойдет, может произойти в любой момент, вторая половина, рационально мыслящая, холодно наблюдала, отмечая, что это в самом деле магия: заставить людей ни с того ни с сего усомниться в природе вещей, которые до сих пор казались им незыблемыми и неизменными. Он гадал, где может быть Никколо.

Над головой оранжевый дым вырывался из окон второго этажа палаццо. Космическая машина Великого Механика развалилась на куски, ее нижняя половина распалась и загорелась от масла, вытекшего из ламп, вмонтированных в центр солнца. Вокруг лежали тела, превратившиеся в кровавые ошметки. Некоторые еще кричали, слабо копошась в лужах собственной крови. Люди неслись во все стороны, солдаты тоже, напуганные не меньше остальных. С зубчатой крыши палаццо летели на площадь горящие ракеты, пронзительно свистя и завывая, оставляя длинные хвосты искр, ударялись о булыжники и разрывались с резким треском или путались под ногами толпы. И здесь и там покачивались на ходулях люди в масках, разбрасывающие маленькие стеклянные шарики, которые взрывались клубами оранжевого дыма. И самый воздух сделался ожившим и враждебным, царапающим кожу на лице, от него текло из глаз и носа. Все вместе походило на одно из полотен

художников фламандской школы, которые достигли больших высот в изображении Ада.

Солдат прицелился в одного человека на ходулях, стрела полетела по слишком широкой дуге, перелетела через площадь и ударилась в световую пушку Берни, разрушив конструкцию из линз. Картинки на фасаде банка замерли, превратившись в дрожащую белую паутину. Другой солдат раскрутил над головой сеть и метнул, стянув с ходулей одного из негодяев, который грохнулся на камни и задергался в густых испарениях, вырывающихся из него со всех сторон: весь его запас газовых бомб разорвался разом. Толпа отшатнулась от этого очередного кошмара.

Баверио вырвался от Паскуале и побежал через площадь к башне Великого Механика, возвышающейся над суетой, ее огни были так же высоко, как звезды. Паскуале закричал вслед Баверио и тоже побежал, уворачиваясь от людей, мечущихся повсюду.

Человек на ходулях шагнул вперед, чтобы перехватить его, и громко продудел в игрушечный горн. Он был без маски: узкое белое лицо и пронзительно-рыжие волосы. Паскуале не побежал за Баверио, а, спасая собственную жизнь, бросился со всех ног в сторону узкого переулка сбоку от Лоджии. Рыжеволосый на ходулях метнул газовую бомбу, преградившую путь. Он громко хохотал, радуясь меткому попаданию. Паскуале снова развернулся и увидел, как над головами толпы еще двое на ходулях быстро движутся к нему с одной стороны, а с другой к нему же мчится галопом повозка, запряженная парой коней. На повозке был нарисован герб дома Таддеи.

Не успел Паскуале сделать шага к повозке, как двое на ходулях уже нависли над ним. Паскуале громко закричал. Ближайший к нему человек наклонился, но тут ему в грудь вонзились стрелы, он завалился назад, лишая равновесия своего товарища. Повозка подъехала, пара белых лошадей мотала головами. Дверца экипажа открылась, оттуда высунулся человек, обхватил Паскуале за талию и втащил его внутрь, как раз когда смертельно раненный человек на ходулях грохнулся о землю и взорвался.

5

Когда Паскуале с Баверио подъехали, Палаццо Таддеи был полон людей, входящих и выходящих даже в этот поздний час, за полночь. Как только они вышли из экипажа, Баверио потащили в одну сторону, а Паскуале паж повел в другую. Паскуале, взволнованный и озадаченный и, разумеется, напрочь забывший о сне после столкновения с людьми на ходулях, с готовностью пошел. Его проводили внутрь к самому Таддеи, который принимал в большом зале на первом этаже палаццо и сейчас выслушивал отчет дежурного милицейского сержанта.

Таддеи сидел на стуле с высокой спинкой рядом с похожим на пещеру камином, его широкое сердитое лицо с одной стороны освещал ряд шипящих ацетиленовых ламп, свисающих с потолка, а с другой — дрожащий свет камина. На нем был богатый парчовый наряд, тюрбан, расшитый золотыми нитями. Он прикрыл глаза, выслушивая заикающийся рапорт сержанта о бунте в рабочих кварталах за рекой. Секретарь Таддеи сидел за столиком рядом с ним, записывая слова сержанта. С другой стороны камина расположились изящный молодой человек в черном и кардинал в пурпурном плаще и алой шапочке, оба внимательно слушали.

Никогда не спящие мануфактуры закрылись, судя по всему, поскольку рабочие, ciompi, оставили работу и сейчас грабили и жгли торговый район в своем нищем квартале. Паскуале понял, что в рапорте сержанта речь идет о защите склада Таддеи отрядом городской милиции.

Сержант завершил рассказ:

— Эти скоты подожгут и собственные дома в припадке ярости, но, если нам повезет, они не догадаются или не захотят жечь мануфактуры и склады или переходить через мост. Они понимают: если это произойдет, им придется иметь дело не только с нами, но и с отрядами наемников, а я сомневаюсь, что им хватит духу на настоящее сражение.

Кардинал подался вперед. Это был живой приятный человек лет сорока, с гладкими темными волосами и выстриженной челкой, длинным прямым носом и глазами с тяжелыми веками, он пристально посмотрел на солдата. На его груди покоился большой инкрустированный камнями крест на толстой золотой цепи.

— Будьте уверены, они пойдут через мосты. За этим бунтом стоят савонаролисты, это совершенно очевидно.

Сержант заговорил, сбиваясь от волнения:

— Прошу прощения, ваше преосвященство, но даже савонаролистам, следа которых я здесь не вижу, будет затруднительно возглавить такую толпу. Ciompi вообще никто не возглавляет в данный момент. У них нет никаких целей, они бунтуют ради самого бунта, каждый за себя, каждый хватает что может, а остальное сжигает. Они живут как скоты, так они себя и ведут.

У кардинала сверкали кольца на всех пальцах, которыми он потирал резные подлокотники кресла, сдерживая нетерпение, пока сержант говорил. И теперь заговорил он:

— Последователи Савонаролы уже скоро проявят себя. В последнее время их много развелось среди молодых рабочих мануфактур.

— Это верно, — подтвердил Таддеи. — Одного даже обнаружили у меня в ткацких мастерских всего месяц назад. Он прикидывался ткачом, а сам сеял крамолу среди остальных рабочих. Я приказал прогнать его палками до городской стены и обратно, а потом отправил в тюрьму и уволил всех рабочих из того цеха. Но если есть один, есть и еще, если не на моих складах и мануфактурах, то на предприятиях моих более беспечных друзей и соратников.

— Синьор Таддеи, я жду ваших указаний, — отчеканил сержант.

— Я заплачу охранникам всех моих мануфактур и складов. Вы знаете условия и знаете, что они вполне приемлемы для вас. Теперь идите, сержант, вас ждет долгая ночь.

— Синьор, — решительно произнес сержант, — если к этому бунту причастны савонаролисты, меня могут перебросить на мосты, помогать охранять их.

Молодой человек в черном произнес саркастически:

— Если вам придется охранять мосты, значит, они не станут трогать мануфактуры, разве не так?

Этот парень был не старше Паскуале, с копной взъерошенных светлых волос и лицом жестоким, словно заточенный клинок, его впалые щеки были усыпаны прыщами. Левую руку он подсунул под согнутое колено, большим и указательным пальцами пощипывая сухожилие.

— Я сделаю все от меня зависящее, чтобы никакие другие приказы до вас не дошли, — обратился Таддеи к сержанту. — Я уверен, человек, получавший такие награды, сумеет справиться со столь несложной задачей.

— Если все осложнится, мы всегда сможем отделаться от любых гонцов, списав потом все на восставших… — задумчиво протянул сержант.

— Я не хочу знать, как именно вы это сделаете, — неприязненно произнес Таддеи и обернулся к секретарю. — Маркетто, не записывайте это. Я не участвую в беззакониях.

— Открыто, — добавил молодой человек, улыбаясь лишенной веселости улыбкой.

— Не участвую, — твердо повторил Таддеи. — Возвращайтесь к своим обязанностям, сержант. Мы будем молиться за вас.

Сержант отдал честь и вышел вон, а Таддеи улыбнулся Паскуале, словно только что заметил его:

— Иди сюда, мальчик! Подойди. Может быть, ты сможешь рассказать нам что-нибудь новое, просветить моего друга, присутствующего здесь. Это тот юноша, о котором я вам говорил, — прибавил он, обращаясь к кардиналу.

Кардинал поднес к глазам очки в оправе, сделанной в форме ножниц. Он внимательно посмотрел на Паскуале:

— А-а, ученик Джованни Россо. У меня имеется одна работа учителя Россо, Андреа дель Сарто. Несколько старомодная, но все равно приятно посмотреть.

Паскуале заговорил с жаром:

— Я многому научился у учителя, и у Пьеро ди Козимо тоже. Может быть, вы видели рисунок места убийства Джулио Романо, эту гравюру я резал сам. Я владею всеми техниками рисунка, особенно мне удается рисунок серебряным карандашом, и знаю все о фресках и любых картинах, которыми может заинтересоваться ваше преосвященство. В данный момент я занят созданием ангела, какого никто не создавал раньше…

— Ах, если бы мы собрались здесь говорить о живописи, — покачал головой кардинал.

— Если ваше преосвященство не против, может быть, вы примете в дар одно мое произведение. — Паскуале отстегнул флорентийскую лилию, которая была прикреплена к его черному камзолу (тонкая позолота немного пострадала во всех переделках, но все еще мерцала неярким маслянистым блеском), и протянул ее кардиналу. Он гадал, надо ли ему целовать кольцо кардинала. Он все-таки никогда раньше не встречался с кардиналами и смутно помнил, что Папе нужно целовать ногу (некоторое время назад произошел небольшой скандал, когда оказалось, что Папа Лев X, выезжая на охоту, надевает кожаные сапоги длиной до бедра, что делает целование ноги невозможным. Печатные листки заявили, что Медичи ведут себя на папском престоле как считают нужным, как когда-то вели себя с правительством Флоренции).

Кардинал принял небольшую брошку и повертел ее длинными бледными пальцами:

— Если бы я мог носить такое на людях, я был бы счастливейшим человеком на свете.

Таддеи подал знак, и мальчик-паж принес стул. Паскуале сел. Оказалось, что теперь ему придется смотреть на всех снизу вверх.

Таддеи посчитал необходимым оправдать присутствие молодого художника:

— Этот молодой человек принимает участие в расследовании Никколо Макиавелли убийства Джулио Романо. Его спасли из Палаццо делла Синьория этим вечером и привезли прямо сюда. — Он обратился к Паскуале: — Я полагаю, ты был вместе с синьором Макиавелли, когда он помогал расследовать убийство Рафаэля.

— Да, это верно, — ответил Паскуале. Он не знал, что именно может рассказать, но пока что все шло хорошо.

— Я был уверен, что Макиавелли пал до уровня обычного журналиста, жалкое занятие для человека его дарований, — произнес кардинал. — А ваши слова меня радуют. Неужели члены Синьории снизошли до того, чтобы снова привлечь его к государственным делам?

— Сомневаюсь, что они вообще задумывались об этом, — ответил Таддеи. — Макиавелли к делу привлек я сам, изначально для расследования смерти несчастного Джулио Романо. Его убийство…

— Да, да. Я слышал эту печальную историю от Рафаэля, всего за час до того, как он сам был убит. Я и не думал, что Флоренция такой опасный город. Но я и не знал, что дело расследует Макиавелли. Дерзкий выбор, — сказал кардинал, — и проливающий бальзам нам на сердце. Мы всегда считали Макиавелли сторонником нашей семьи.

Паскуале с некоторым трепетом осознал, кто этот кардинал: Джулио де Медичи, кузен Папы. Он задумался, во что же он ввязался. Разумеется, ведь синьор Таддеи добрый друг Рафаэля, значит, знаком и с Папой, но Паскуале начал понимать, что не так все просто в этих кругах. Как и в живописи, где каждый предмет — не только он сам, но и его аллегорическое значение, так и здесь каждый поступок имеет зловещую тень.

— Я вижу, ты узнал моего знаменитого гостя. Не сомневайся, он друг Флоренции, — обратился Таддеи к Паскуале.

— Я не сомневаюсь, что ваш друг является и другом Флоренции, синьор, — ответил юноша.

Таддеи продолжал:

— Я должен еще представить Джироламо Кардано, математика и незаменимого помощника, сведущего в природной магии, и моего личного астролога.

Молодой человек в черном, Кардано, морщась, заерзал на стуле.

— По моему мнению, Макиавелли хороший солдат, знающий драматург, всего лишь средний поэт и отставной слуга государства. Ему нельзя доверять. Даже его друзья говорят так, из любви к этому городу он готов пожертвовать кем угодно. Но вы никогда не принимаете в расчет мое мнение, когда начинаете действовать, — заявил он.

— Напротив, мой дорогой Джироламо, — возразил Таддеи, — в твоих словах всегда содержится изрядная доля правды. Здесь же суть в том, что Макиавелли притягивают разные задачи и загадки. Задача может полностью захватить его и совершенно завладеть его вниманием, если она достаточно сложна, и я полагаю, эта задачка действительно его захватила. Теперь ему не нужно ничего поручать. Он весь в этом. — Таддеи устремил решительный взгляд на Паскуале. — Расскажи нам о расследовании, мальчик мой. Точнее, где он сейчас. Мои люди не сумели его найти. Или его не было там с тобой?

— На самом деле, синьор, я тоже был бы рад видеть его здесь, поскольку не знаю, где он, и я очень боюсь за него. Последний раз я видел его в Палаццо делла Синьория. Он отправился с капитаном стражи, чтобы допросить слуг, которые подавали на стол, когда произошло убийство, поскольку установил, что Рафаэля отравил вовсе не виночерпий.

Паскуале рассказал, что выяснилось в Палаццо делла Синьория, обращаясь в основном к Таддеи, но искоса поглядывая на кардинала. Когда он замолк, то оказалось, что рядом с ним появился паж с золотым подносом, на котором стоял драгоценный кувшин с вином. Он с благодарностью выпил, и тотчас же насыщенные винные испарения ударили ему в голову, согревая, будто жар очага.

Джироламо Кардано поерзал на стуле, внезапно сморщившись, словно от боли. Паскуале видел, что его указательный и большой пальцы сомкнулись пинцетом на мягкой плоти под коленом, от этого самобичевания слезы выступили у него на глазах. Юный астролог поймал взгляд Паскуале и пояснил со смешком:

— Как и Макиавелли, мне необходимо напоминать о слабостях собственного тела.

— Никколо Макиавелли пьет, Джироламо истязает себя. Он утверждает, что иначе его снедает некая душевная скорбь. Он не верит в самого себя, видите ли, пока не причинит себе хотя бы небольшую боль, — посмеиваясь, сказал Таддеи.

Кардано не обратил внимания на эти слова и обратился к

Паскуале:

— Вы так и не рассказали, почему за вами гнались люди на ходулях.

— Сказать по правде, синьор, я и сам не знаю. Мне показалось, что люди на ходулях преследовали каждого, на кого почему-либо обращали свое внимание.

— Он что-то скрывает, — объявил Кардано.

Вялым движением руки он словно из ниоткуда извлек белую маску, повернул так, что все ее изгибы заблестели в свете камина. Перебросил маску Паскуале, который машинально поймал ее. У маски были треугольные, обведенные черной краской прорези для глаз и черные ленты, чтобы завязать ее на затылке. Ленты заскорузли от высохшей крови.

— Венецианская карнавальная маска, снятая с одного из типов на ходулях, — пояснил астролог. — Что вы могли бы рассказать нам о венецианцах, художник?

— Ничего более того, что вам, кажется, и так уже известно.

Кардано снова сделал ленивое движение и достал небольшую коробку, покрытую черной кожей. Астролог снял задвижку, прикрывавшую глазок с одной стороны. Паскуале сразу же понял, что это такое: Баверио хорошо описал коробку.

— Мы нашли это среди вещей несчастного Джулио Романо, — вполне благодушно сказал синьор Таддеи.

— Но кое-чего не хватает, — добавил Кардано. — Полагаю, оно у вас.

Паскуале обнаружил, что ужасно потеет, хотя ощущение у него было такое, словно он принимает ледяную ванну.

— Это всего лишь кусочек стекла, покрытый какой-то черной гадостью.

Он явственно видел его. Обломок лежал на стопке бумаг на письменном столе Никколо, вместе с летающей игрушкой.

— А, — сказал Кардано, — значит, засвечено. Если бы мы точно знали, что это так.

— Можете спросить пажа Рафаэля. Это он отдал мне стекло, из самых лучших побуждений. Он надеялся, оно поможет мне отыскать убийцу Романо.

— Едва ли, — сказал Кардано. — Где оно?

— У меня его нет.

Синьор Таддеи поднял бровь, выражая сомнение.

— Я отдал его Никколо, синьору Макиавелли. С вашего позволения, я хотел бы знать, что оно означает.

— Кое-что или ничего, — сказал Кардано. — Это зависит от того, что на нем изображено.

— Тогда это просто какое-то магическое зеркало, — заметил

Паскуале.

— Более мощное и точное, чем магическое зеркало, — сказал астролог. — Эта коробка передает изображение на закрытую стеклянную пластину, которая улавливает его и зачерняет по-разному различным количеством света. Тот кусок, который попал к вам, мог бы содержать, а мог и не содержать какое-нибудь изображение, но он не был обработан, чтобы потерять чувствительность к свету. Вот почему он почернел, когда его вытащили наружу. Не говорите мне, что вы не знакомы с процессом, художник. Вы и не должны, ведь это означает конец вашей профессии.

— Я слышал что-то подобное, — сказал Паскуале.

— Великий Механик решил рассказать о своем изобретении, когда понял, что о нем стало известно шпиону. И он сделал это мастерски, создав портрет Папы и его ближайшего окружения, — пояснил Таддеи.

— Это очень небыстрый процесс, — заметил кардинал. — Как жаловался Лео! Нам пришлось сидеть неподвижно целых две минуты, а Лео пришлось держать голову на специальной подставке, сделанной Великим Механиком, поскольку малейшее движение могло размазать картинку.

Паскуале неожиданно понял истинную природу обгорелой картины у него в сумке. Это был не рисунок, а копия действительности, отпечаток чего-то, что имело место на самом деле. Джустиниани специально позировал, из чудовищной гордыни или цинизма, а Франческо попытался продать ему копию. Но если это изобретение Великого Механика, как оно оказалось у ассистентов Рафаэля? Это Салаи передал его им? А если да, то с какой целью?

Отвечая на эти вопросы, которые всплывали один за другим в мозгу Паскуале, Таддеи сказал:

— Один из таких приборов был. похищен из мастерской Великого Механика. Похоже, Романо здесь шпионил.

— Но не в пользу Рима, несмотря на его имя, — вставил кардинал. — Похоже, что Джулио Романо пообещали работу и карьеру в обмен на такую малость. Он не был предателем, просто уверился, что слишком уж долго работает в тени Рафаэля. Ему предложили место при испанском дворе, если он окажет некоторые услуги. Но несчастный Романо был ни в чем не повинен, его убили сразу, как только он понял, что именно нужно его нанимателям, во всяком случае, мы так думаем.

На миг Паскуале показалось, что он провалился во внезапно установившееся в большой, освещенной камином комнате молчание. Он обратился к Таддеи:

— И вы наняли нас для поиска убийцы, зная обо всем этом?

— Я не знал ничего до сегодняшнего вечера, — запротестовал Таддеи. — Я выяснил это из послания, пришедшего всего за миг до того, как тебя привезли. Судя по всему, тот, кто похитил тело Рафаэля, желает обменять его на тебя, молодой человек.

— Это сообщение прислал Джустиниани?

— Оно не было подписано. В нем говорилось о предательстве Романо, и оно содержало требование доставить тебя на южную часть Понте Веккьо в определенное время. А почему ты подозреваешь Джустиниани?

— Я видел, как на его вилле убили человека, — признался Паскуале.

Кардано подался вперед:

— Это, наверное, исчезнувший человек, Джованни Франческо. Это все объясняет. Наверное, Франческо был сообщником Романо, возможно, он и убил Романо, чтобы присвоить все вознаграждение себе. Однако был, в свою очередь, убит, потому что не сумел выполнить задание.

Паскуале решил не рассказывать о картине с изображением черной мессы, и о летающей игрушке, и о попытке Франческо шантажировать мага. Франческо мог бы оказаться убийцей Романо (Романо, конечно, открыл бы ему дверь сигнальной башни), но едва ли Франческо сумел бы отмыться от крови Романо за короткий промежуток времени между предсмертными криками Романо и началом поисков, почти немедленным. Но даже если Романо убил Франческо, зачем он отправился на переговоры к Джустиниани? Он наверняка сначала попытался бы вернуть коробку, она была у Таддеи, а значит, в пределах досягаемости, и еще он забрал бы летающую лодку у Романо. В данный момент, обессилевший и уже довольно пьяный, Паскуале не мог разрешить загадки. Как он жалел, что не обладает острым взглядом и проницательностью Никколо… и его пронзила боль осознания, что он может никогда не увидеть его больше. Люди Джустиниани могли убить его в суматохе на площади у Палаццо делла Синьория.

— Лучше расскажи нам, Паскуале, что именно произошло на вилле Джустиниани, — попросил Таддеи.

Когда Паскуале договорил, не упоминая о шантаже, повисло молчание. Наконец кардинал произнес:

— Нам больно слышать, насколько печальны здесь дела. Мой кузен хотел сделать Рафаэлю заказ, поручить ему завершить капеллу, которую уже столько времени не может завершить Микеланджело.

— Нет сомнений, Джустиниани был посредником в

переговорах Романо с испанцами, — сказал Таддеи, — и будет поддерживать с ними отношения и впредь, если сумеет. Вот почему его люди пытались схватить этого мальчика. Но убийство Рафаэля — событие, которое могут использовать в тайной войне савонаролисты. Неожиданно выяснилось, что сражаются три стороны.

— Тело Рафаэля необходимо вернуть. Как бы сильно ни любило мое семейство Флоренцию, кузен не сможет предотвратить войну, если вернется в Рим без тела, — произнес кардинал.

— Рафаэль был гостем города, — пояснил Таддеи Паскуале. — То, что его убили, само по себе скверно, хотя убийство можно списать на происки последователей Савонаролы. Но то, что его тело было похищено и Флоренция не может его вернуть… Если тело не вернут, начнется настоящая война между Римом и Флоренцией. А если союз распадется, Испания получит все. Известно, что она не удовольствуется югом Италии, а будет править всем, включая наши колонии в Новом Свете. Испанский флот стоял неподалеку всю прошедшую неделю, без сомнения, они высадятся, как только альянс обернется войной. Они уже столько времени платят савонаролистам, и наконец беспорядки, которых они ждали, разразились.

— Наверняка никто не посмеет атаковать Флоренцию. Нас же защищает гений Великого Механика, чьи изобретения прогнали армии Рима и Венеции после убийства Лоренцо, — заявил Паскуале.

— Какая ирония, если сыну Лоренцо придется развязать войну с Флоренцией из-за этой скверной аферы, — заметил кардинал.

Таддеи пояснил Паскуале:

— Теперь все государства вооружены одним и тем же оружием, скопированным с оригиналов, впервые примененных Флоренцией, и во многом усовершенствованным. У всех правителей есть ракетные пушки, собственные передвижные щиты, «греческий огонь» и все остальное. Если Великий Механик и изобрел новое оружие, он держит его в тайне даже от Синьории.

— Он уже старик. Говорят, он спятил и одержим идеей бегства от Всемирного Потопа, который принесет с собой конец света Не знаю, что надеются разузнать испанцы, но в данный момент два человека убиты из-за изобретения, не имеющего никакого отношения к войне и которое все равно было всем показано, — высказал свое мнение Кардано.

— Вам известно, что я сегодня видел вашего Великого Механика, — сказал кардинал. — Он показался мне

отстранившимся от всего вокруг. Он вообще не разговаривал и даже ни разу не взглянул на свой чудесный механизм, пока его ассистенты трудились, чтобы создать портрет моего кузена, не услышав от него ни слова, ни указания.

— Он давно уже ничего не изобретал, — заявил Кардано. — Чем больше развивается его университет, тем больше скудеют его собственные способности.

— Тем не менее это печальное происшествие угрожает самому существованию Республики и возобновлению ее союза с Римом, — заметил Таддеи.

Кардинал кивнул, внезапно посерьезнев. Кардано, закусив нижнюю губу, все это время разглядывал Паскуале с каким-то мрачным упорством.

Таддеи вновь обратился к Паскуале:

— Пойми, мы делаем это только по принуждению.

— Ничего личного, — добавил Кардано.

Послышался звон доспехов, дюжина солдат бодрым маршем вошла в полукруглую дверь в дальнем конце комнаты. Кардано выхватил короткий тонкий меч, и Паскуале вскочил на ноги, подняв стул, чтобы защититься от удара Второй взмах стула выбил меч из рук астролога. Клинок проехал по персидскому ковру, Паскуале побежал, подхватил его и повернулся лицом к солдатам, поводя мечом из стороны в сторону, чтобы держать их на расстоянии.

Некоторое время был слышен только шум огня в камине.

Затем, капрал замахнулся и выбросил вперед боевые клещи. Их зазубренные челюсти схватили Паскуале за голову и левое плечо, пронзив резкой, как вспышка света, болью.

Капрал повернул свое оружие. Каменный пол ударил Паскуале по бедру и спине. Меч выпал из его руки, зазвенев по плиткам пола. Тело онемело. Он смотрел на белые своды потолка. С каждого выступа арок потолка улыбались позолоченные путти[20] с пухлыми щечками и розовыми ротиками. Тень нависла над Паскуале. Кардано наклонился и нежно прижал вонючую тряпку к его рту и носу.

6

От эфирной жидкости, которой была пропитана тряпка, Паскуале уснул не до конца. Он словно застыл на грани сна и бодрствования, словно снова лежал на низенькой кровати в узкой маленькой комнатенке при студии, которую делил с Россо и макакой, мучаясь тупой болью похмелья и встречая новый день. Он ощущал движение и спал, или думал, что спит, покачиваясь на спине демонического орла, словно чародей Герберт, который ехал верхом на демоне, чтобы спастись от инквизиции, он спасся и стал Папой Сильвестром II. Орел повернул к Паскуале жуткое рогатое лицо и небрежным взмахом крыла сбросил его со спины. Он попытался закричать, но слова застряли у него в горле. Огромная пасть распахнулась на него, пожевала зубами, открылась и выплюнула его в ночь.

Когда Паскуале очнулся, он ощутил тряску повозки. Голова казалась сжатой железными тисками, во рту стоял кисло-сладкий привкус. Он лежал на животе на полу экипажа, растянувшись во весь рост между скамьями, на которых сидели два солдата. Руки были связаны тонкой прочной веревкой, и, хотя ноги были свободны, ему не хватило бы ни сил, ни желания, чтобы попытаться просто сесть, не говоря уже о том, чтобы встать.

Солдаты, массивные в искаженной перспективе, словно статуи римских императоров, были в железных нагрудниках и шлемах с вытянутыми клювами и рогами на макушке, подобного рода фантазии любили албанские наемники, которых покупали купцы-частники для защиты своих караванов. Значит, Таддеи держит свое обещание. Паскуале везут, чтобы обменять на тело Рафаэля.

Повозка загрохотала, останавливаясь, и один из наемников высунулся в окно (Паскуале услышал стук, когда тот откинул ставню, а затем ощутил дуновение прохладного воздуха) и закричал что-то вознице. Вместе с холодным воздухом, который помог Паскуале прийти в себя, донесся и многоголосый звук, похожий на шум моря, и запах пожара.

Повозка снова тронулась, и звук сделался громче: кричали люди, доносились отдельные разрозненные выстрелы, вопли. Повозка опять остановилась. Один из наемников заговорил с кем-то, повторяя: «Смотри, смотри, вот пропуск, вот печать Совета Десяти». Дверца повозки резко распахнулась, гул толпы стал громче в два раза. Внутрь ворвался луч света от фонаря. Грубые руки усадили Паскуале, он как раз вовремя вспомнил, что стоит закрыть глаза. Пусть думают, будто он до сих пор без сознания.

— Вот этот кусок дерьма мы должны перевезти через реку, — сказал первый наемник.

— И прямо сейчас, — добавил второй.

Третий голос, с флорентийским акцентом, ответил:

— Вам придется выкручиваться самим, вы не переедете через этот мост и ни через какой другой.

— Нам нужен этот мост, капитан, — настаивал первый наемник. — У нас важное дело на другой стороне. Читайте, здесь сказано, мы имеем право просить вашей поддержки.

— Я дал вам совет. Это все, что у меня есть, — ответил капитан.

— Оставьте его себе, — заявил второй наемник. — А нам лучше дайте несколько человек.

— Да вам понадобится чертова армия, чтобы пробиться через эту толпу, — сказал капитан, — я же не могу дать вам ни одного солдата.

— Здесь сказано…

— Я умею читать, — отрезал капитан, — а это гораздо больше, чем умеете вы. Приведите мне того, кто это написал, и я, может быть, выслушаю его. Вам же я скажу, что делать: разворачивайтесь и ниже по течению, у Сардинии, попробуйте нанять лодку. Не исключено, что печать на этом клочке бумаги произведет впечатление на какого-нибудь бедного гребца.

— Мы доложим о вашем поведении, когда вернемся, — пообещал второй наемник. — Я запомнил ваше лицо.

— Не сомневаюсь. А пока что разворачивайте экипаж и уезжайте с моста. Любой, кто пытается прорваться сквозь этот сброд, только еще больше их раздражает. Попробуйте найти переправу. Если вам не повезет с этой бумагой, вы всегда сможете стянуть лодку сами. В этом вы, наемники, большие мастера, а?

Оба наемника принялись бранить капитана, красноречиво и без акцента, и тот засмеялся. Затем в отдалении раздался грохот железа, громкий вопль, и капитан закричал:

— Теперь вам ясно, почему вам придется поворачивать? Уезжайте немедленно!

Совсем близко громыхнула пушка, экипаж прокатился вперед, когда лошади испуганно дернулись.

Дверца захлопнулась с такой силой, что вся повозка закачалась. Паскуале позволил уложить себя обратно на пол и рискнул открыть один глаз, когда солдаты заспорили на своем гортанном языке. Отсветы огня заплясали по крыше повозки, чьи-то головы промелькнули за окном. Затем обзор заслонил рогатый шлем одного наемника, который высунулся в окно и крикнул вознице, чтобы тот трогал. Возница, видимо, заспорил, поскольку

солдат выругался и заорал, что им необходимо попасть на другой конец моста, надо ехать, ехать, и прямо сейчас, сейчас же гнать галопом!

Экипаж рванул вперед так резко, что Паскуале перекатился под ноги солдатам, которые пнули его обратно, словно бревно, оставив синяки у него на бедрах и плечах. По бокам повозки заколотили, с резким звоном разбилось окно. Экипаж закачался, когда удары усилились и сделались чаще, потом повозка набрала скорость.

Снаружи раздались крики и взрывы. Наемники припали каждый к своему окну и принялись быстро стрелять из пистолетов. Паскуале попытался сесть, охваченный паникой, но тут один из солдат вскрикнул и завалился назад, прямо на него.

Паскуале чувствовал, как горячая кровь человека пропитывает его тунику. Он задыхался под весом мертвого тела и обеими руками обшаривал пояс наемника, но ножа не нащупал. Затем тяжелый груз исчез, и первый наемник поднял его за волосы так, что он закричал, когда солдат потащил его из экипажа в полную шума и огней ночь.

Они были на Понте Веккьо. Он походил на ворота в Ад. По обеим сторонам дружно полыхали лавки, крыши провалились, пламя поднималось высоко, а искры взметались еще выше. Разбитые ацетиленовые фонари с шипением выплевывали гейзеры желтого огня. На противоположном конце моста толпились люди, их лица казались красными в свете пожара, а глаза — блестящими булавочными головками. Некоторые забрались на парапет или на еще не занявшиеся лавки. С их стороны неслось мощное нестройное пение и град маленьких метательных снарядов, которые становились заметны, только когда взлетали в свете пожара. Большая часть прошла мимо экипажа, но некоторые ударились о мостовую рядом с повозкой, с резким грохотом запрыгали камни, зазвенело стекло. В нескольких braccia отсюда лежало мертвое тело, другие трупы были разбросаны по мостовой, трудноразличимые кучи в неверном свете пожара.

Воздух над головой взорвался выстрелами: солдаты, оборонявшие баррикаду, решили, что экипаж проскочил, и возобновили стрельбу. Паскуале видел, как человек развернулся и свалился с парапета в воду. Все звуки, которые он, должно быть, издавал при падении, заглушил шум толпы.

По обеим сторонам от пылающего моста, по берегам, тоже горели дома, а под ними пылали их перевернутые отражения.

Наемник запустил пальцы в волосы Паскуале и запрокинул назад его голову. Он сказал:

— Ваша чертова милиция застрелила возницу и Луиджи. Только попробуй бежать, и я тебя пристрелю. Прикончу на месте.

У Паскуале пересохло во рту. Он водил языком по небу, пока не появилась слюна, затем заговорил:

— Мне казалось, ваш хозяин хочет получить меня живым.

— Мне приказано доставить тебя на другую сторону моста. Мертвым, живым, мне без разницы. Но, как я понимаю, солдаты там, сзади хотят тебя живым, иначе они стреляли бы по нам из пушек, как они стреляют по толпе, чтобы сдержать ее.

— Чего ты от меня хочешь?

Наемник снова схватил Паскуале за волосы и потянул назад:

— Мы пойдем обратно пешком, и ты потребуешь у них гарантий на безопасный переход через реку. Может, они послушают такого благородного господина, как ты.

Паскуале поразился подобной глупости и засмеялся наемнику прямо в лицо. Солдат вышел из себя и сбил Паскуале с ног. Паскуале увидел в этом свой шанс. Он прокатился под экипажем, вскочил на ноги с другой стороны и побежал к баррикаде. Единственное, что ему оставалось, — это размахивать связанными руками над головой и кричать, что его похитили. Рев толпы позади него усилился: они рванулись вперед. Огоньки засверкали и замелькали в рядах милиции за баррикадой, первые пули ударились в булыжники мостовой рядом с Паскуале. Одна стесала камень парапета и со свистом ушла в тьму над водой.

Паскуале припал к земле, стараясь сделаться как можно незаметнее. Зажигательные стрелы тоже летели дождем, повозка начала гореть в тех местах, куда они угодили. Наемник внезапно осел и схватился за пронзенный нагрудник. Горящие стрелы сыпались на мостовую, самое жуткое, что одна угодила в труп, который, в чудовищной пародии на жизнь, медленно зашевелился посреди шара оранжевого пламени и черного дыма, когда его мускулы начали сокращаться от жара.

Грохнула пушка. Ядро просвистело над головой, снесло верх горящей лавки и исчезло в темноте. Толпа отхлынула назад, люди в панике топтали упавших товарищей. Пара лошадей, впряженных в экипаж, рванулась вперед, вращая глазами, пена стекала с их губ, когда они пытались сдвинуть стоящую на тормозе повозку.

Паскуале побежал обратно к экипажу, поскольку это было единственное укрытие на мосту. С перекрещенными и связанными руками он не мог схватиться за поручни, но поставил ногу на скобу и подтянулся вверх. Возница лежал на козлах, Паскуале испачкал кровью руки, когда высвобождал поводья из хватки мертвеца. Он пинком снял колеса с тормоза, хлестнул

вожжами по взмыленным конским спинам, и лошади резво понеслись на толпу. В один восхитительный миг казалось, что у Паскуале получится, но затем экипаж наехал на перевернутый велосипед, который застрял в спицах передних колес. Экипаж развернулся, окованные железом колеса потащили за собой петушиные хвосты искр из булыжной мостовой.

Лошади забились, обезумев от страха, поскольку оказались зажатыми в узком проходе между горящими домами. Паскуале пытался удержать поводья, но у него не было сил. Экипаж понесло на полыхающую мясную лавку, и Паскуале прыгнул и несколько раз перекувырнулся.

Когда он пытался подняться на ноги, к нему из толпы побежали два человека. Нет, человек и обезьяна. Макака Фердинанд. Обезьяна села рядом с Паскуале и посмотрела на него умными карими глазами. Человек, державший макаку за железный ошейник, улыбнулся Паскуале, глядя сверху вниз, — это был Джованни Россо.

7

Пока толпа надвигалась, снова затянув свою издевательскую песнь, Россо присел на корточки и перерезал веревку, стягивающую запястья Паскуале. Боль пронзила его пальцы. Кожа на всех суставах была содрана, и боль усилилась, когда он принялся сгибать и разгибать руки, опасаясь, не сломаны ли кости.

Кости были целы.

Россо повел его сквозь плотные ряды волнующегося народа Паскуале как-то целый день наблюдал в Сардинии, как обезумевшие люди бродили взад и вперед среди скал и ободранных туш лошадей и мулов. Теперь он видел перед собой лица, выражавшие то же самое: от всепоглощающий ярости до пускающего слюни идиотизма. От горящих лавок мясников с обеих сторон пыхало жаром. От запаха горелого мяса мутило. Над корчившимися телами дрожал свет, ярко-красный, багровый, золотой. В нос заползали запах пота и вонь дыма, трещало горящее дерево. Когда где-то грохнула пушка, почти все попадали на колени, затем медленно поднялись и снова двинулись вперед.

— Они могут убить нас всех одним выстрелом! — закричал Паскуале учителю.

— И наверняка разнести мост, — крикнул Россо в ответ. — Нет, они стреляют, чтобы дать нам понять: они могут это сделать, но целят они дальше, чем нужно, в самое глубокое место канала. Время убивать еще не пришло, пока не пришло. Им нужен приказ.

У Паскуале голова шла кругом, ему ничуть не казалось странным, что учитель оказался здесь, чтобы прийти ему на помощь. Он спросил:

— Куда мы идем?

— Подальше отсюда. Пока они не получили приказ целиться из пушек в народ и очистить мост цепочными ядрами. Видел когда-нибудь такие? Пара небольших железных ядер соединяется цепью в пядь длиной. Может перерезать человека пополам. Их прозвали яйцами Великого Механика, им тоже никогда не зачать ребенка.

Когда Паскуале и Россо достигли дальнего конца моста, пропихнувшись мимо соглашательски настроенных торговцев и их клиентов, они спустились по крутой лестнице к Новому Пути, протянутому над рекою всего лет пять назад. Это место для прогулок особенно любили механики, отсюда они могли обозревать систему каналов, которыми они обуздали Арно, Большую Башню, где обитал главный представитель их племени,

и мануфактуры, сделавшие их богатыми и могущественными.

Россо остановился и сделал один из своих великолепных жестов, указывая на горящий мост немного ниже по реке:

— Разве тебе все это не нравится, Паскуалино? Я напишу такую картину, каких никто еще не писал! Огонь и черная вода, люди, жаждущие крови других людей! Говорят же, что я мастер света и теней, я покажу им, чего я стою на самом деле! Если я найду подходящего заказчика, это принесет как минимум четыре сотни флоринов!

Паскуале невольно улыбнулся:

— Учитель, только вы способны в подобной ситуации думать о заказах. Нам придется идти дальше?

— А что такое? Нога болит? Да, упал ты здорово, зато вертелся не хуже акробата. Ах, Паскуалино, я никогда не понимал, что плохого в том, чтобы попытаться улучшить свое материальное положение. Человек должен хвататься за любую предоставленную ему возможность. Беда наша, тосканцев, что мы слишком легкомысленно относимся к подобным вещам, вот почему влачим жалкое существование и прозябаем в бедности.

Паскуале принялся смеяться. Смех поднимался откуда-то из глубины и никак не прекращался. Он хохотал, пока ему не пришлось схватиться за перила мостков, чтобы устоять на ногах. Железные поручни были горячими под его ладонями.

— Да, я знаю, как тебя забавляют серьезные дела, — сказал Россо. — Но немного больше дела, немного меньше мечтаний, Паскуалино, и ты мог бы стать богачом. Посмотри вверх по реке! Должно быть, это горит текстильная мануфактура купца Таддеи. Смотри, как его краски расцвечивают огонь!

— Я видел синьора Таддеи всего час назад, — сообщил Паскуале.

— Да, знаю.

— Вы знаете? Учитель, откуда?

Россо сказал веско:

— Я же видел гербы на дверцах экипажа.

Он позвал обезьяну, Фердинанда, который лениво покачивался на перилах. Макака спрыгнула вниз и пошла беззаботной, валкой походкой моряка. Фердинанд положил руку на бедро хозяина и поглядел на него умоляющим взором, Россо кинул виноградинку, которую макака поймала своими крепкими желтыми зубами.

— Чертова обезьяна, — с чувством произнес Россо, стукнув животное по выпуклому лбу, — надо было кормить тебя чем-нибудь другим, не виноградом. Виноград для тебя, как для Евы яблоко. Ишь как ты ухмыляешься, знаешь, что так оно и есть.

Гадкое, гадкое, *гадкое* падшее создание. Тебе не стоило учить его воровать, Паскуале. Это и стало его падением.

— Вы тоже виноваты, учитель. Скажите, что это так, а не то я сойду с ума! — заулыбался Паскуале.

От всей этой болтовни Россо снова развеселился.

— Скажи мне, что, по-твоему, является правдой, Паскуалино.

— Вы знакомы с ассистентами Рафаэля. Теперь я припоминаю, что вы много рассказывали мне о них на праздничной мессе, но до сих пор я не задумывался, откуда вам все это известно.

— Но ты же знаешь, как я обожаю всякие сплетни. Ах, Паскуалино, ты провел столько времени со знаменитым журналистом Никколо Макиавелли, что тебе повсюду мерещатся заговоры, во главе которых, без сомнения, стоят испанцы.

Паскуале вздрогнул. Он спросил:

— У вас не найдется сигаретки, учитель?

Россо протянул ему сигарету, сунул вторую себе в рот и зажег обе от своего огнива. Паскуале с жадностью втянул прохладный дым в легкие. Руки у него так дрожали, что он с трудом удерживал сигарету, зажатую между большим и указательным пальцами. От холодного воздуха саднили ободранные суставы. Он сказал:

— Я как раз был с Никколо Макиавелли, когда видел вас, хотя тогда я вас не узнал. Это было в саду виллы венецианского чернокнижника, Джустиниани. Мне кажется, вы отправились туда со своим тезкой Джованни Франческо. Ваши планы как-то расстроились после убийства Джулио Романо. Может быть, он был главный? Или у него похитили нечто, что вы собирались продать венецианцу в обмен на обещание каких-то выгод.

— Да, возможно, кое-что похитили. Или, скажем так, захватили по ошибке.

В голову Паскуале пришла догадка, от которой сердце заколотилось в груди.

— Если вы имеете в виду коробку, которая улавливает и запечатлевает свет, у меня ее нет.

— О, не ее. Она все время была у нас. Экспериментальный образец, который скоро станет доступен каждому. Рафаэлю дали один на пробу, хотя ему она скоро надоела, а Джулио сумел найти ей лучшее применение. Лучше оплачиваемое применение, скажем так. Он не был убит, Паскуалино, если речь не идет о нелепой гибели от несчастного случая. Точнее сказать, он не погиб от руки другого человека.

Лицо Россо, освещенное с одной стороны огнем от моста, казалось насмешливым, жестоким, отстраненным. Он выпустил из

надутых губ струйку дыма. Так мог бы выглядеть Люцифер в своей глупой заносчивости грешника, поскольку преступление Люцифера так велико, что оно превышает мерки человеческого греха, как бы ни было черно сердце грешника, если, конечно, механики не бросят вызов Небесам, пытаясь взобраться на них.

— Значит, вам известно, как умер Джулио Романо, но мне вы не скажете, — предположил Паскуале.

— Я уверен, ты догадаешься, если возникнет необходимость. Но это в самом деле не имеет значения. Не смерть бедного Джулио, разумеется, а то, как он умер. — Россо оттолкнулся от перил, обнял одной рукой Паскуале и повлек его вперед. — Нам надо пройти еще немного, — сказал он. Прогуляйся со мной.

— Что ж, — упрямо продолжал Паскуале, — значит, после смерти Джулио вам пришлось изобретать новую тактику, возможно, даже угрожать венецианскому магу. После чего он убил Франческо, а вы с Фердинандом бежали. Я видел в лунном свете, как вы оба пересекали лужайку. Я тогда принял Фердинанда за карлика.

— Ты побывал в странных местах, Паскуалино.

— Возможно, в более странных, чем вы думаете.

— Таддеи со своим доморощенным магом нисколько не странен, — сказал Россо. — Предусмотрителен, пожалуй, но не странен. Даже Папа нанимает на службу астрологов, по-видимому, со Священного Престола будущее видно плохо. Говори дальше, Паскуалино, ты не рассказал и половины, хотя я удивлен, что ты знаешь так много.

Паскуале признался, что это почти все, остальное только догадки.

— Я бы предположил, что венецианец убил Рафаэля, поскольку считал его состоящим в вашем заговоре, хотя, мне кажется, ничего подобного не было. А теперь кто-то украл тело Рафаэля и хочет заполучить меня. Вот почему я бежал, учитель. Таддеи собирался обменять меня на тело Рафаэля.

— Это к нашему делу не относится. Одно время Джустиниани был нашим посредником, а после глупой случайности, унесшей жизнь Романо, он начал давить на нас, требуя, чтобы мы принесли то, что обещали. Франческо решил, что сумеет надавить на него самого, и отправился на переговоры с Джустиниани. Надо сказать, я его отговаривал. Я знал, что такая змея, как Джустиниани, просто расхохочется от любой попытки шантажировать его. Он обожает всякие низости, ведь в них проявляется его могущество. Поэтому я с жаром отговаривал Франческо, а когда несчастный глупец отказался меня слушать, я поехал за ним, как и вы. Значит, ты знаешь, что с ним случилось

и что я не мог спасти несчастного Франческо, а был вынужден бежать, спасая собственную жизнь. Но теперь я не нуждаюсь ни в каких посредниках, поскольку могу заключить сделку непосредственно с теми, кто в состоянии дать мне то, что я хочу, а я могу быть полезен им.

Они сошли с мостков и полезли по громыхающей железной лестнице, пересекли широкую улицу.

— Куда мы идем, учитель? — спросил Паскуале.

— Навестить моих друзей. Возможно, ты им поможешь. А они, в свою очередь… мы посмотрим, ладно, Паскуалино?

Россо вел Паскуале по узкой улице, которая поднималась на крутой холм, оставляя позади высокие красивые дома, выходящие на берег Арно. По склону холма раскинулся дощатый квартал ciompi, тесно прижатые друг к другу темные силуэты на темной земле. Блеснуло несколько огней. Булыжники мостовых сменились грязью. В холодном ночном воздухе стоял острый запах гари, перебивающий жестокую вонь сточной канавы, с бульканьем несущей свои воды по центру улицы.

Паскуале остановился:

— А ваши друзья случайно не испанцы, учитель? Если да, я, пожалуй, дальше не пойду.

— Вот и благодарность за всю мою помощь!

— Миллион благодарностей за вашу помощь, учитель, но я не хочу в этом участвовать.

Россо засмеялся:

— Но ты уже участвуешь, Паскуалино. Кроме того, я знаю то, что хочешь знать ты. Например, где твой приятель Никколо Макиавелли. Разве ты не хочешь снова его увидеть?

Когда Паскуале попытался бежать, Россо схватил его за руку и сумел уронить в грязь. Паскуале от неожиданности растерялся. Он был сильнее учителя, но это сражение он проиграл. Обезьяна заверещала, взволнованно пошарила по груди Паскуале, по его разорванному камзолу, коснулась лица жесткими мозолистыми пальцами. Паскуале успокоил животное и медленно поднялся на ноги.

— В этом не было необходимости, — сказал он.

— Я знаю, что ты собираешься сказать, Паскуалино. Что я предатель, якшающийся с врагами государства. Но на самом деле это не так. Кстати, с того самого момента, как мы перешли мост, за нами следят. Я спас тебе жизнь. Если бы ты побежал, они наверняка убили бы тебя.

— Если вас поймают, повесят как предателя. Учитель, как вы могли об этом не подумать!

— Для художников настали тяжелые времена, Паскуалино.

Нам приходится находить покровительство везде, где только возможно. И не имеет значения, кто твои покровители, важно только искусство, которому мы служим на их деньги. А я устал, Паскуалино, устал расписывать горшки и карнавальные маски, рисовать гнусные картинки для распутных торговцев и их тупых жен. Я знаю, я способен на великие полотна, и мне необходимы нормальные условия, чтобы их писать. Многие из нашего Братства бежали во Францию в поисках поддержки, но даже там механики выходят на передний план, вытесняют хорошее искусство дурными репродукциями. А Испания пока еще наш друг. И ее королевское семейство так многочисленно, столько принцев и принцесс, которые хотят выказать себя лучшими покровителями и знатоками искусства, чем их соседи, и так мечтают прославить себя выполненными по их заказу великими полотнами. Ах да, я забыл, ты считаешь, что сумеешь работать без всякого дохода, а жить, питаясь воздухом, надо полагать.

— Не надо, учитель, меня больше не трогают ваши насмешки.

Россо, кажется, не услышал Паскуале. Он негромко проговорил:

— Смотри, посмотри туда, полюбуйся на их работу. Какое потрясающее адское освещение! Я напишу такую картину…

Они уже поднялись высоко над Арно. Наползающие друг на друга крыши кривых домишек ciompi стекали с холма к реке. Понте-Веккьо до сих пор пылал, узкая, но яркая полоска огня. Река по обеим сторонам от моста сделалась лентой расплавленной меди, расплавленной бронзы, отблески пожара жили на ее лениво движущейся поверхности. За рекой щетинился башнями город: залитый светом купол Дуомо, башни и шпили дворцов и церквей, башня Великого Механика с разбросанными в беспорядке освещенными окошками и венцом красных и зеленых сигнальных огней. Звуки доносились сюда слабо, отдаленный гул, перемежаемый грохотом пушек.

— Там внизу умирают люди, — сказал Паскуале.

Но вид был прекрасен, от него веяло непонятным радостным воодушевлением. Паскуале видел снопы искр, взлетающие от горящих зданий на мосту, они угасали, поднимаясь, словно перевернутый символ долгого падения мятежной толпы.

Россо догадался о смешанных чувствах своего ученика.

— А мы поднялись надо всем этим, — сказал он. — Катастрофа всегда впечатляет с расстояния, а, Паскуалино? Битва — лучшая тема для картины, когда весь конфликт разрешается за какой-то один отчаянный час. Жизнь и смерть, тесно сплетенные в поединке.

— Я никогда не забуду чудесные времена, когда мы спорили

по теории живописи, учитель. Сколько нам еще подниматься?

— Нисколько, мы уже пришли. Поэтому и остановились, — объявил Россо. Он подошел к двери хижины, добавив: — Прости, Паскуалино, — затем распахнул дверь и толкнул Паскуале через порог.

8

Как только Паскуале оказался в хижине, к нему подскочил человек. Юного художника грубо сбили на землю и набросили на голову мешок, от которого несло сырой землей. Он попытался встать, но человек уперся в него коленом и связал ему руки за спиной, прежде чем поставить на ноги. Затем мешок сняли, и Паскуале увидел Никколо Макиавелли.

Журналист качался в воздухе (его ноги на пядь не доставали до грязного пола), подвешенный за руки на веревке, пропущенной над потолочной балкой. Это была примитивная версия пыточного орудия, применявшегося тайной полицией: strappado. Звероподобный детина потянул за свободный конец веревки и поднял Никколо немного выше.

Никколо застонал, и Паскуале закричал вместе с ним. Затем чья-то рука зажала ему рот, и он пролетел через всю комнату.

Одна-единственная комната, вот и все, что было в этой лачуге под крышей, залатанной ветвями утесника, чтобы дождь не просачивался сквозь щели. Два человека сидели на скамье, придвинутой к жалкому костерку из сухого дерна и щепок, который испускал струйку сладковатого дыма. На одном был темный домотканый балахон, подвязанный веревкой, — брат доминиканец. Он был молод, полноват, с выбритой головой, с мелкими чертами, стянутыми к центру мягкого луноподобного лица. Второй улыбнулся Паскуале, и сердце молодого художника замерло от страха, потому что он узнал этого человека. Бывший любовник Великого Механика, Салаи.

Поворачиваясь на веревке, Никколо произнес:

— Будь осторожен, Паскуале!

Россо протиснулся в дверь лачуги, таща за собой обезьяну. Паскуале отвернулся от негодяя, связавшего ему руки, и обратился к учителю, предлагая ему сразу положить конец всему происходящему. Россо еще раз обернул обезьянью цепочку вокруг кисти, дал макаке виноградину и сказал, не поднимая головы:

— Я ничего не могу для тебя сделать, Паскуале.

Салаи издевательски зааплодировал.

Никколо снова вскрикнул, когда его подняли еще на пядь над грязным полом. Детина, тянувший его, был крупнее, чем кто-либо, кого доводилось встречать Паскуале, с щетиной на голове и повязкой на глазу, за поясом у него торчал нож с изогнутым зазубренным лезвием.

Брат доминиканец произнес:

— О, пока еще рано кричать, синьор Макиавелли. Мы даже не

начали.

— Крыша слишком низкая для настоящего strappado, так что, считай, тебе повезло, журналист, — сказал Салаи и подмигнул Паскуале. — Знаешь, как это действует?

Паскуале знал, как это действует. Он однажды делал зарисовки во время допроса какого-то савонаролиста по поводу листовки, в которой порицалась политика Синьории. И еще он помнил игру, в которую часто играл ребенком: болтался на дереве в оливковой роще отца, упорно дожидаясь, пока острыми иголками заколет руки и плечи, пока заболят кисти и начнут гореть пальцы, пока вес собственного тела сделается невыносимым, а затем наступит благословенное облегчение, когда он спрыгнет, и чудесное ощущение того, как он кувыркается и кувыркается по душистой, выгоревшей за лето траве. Он подумал, каково же это, если облегчение не наступит, и отвернулся от висящего Никколо, смущенный и разозленный.

— Я расскажу, как это однажды было со мной, — продолжил Салаи. — Тебя поднимают, а затем веревку резко отпускают. Ты падаешь, но падаешь не до конца, от резкой остановки руки едва не выходят из суставов. А затем тебя снова поднимают. Они делают так четыре раза, прежде чем задать вопрос, и к этому моменту ты уже готов говорить.

Россо осмелился сделать пару шагов по комнате, ведя за собой обезьяну. Он заметил:

— Ты, конечно же, заговорил.

Никколо поднял голову и произнес:

— Конечно заговорил. — Его бледное лицо блестело от пота.

Салаи захохотал. Он чувствовал себя как дома в этой лачуге с ее дымным спертым воздухом, земляным полом, устланным грязным тростником, в котором шуршали жуки, крупные, словно мыши. Он был одет элегантно, как всегда: в плаще из черной голландской материи, завязанном алым шнурком, в тунике красного шелка, которая, должно быть, стоила годового дохода десяти ciompi и скрывала, хотя и не вполне, его брюшко, в алых штанах с набитым на фламандский манер гульфиком и черных чулках на полных ногах.

Он сказал:

— Конечно, я заговорил. Я визжал, как резаная свинья. А как иначе? Я рассказал им кое-что похожее на правду, и, хотя имена были другие, они схватили нужное число людей. Которые, поскольку были ни в чем не виновны, отстаивали свою невиновность даже под пыткой, отчего их вина казалась очевидной. — Он открыл серебряную коробочку и взял из нее кубик марокканского желе, обвалянного в сахарной пудре.

Положил конфетку в рот и причмокнул розовыми губами. — Пора уже прекращать весь этот фарс, Перлата, — обратился он к брату, — чем скорее я выберусь из этой блошиной норы, тем лучше.

— Я согласен. Ради бога, опустите меня. Зачем вы это делаете? — воскликнул Никколо.

Юный брат, фра Перлата, ответил:

— Ради бога, разумеется. В таком деле нельзя спешить.

— Ради бога! — засмеялся Россо.

Фра Перлата велел спокойно:

— Проверь сумку своего ученика. Посмотри, есть ли она при нем.

— Я сделал все, что вы просили, — запротестовал Россо. — И даже сверх того.

— И ты сделаешь и это, — сказал брат Перлата.

— Прости меня, Паскуале, — произнес Россо, расстегнул пряжку на сумке Паскуале и осмотрел ее содержимое и объявил: — Здесь этого нет.

— Ясное дело, нет, — сказал Салаи. — Вы думаете, он стал бы носить это с собой, если бы хотел сохранить?

Паскуале обратился к Россо:

— Учитель, я с трудом верю собственным глазам. Вы действительно очень нуждаетесь в покровителе. Я просто поражен.

Теперь он понимал, почему Россо всю дорогу вверх по склону вел себя так легкомысленно: таким способом Россо, как правило искренний, обычно прикрывал ложь, неблаговидный поступок, предательство.

— Ты влез в это дело по своей собственной воле, Паскуалино. Расскажи им, что они хотят знать, и они отпустят тебя и Макиавелли. Я клянусь, — проговорил Россо.

— Будь осторожен в словах, — вставил Никколо и застонал, потому что громила поддернул его снова.

Салаи от нетерпения издал губами непристойный звук.

— Хватит сантиментов. Надо узнать, что эти дураки сделали с вещицей, и закончим на этом. Я сейчас нагрею на огне нож и все выясню, вместо того чтобы смотреть, как он тут вертится, словно паук. У меня голова кружится!

Фра Перлата сказал:

— Прошу вас, синьор Капротти, наберитесь терпения. Когда у нас будут доказательства, вы получите свое вознаграждение.

Он был главный в этой комнате, этот полный молодой монах, мягкие манеры плохо скрывали его фанатизм, так острый меч не спрятать в лайковых ножнах. Было очевидно, кто он такой, ведь и сам Савонарола был доминиканцем и медленно умирал, как

говорили, в каком-то доминиканском монастыре в Севилье. Ходили слухи, что рак лишил Савонаролу голоса, его инструмента, который когда-то до основания потряс Флоренцию, но даже на смертном одре он строчил бесконечным потоком трактаты, письма, проповеди и памфлеты на тему приближения великих времен, когда чистые сердцем будут живыми взяты на Небеса, а грешники останутся, чтобы воевать с Антихристом. Фра Перлата был одним из рядовых сподвижников в этом святом деле.

Что касается громилы, который подтягивал Никколо, и негодяя, который связал Паскуале, не имело значения, кто они такие: верные последователи Савонаролы или же безмозглые наемники. Скорее последнее: оба походили на пруссаков, а не на испанцев. Может быть, ландскнехты, целые толпы их искали работу после того, как Лютер был схвачен, допрошен и повешен силами Рима, но это действительно не имело значения, потому что они были здесь просто для того, чтобы причинять Паскуале и Никколо боль, пока те не заговорят. В этом состояла их задача.

— Все, что нам следует сделать, — пощекотать как следует этих двоих, — сказал Салаи. — К чему разводить все эти церемонии?

— Самое главное — освобождение Священного Города, — возразил брат Перлата. — Время настает. Нам необходимо соблюдать положенный порядок.

— Несколько ciompi — еще не Священные Легионы Господа! — насмешливо возразил Салаи.

— Нам не дано знать, как проявится воля Господа, — заявил брат.

— Надо полагать, пути его неисповедимы, — сказал Салаи, отправляя в рот еще один припудренный сахаром кусочек и громко жуя. — Конечно, он может использовать этого болвана художника в качестве корабля, который принесет обратно то, что принадлежит нам по праву, а обезьяну — как вестника наших неудач. Россо, что скажешь? Не прикончить ли мне этого блохастого негодяя? Я, разумеется, имею в виду обезьяну, а не твоего ученика.

Россо, немного воспрянувший духом, сказал:

— Прости его, Господи. Он не ведал, что творил.

Макака сидела рядом с Россо, сложив руки на макушке и исподлобья поглядывая на Паскуале, словно дитя. Паскуале улыбнулся животному, вспомнив, как научил Фердинанда срывать виноград с избранных лоз в саду монастыря Санта-Кроче. Фердинанд был умница, он ничего не забывал. Но ему не подать знака, поскольку руки туго стянуты за спиной.

— В Пруссии сжигают собак, чей лай, по мнению суда, вызвал

грозу, — заметил Салаи.

Фра Перлата обратился к Паскуале:

— Ты знаешь, что нам нужно. Где это?

— У синьора Таддеи.

— Тебе же хуже, если это так, — сказал Салаи.

Фра Перлата заговорил:

— Прошу вас, сохраняйте спокойствие. Я сам все выясню. — Он поднялся, отряхнув подол рясы, и велел громиле поднять Никколо выше.

Никколо, когда его поддернули вверх, издал жуткий звук, он совершенно не походил на человеческий стон. Паскуале тоже закричал и дернулся, когда фра Перлата положил руку ему на плечо.

Брат сказал:

— Твой друг висит так уже довольно долго, тебе так не кажется? Еще немного, и он останется калекой на всю жизнь. Он даже не сможет больше писать. Помоги ему. Скажи нам правду и не пытайся солгать. В доме синьора Таддеи у нас свой человек, твоему другу будет очень плохо, если ты солжешь.

— Если вы имеете в виду сигнальщика, он под арестом, — ответил Паскуале.

— Я знаю о сигнальщике, но он не был посвящен в наши дела. Откуда бы нам знать, куда тебя повезут, Паскуале, если бы нам не сообщили? А теперь подумай как следует и говори.

Паскуале быстро произнес:

— Синьор Таддеи забрал коробку. Она у него. Прости, Никколо, я должен сказать им. Прости меня.

Никколо покачал головой из стороны в сторону:

— Не надо.

Салаи захихикал:

— Коробка? Ты думаешь, нас волнует подобная ерунда? Она годится, чтобы делать грязные картинки, но не для того, чтобы воевать.

— Успокойтесь, синьор! — сказал фра Перлата. — Мы отпустим его веревку, прежде чем снова спросить.

Салаи возразил:

— Я же сказал, одного падения мало. Крестьяне строят свои норы совершенно неподходящими для пыток, на самом деле я удивлен, что балка до сих пор не развалилась надвое. Если вы действительно хотите сделать ему больно, повисните у него на ногах. Ведь здесь все дело в весе. Мы становимся тяжелее в тот миг, когда перестаем падать, старик как-то раз объяснял мне это. А может, мне лучше проковырять в них несколько дырочек, а? А может, резать парню пальцы, сустав за суставом. Художники

любят свои пальчики почти так же сильно, как и музыканты.

— Уберите свой нож. Мы здесь представляем Бога, — вмешался брат Перлата.

— Этот маленький ножичек? Да ведь его и оружием-то нельзя назвать, — удивился Салаи.

— Можете убить меня, потому что, если вам нужна не коробка, у меня больше ничего нет, — сказал Паскуале.

— О, у тебя есть кое-что, — возразил Салаи. — Летающая игрушка. Ты подобрал ее у тела Романо, в сигнальной башне.

Никколо засмеялся.

— Тише! — крикнул фра Перлата, его голос зазвенел под низким потолком.

Фердинанд посмотрел на него с мимолетным интересом, затем зевнул, продемонстрировав ребристую глотку цвета сырой печенки и крепкие желтые зубы.

Салаи лениво протянул:

— Не грози мне, монах. Мы с тобой заодно, я хочу помочь тебе. Верь мне, у меня имеется опыт в подобных делах, и strappado здесь не поможет. Кроме того, даже если оно заставит их разговориться, они могут не сказать правды. Я же не сказал, несмотря ни на что.

— Так вы хотите игрушку?! — закричал Паскуале. — Я могу отвести вас туда, где она осталась! — Он будто воочию увидел ее на миг, на заваленном бумагами письменном столе Никколо, лежащую на кипе исписанных листов, едва заметную в слабом свете.

— Не надо, Паскуале. Они все равно убьют нас, — попытался остановить его Никколо.

— Отлично, художник. Но никто тебе не поверит, пока мы не испытаем тебя. В конце концов, должны же мы позабавиться, — усмехнулся Салаи.

— Оставьте это, — сказал Россо. — Прекратите все! Я знаю, когда он лжет, сейчас он говорит правду.

Салаи, оскалясь, повернулся к нему:

— Ты ничего в этом не понимаешь. Это все твоя обезьяна, это она потеряла вещицу.

Внезапно Паскуале понял, отчего погиб Джулио Романо, понял, почему его тело оказалось запертым внутри башни, где не было других людей. Они с Никколо бились над разгадкой, и теперь она оказалась у него в руках, но была бесполезна. Это просто смешно!

— Видите, как он над нами потешается! — заметил Салаи. — Немного крови, и правда выйдет наружу. Ты боишься крови, монах?

— Вы знаете, что я искушен в медицине. Но я все хочу сделать как следует.

— Может быть, ты имеешь в виду научный подход? Даже в пыточном деле есть свои механики. Действенней всего боль от ножа. Нож мучает медленно, утонченно, в отличие от strappado. Боль не прекращается. Каждый порез работает, боль нарастает все время. Он довольно милый мальчик, может, мне отрезать ему ухо, по кусочкам, а?

— Придержи язык, Салаи. — Никколо пришлось облизнуть губы, чтобы расклеить их, и каждое его слово прерывалось вдохом. — Я уверен, ты всего-навсего хвастливый болтун. И даже не очень хороший. Если хочешь сделать мне больно, попробуй снять с меня кожу.

— Спустите его, — холодно произнес Салаи, — посмотрим. Нет, монах. Сначала мы попробуем по-моему.

— Ты не посмеешь, Салаи, — сказал Никколо и напрягся, когда Салаи приложил лезвие ножа к повязке на ране, куда попала пистолетная пуля.

Россо заговорил срывающимся голосом:

— Скажи им, что они хотят, Паскуале. Тебе от этого хуже не станет, зато ты спасешь друга.

Паскуале, на миг ставший центром всеобщего внимания, почувствовал себя странно собранным. Он посмотрел прямо на Салаи и произнес:

— Я же уже сказал, игрушка у меня в надежном месте. Только тронь его, и я больше ничего не скажу.

— Так уж и не скажешь, — возразил Салаи и погрузил кончик лезвия в напрягшиеся мышцы бедра Никколо. — Говори правду, художник.

Россо закричал:

— Ради бога, Салаи! Дай Паскуале сказать!

Паскуале прикусил губу, чтобы тоже не закричать, рот заполнился его собственной солоноватой кровью. Он сплюнул ее на солому, и наемник слегка ударил его по голове.

Никколо ухмыльнулся Салаи, будто оскалившийся череп.

— Это лучшее, на что ты способен?

— Нет, самое жалкое, — ответил Салаи и со смехом снова ткнул его ножом.

— Оставь его в покое!

— Убери руки!

Сначала Россо, а затем фра Перлата закричали. Россо выхватил кинжал. Обезьяна начала вырываться из рук хозяина, не сводя глаз с Паскуале.

Салаи снова засмеялся, отошел, чтобы все в комнате видели

его. Он поднял окровавленный нож и облизнул лезвие, ухмыляясь.

Никколо застонал и выговорил:

— Убейте меня за правду. Вы же видите, что мальчик не лжет.

Салаи пожал плечами и поднял нож. Россо закричал, обезьяна вырвалась и странным боковым прыжком набросилась на негодяя, который держал Паскуале. Человек и обезьяна сцепились, а Никколо упал, поскольку дюжий наемник, держащий веревку, оттащил обезьяну от своего товарища, схватив за переднюю и заднюю лапы, и швырнул через всю комнату, прежде чем животное успело вцепиться в него зубами. Обезьяна подскочила, вереща от ярости и колотя по соломе всеми четырьмя лапами. Брат Перлата велел Россо успокоить макаку, склонился над Никколо и быстро осмотрел его раны.

Салаи выкрикивал оскорбления в адрес Россо. Его кудрявая шевелюра вздрагивала над круглым покрасневшим лицом. Когда он выговорился, фра Перлата сказал:

— Вы причинили достаточно вреда. Это вам не игра.

— Ничего этого было не нужно. Ничего! — воскликнул Россо.

Салаи засмеялся:

— Я убью тебя, Россо. Клянусь.

Фра Перлата повернулся и тихо заговорил:

— Это все дело, угодное Богу. Вы все обязаны понимать, зачем мы здесь. Настали последние времена, несущие беды, горькие, как блюдо полыни, и перемены, неумолимые, как мельничное колесо, мелющее муку мудрости. Флоренция, по плану Господа, является центром Италии, как уже совсем скоро станет ясно. Ею должно править Священное Слово, иначе меч падет на нее. Нужно покаяться, пока еще есть время. Нужно одеться в белые одежды раскаявшихся, но медлить нельзя, ибо скоро станет поздно для покаяний. Вы все понимаете?

— Я вам пока еще нужен, — заявил Салаи. — Не забывайте об этом.

— Я ничего не забываю, — ответил брат. Он велел здоровому детине позаботиться о Никколо, а сам прошел через комнату и приблизил круглое лицо к лицу Паскуале. От него несло луком. — Я ничего не забываю и, по милости Господней, вижу то, что мне нужно видеть. Посмотри мне в глаза, мальчик, и отвечай, иначе мы продолжим то, что начали.

Паскуале видел, как кровь струится из раненой ноги Никколо и пачкает кисти его скрученных за спиной рук. Фра Перлата вцепился в его лицо пальцами с острыми ногтями, заставляя Паскуале глядеть ему в глаза.

Паскуале проговорил:

— У меня есть то, что вам нужно. Я могу вас отвести прямо туда.

Здоровяк промыл раны Никколо соленой водой и перевязал полосками ткани, вырванной из его рубахи. Брат Перлата проверил его работу и сказал Никколо, что теперь воля Божья, будет ли он жить или умрет, затем приказал Россо успокоить обезьяну. Салаи сказал, что знает быстрый способ, и в свою очередь получил приказ успокоиться. Брат савонаролист делал все, что в его силах, Паскуале видел это, скрывая свой гнев за решимостью и деятельностью. Никколо связали веревкой, на которой он висел, четыре раза обкрутив ее вокруг его тела и перевязанной ноги, затем перерезали путы, стягивавшие его лодыжки. Макиавелли и его юного друга вывели наружу и повели вниз по грязному переулку туда, где ждала запряженная лошадьми повозка.

Ехали недолго, но каждый ухаб на дороге причинял боль ноге Никколо и вызывал его болезненный крик. Он лежал поперек скамьи, Паскуале сидел на другой между фра Перлата и Салаи, который чистил свои безукоризненные ногти лезвием ножа, не обращая внимания на тряску. Два наемника и Россо с обезьяной ехали вместе с возницей. Окна экипажа были задернуты занавесками, и Паскуале не видел, в каком направлении их везут, но в какой-то миг шум толпы усилился, затем прошел мимо и затих позади, поэтому он понял, что они не станут пересекать Арно ни по одному из мостов.

Очень скоро выяснилось, что он прав. Экипаж остановился, наемники выволокли их с Никколо наружу. Они стояли рядом с новыми доками. Здоровяк перебросил Никколо через плечо, словно мешок, а фра Перлата схватил Паскуале за локоть и пошел вместе с ним вниз на каменный причал, у которого на темной глади реки покачивался паром.

Савонаролисты захватили его. На палубе лежал в луже собственной крови мертвый человек, лица команды были закрыты шарфами.

Паром отчалил тотчас же. Пар валил из вентилей его котла, гребное колесо, тяжело скрежеща деревянными перемычками, взбивало воду в кремовую пену. Паром шел боком к течению, двигаясь к дальнему краю целой череды запруд и порогов, сдерживающих поток прорезанной каналами реки.

Стоял жуткий холод. Вниз по течению, за новыми доками, где над судами поменьше нависала океанская maona, вода разливалась темным зеркалом под небом, усеянным яркими морозными звездами. Вверх по течению под покрывалом дыма

лежала Флоренция. То был дым не от мануфактур, а от множества пожаров. Огонь до сих пор освещал арку Понте Веккьо, огни пылали вдоль берега, от которого только что отвалил паром. Город по другую сторону реки был темен и тих, если не считать подмигивания сигнальных огней. Паскуале услышал, как муниципальные часы на башне церкви Санта-Тринита пробили четыре раза.

Он сидел с Никколо Макиавелли, растирая журналисту руки.

— Никогда не думал, что снова придется болтаться на веревке, — угрюмо усмехаясь, сказал Никколо, — но я рад, что сумел перенести это достаточно стойко. Тысячу благодарностей, Паскуале, мои руки снова что-то ощущают там, где ты разогнал по жилам кровь. Создается впечатление, что кровь является переносчиком боли, ведь нам всегда больно, когда она вытекает, а сейчас мне больно, когда она возвращается на свое привычное место.

— Если бы я мог излечить рану, которую нанес вам Салаи.

— После его вмешательства нога болит не сильнее, чем болела, когда в нее попала пуля от пистолета.

— Как вы здесь оказались, Никколо? Савонаролисты схватили вас у палаццо?

— Вовсе нет. Это дело рук людей Джустиниани. Я узнал их по белым маскам и ядовитому пару. Они затащили меня в экипаж, но его остановили на мосту, и они были разбиты. Я решил, что спасся, но меня пересадили в другой экипаж и доставили пред ясные очи Перлаты и Салаи.

— Люди Джустиниани и савонаролисты готовы перегрызть друг другу глотки, хотя и работают на одного хозяина.

— Джустиниани не работает на испанцев, Паскуале, он хочет денег, которые сможет получить от продажи изобретения. А савонаролисты делают это, чтобы свергнуть правительство Флоренции и спасти нас всех ради любви Господа нашего. А ты, Паскуале?

— Со мной все было наоборот. Меня предал синьор Таддеи, который получил анонимное послание с требованием обменять меня на тело Рафаэля.

— Тело Рафаэля похитили? Интересно, зачем?

— Если тело не вернут, начнется война между Римом и Флоренцией.

— А, понимаю. А победителем окажется Испания.

— Так сказал синьор Таддеи.

— Он патриот.

— Больше всего он деловой человек, — горько заметил Паскуале.

— Одно другому не мешает. А то, что было взято, не хочу говорить о нем здесь, жаждут заполучить и савонаролисты, и Джустиниани. Одни, чтобы отдать испанцам, другой — чтобы продать.

Паскуале пересказал, что говорил ему Россо о роли Джустиниани, служившего посредником погибшим художникам. Никколо засмеялся и сказал, что теперь ему совершенно ясно, почему искомое ищут с таким рвением.

Одна мысль не давала покоя Паскуале.

— Но еще существуют картинки, сделанные прибором Великого Механика, который использовал Джулио Романо, чтобы скопировать записи Великого Механика о летающей лодке. Этот механизм, Никколо, улавливает свет и точно запечатлевает его. Почерневшее стекло, которое я получил от Баверио, и есть такая картинка, и еще та картина, которую я вытащил из камина Джустиниани.

— Разве ты не помнишь сигнальную башню, Паскуале? Думай. Что ты видел, кроме тела?

— Открытое окно.

— Да. Еще?

— Стекло под ним.

— Да. Но окно не было разбито, кроме того, стекло было черным.

Паскуале вспомнил пластинку стекла, которую отдал ему Баверио, почерневшую из-за того, что ее вытащили на свет, и понял. Стекло было остатками светокопии записей Великого Механика. Осталась только модель. Он спросил:

— Что с нами будет, Никколо?

— Савонаролисты славятся тем, что не убивают без причины. Если дать им то, что они хотят получить, они могут отпустить нас. Они же, в конце концов, верят, что все делается по Промыслу Божьему. Если они победят, тогда все снова будет так, как было в короткое правление Савонаролы. Благословенные толпы юнцов будут болтаться по улицам Флоренции, распевая гимны и выискивая грех повсюду: в коробочке румян и в картине, в шахматной доске и любом механическом приборе — и закидывая камнями все, что окажется недостаточно добродетельным. Будут посты и живые картины и еще огромные очистительные костры. Савонаролисты мечтают о простом и чистом мире, Паскуале, где все люди полностью посвящают себя Христу, вне зависимости от того, нравится им это или нет. Но их планы зиждятся на уверенности, что Бог напрямую говорит с Савонаролой, а я в этом сомневаюсь, хотя многие во Флоренции разделяют подобное мнение.

— Да, но я не верю Салаи. Я бы убил его, если бы смог.

— Многие пытались, а он жив. Не надо недооценивать его, Паскуале.

Брат Перлата разговаривал с одним из савонаролистов, захвативших паром. Паскуале уловил несколько слов, донесенных пронизывающим ветром, дующим над пыхтящим паромом. Что-то о пожаре, о последних временах, о справедливости. Без сомнений, именно это они обещали ciompi, Небесный суд здесь и сейчас, на земле, но Паскуале казалось, что и на Небесах справедливость восторжествует нескоро, и он поделился этими мыслями с Никколо.

— Это верно, что мы опутаны нитями греха, но мы все время должны надеяться, Паскуале. Без надежды остается только отчаяние, а где отчаяние, там зло. Если Бог станет нашим другом, есть надежда на спасение. Савонаролисты обещают его, но оно не в их силах. Смотри-ка, мы направляемся к берегу.

Котлы паромной машины Хироу перешли на высокую ноту, тоненький свист, едва воспринимаемый ухом. Гребное колесо завертелось быстрее, забрызгивая палубу холодными каплями воды. Паром подходил к берегу, направляясь в тихие воды вдоль кромки реки, собираясь причалить у подножия городской стены в самом устье. Голова мертвого паромщика болталась из стороны в сторону от вибрации. Его глаза блестели в лунном свете, невидящие и бессмысленные. «Смерть из всех нас делает глупцов», — подумал Паскуале.

Почти все савонаролисты выстроились вдоль обращенного к берегу борта, голый каменистый берег щетинился мушкетами и ружьями. Паскуале окликнул громилу и спросил, будет ли заваруха, тот ухмыльнулся в ответ и провел по горлу большим пальцем.

Россо оттолкнулся от перил, на которые опирался все время, глядя на горящую Флоренцию, и сказал:

— Сейчас мы враги собственного города.

Обезьяна рядом с ним ерзала и дергала цепочку. Макака ненавидела воду, ей было страшно и неуютно на маленьком пароме.

— Вы знаете, что за дорогу вы избрали, — пожал плечами Паскуале. — Надеюсь увидеть ваши картины, учитель, когда вы получите свой заказ.

— Не знаю, смогу ли я снова рисовать, — признался Россо. — Какое скверное дело, Паскуалино. Ты должен меня ненавидеть, и я не виню тебя. Я свалял дурака.

— Всегда возможно искупление, — заметил Никколо.

— Всем молчать! — приказал один из савонаролистов с

закрытым лицом. — Делайте, что вам приказывают. Все вы.

Берег неожиданно осветился, стала видна нависающая над ним городская стена. На вершине ближайшей башни замигали зеленые и красные огни. Паром шел в узкий пролив, ведущий обратно к берегу у городской стены, сражаясь с течением. Когда он был уже рядом со входом в пролив, стало светло: небо осветили ракеты.

Сначала Паскуале решил, что это сигнал, поданный с побережья другими савонаролистами. Но ракеты взлетали и взлетали, быстро взмывая в ночь и осыпаясь на вершине своего подъема белыми искрами. Паскуале вспомнил людей Джустиниани, стреляющих ракетами по взбудораженной толпе на площади Синьории. Дым поднялся над черной рекой, приглушая яркое свечение взрывающихся ракет. Савонаролисты принялись стрелять в дым, в ответ засверкали алые вспышки мушкетов.

Фердинанд обезумел от шума, он бился в узком пространстве, насколько позволяла ему цепь. Россо взмахнул рукой, и в тот же миг обезьяна освободилась от цепочки, точнее, Россо выпустил ее. Макака помчалась вперед на нос, за виноградиной, которую кинул туда Россо. Громила наемник и Салаи, выхвативший меч, двинулись на животное с двух сторон, но Фердинанд увернулся от них обоих, вскочив на одну из веревочных лесенок, болтающихся на трубе парома.

Россо обеими руками взял Паскуале за плечи и спихнул его за борт.

Ожог от ледяной воды был сильнее изумления Паскуале. На миг ему казалось, что он утонет в темноте, юноша бешено молотил по воде ногами, стараясь высвободить руки, которые так и оставались связанными за спиной. Затем рядом с ним появился Россо и ухватил его одной рукой за подбородок. Они поплыли прочь от парома, колесо которого завертелось в обратную сторону, словно он пытался отчалить от берега. Шальные пули плюхались вокруг Паскуале и Россо, одна коснулась поверхности воды рядом с лицом Паскуале и застряла в складках его камзола, уходя на дно. Гребное колесо парома замерло, и судно начало дрейфовать по течению. Оно вырисовывалось на фоне дыма и света с берега, затем что-то пронеслось над водой, разбрасывая искры, и ударилось в корму.

Россо усиленно греб, таща за собой Паскуале, и через минуту они уже, пошатываясь, брели по гальке на мелководье, где лицом вниз лежали на поверхности несколько свежих трупов: людей, погибших на горящих мостах, сносило сюда течением.

часть третья
НАПРАСНЫЕ ХЛОПОТЫ

1

К тому времени, когда Паскуале с Россо выбрались из путаницы нанесенных течением валунов и гниющих бревен на берег реки, перестрелка на побережье прекратилась. Паром прибило к берегу, он был полностью охвачен огнем, те савонаролисты, которые не спрыгнули или понадеялись на сомнительную милость врага, должно быть, погибли.

Паскуале хотел бежать на поиски Никколо, но Россо удержал его.

— Нам самим надо спасаться! — отчаянно воскликнул он.

Преисполненный ненависти и отчаяния, Паскуале рванулся из его рук и выкрикнул:

— Он же мой друг!

Затем он накинулся на Россо и сбил его на грязные камни и, возможно, попытался бы даже убить, если бы рядом не зазвучали голоса.

Это был патруль городской милиции, вышедший на поиски тех, кто мог уцелеть после крушения парома. Паскуале с Россо затаились среди свежих трупов лошадей и мулов. К этому времени обоих пробирала дрожь, поскольку промокшая одежда сделалась ледяной и не собиралась сохнуть в холодном ночном воздухе. Клацая зубами, они жались друг к другу в поисках тепла, но оба знали, что их дружба умерла среди запаха крови и желтых оскалов мертвых животных.

Милиция искала, не особенно стараясь. Лунный свет превратил каменистое побережье в темный лабиринт, где сто человек могли бы спрятаться от тысячи, ночь была холодная, а городские стражники знали лучше многих других, что Сардинию посещают призраки тех, кто исчез по приказу Синьории на благо города. Кроме того, они сами платили за свои мундиры из скудного жалованья, так что не было резона пачкать их ради оставшихся в живых похитителей (как они полагали) парома. Они отправились обратно в теплую караулку, не удосужившись как следует обшарить берег, и даже не доложили о происшествии: этой ночью и без того хватало забот.

Россо с Паскуале поднялись из своего укрытия и двинулись по тропинке, вьющейся между белых камней и огибающей холм, усеянный гниющими бревнами и обломками скелетов лошадей и мулов. Ребристые остовы сверкали, словно сделанные из слоновой кости, в дымном лунном свете. Навстречу им выдвинулся силуэт, он слабо позвякивал. Это была макака Фердинанд, его шкура промокла насквозь и топорщилась

слипшимися прядями.

Россо застонал и запричитал, что он обречен нести эту ношу до самой своей смерти. Обезьяна жалобно захныкала, когда Паскуале почесал ее между ушами, и, кажется, даже обрадовалась, что ее снова посадили на цепь. Россо обернул цепочку вокруг ладони и резко дернул, хотя макака и без того послушно ковыляла между людьми, словно они просто все вместе отправились в любимую таверну после трудового дня.

Но те времени миновали.

Они быстро добрались до невысоких ворот в основании квадратной сторожевой башни над каналом, несущим свои воды под стеной. На противоположном берегу стремительного потока стояла мельница, между большими деревянными створками ставней первого этажа пробивались полоски желтого света. Но ворота, разумеется, оказались заперты, Паскуале с Россо не посмели стучать и просить, чтобы их впустили. Было очевидно, что этой ночью городские стражники не в себе, им не потребуется особенной причины, чтобы пристрелить пару трясущихся от холода бродяг, так что у них не оставалось выбора, они побрели вдоль стены к ближайшей дороге дожидаться рассвета и открытия ворот Прадо. От ходьбы хотя бы разогрелась кровь.

Россо сказал Паскуале, что понимает, это спасение ни в коей мере не компенсирует предательства, но это все, что он мог сделать. Он дернул обезьяну за цепочку и предложил:

— Может, тебе удастся продать игрушку, если ее не найдут савонаролисты.

— Может, — согласился Паскуале.

Он сомневался, что Россо помог из одного лишь желания искупить свою вину; каждый, кто был готов предложить летающую лодку тем, кто в ней нуждался, знал ее цену, хотя выжил бы он в процессе заключения сделки — другой вопрос. Что до его бывшего наставника, Паскуале не ощущал ничего, кроме бесплодной жалости, и скорее к себе, а не к Россо. Он внезапно оказался брошенным в свободное плавание, без руля и без компаса.

— Это не потому, что я не в силах перенести пытку, — заявил Россо. Он разогревал себя на ходу, хлопая по груди скрещенными руками, словно птица с подрезанными крыльями, пытающаяся взлететь.

— Никколо это далось очень нелегко, — напомнил Паскуале, обнаруживая в своей душе то, что не сможет простить.

— Конечно, конечно. Я хочу сказать, что в итоге я не предал бы своих друзей и свой город. Всегда хорошо рассуждать о подобных вещах абстрактно, но в действительности все не так.

Может показаться, что у меня нет никаких принципов, но они все-таки есть, хотя и спрятанные глубоко.

— Так я полагаю, вы не собирались убивать Джулио Романо.

— Нет, нет! Это был глупейший несчастный случай. К тому же меня вообще не было в башне.

— Мне кажется, вы каким-то образом заставили лезть туда Фердинанда, — заметил Паскуале и даже в слабом свете луны увидел, что его стрела достигла цели: Россо споткнулся, выругался и некоторое время шел молча, прежде чем снова заговорить:

— Что ж, ты почти угадал. Но никто не заставлял его убивать. Обезьяна забралась на сигнальную башню, это верно, и это я послал ее туда, но не для того, чтобы убить несчастного Джулио. Нет, это и в голову мне не приходило, я считал, что Фердинанд готов, поскольку я учил его доставать виноград, забираясь все выше и выше, пока он не начал залезать туда, куда я ему велел. Думаешь, так уж легко было научить его воровать виноград у того глупого монаха? — Паскуале не ответил, и Россо продолжил: — Мы договорились, что Джулио зажжет сигнальные огни на башне в палаццо синьора Таддеи в определенное время. Я, в свою очередь, подам сигнал ему, быстро взмахнув фонарем, а затем отправлю обезьяну забрать вещи. Нам пришлось пойти на подобные ухищрения, потому что за всеми учениками Рафаэля пристально следили, как ты можешь догадаться. На самом деле именно поэтому я оказался там той ночью. Джулио боялся потерять то, что взял, и решил передать это мне, хотя лично я не собирался передавать это туда, куда оно должно было попасть.

— Так значит, это Романо украл изобретение, а вовсе не Салаи!

— Так ты не знаешь всего, Паскуалино. Нет, Салаи рассказал Джулио, где найти вещицу, и это все, поскольку мы понимали, что подозрение немедленно падет на него. Так и получилось, как только пропажа была обнаружена. Джулио без труда забрал изобретение, когда он вместе со своим учителем Рафаэлем был в гостях у Великого Механика. И он же сделал снимки с записей Великого Механика, поскольку они слишком сложны для обычного переписывания, даже если бы Великий Механик не писал в зеркальном отображении. Как Джулио ругался над каждой длинной выдержкой! На обезьяну была надета сбруя с особым карманом для стеклянных пластин.

— Теперь я понимаю, как все произошло. В тот самый день Салаи встретился с Романо на службе в честь нашего цехового праздника. Но почему Романо передал игрушку и картинки вам?

— Все просто. Наш план начал осуществляться. Он

занервничал, когда тайная полиция установила слежку за Рафаэлем, и испугался, что в комнатах могут устроить обыск. Все-таки пропажа обнаружилась после визита в башню Рафаэля с его свитой. Разумеется, это мы тоже принимали в расчет и тоже подумывали о передаче изобретения и пластин с картинками из одних рук в другие так, чтобы обошлось без личной встречи.

— Так вот почему вы ждали вместе с обезьяной за стенами Палаццо Таддеи.

Россо вздохнул. Он, кажется, устал от поворотов этого сюжета, но все-таки заговорил снова, так вол упорно делает круг за кругом, вращая водяное колесо.

— Именно. Когда ты ушел из таверны, я забрал обезьяну и пошел прямо к Палаццо Таддеи и ждал там, глядя на сигнальную башню в подзорную трубу, и Фердинанд был рядом со мной, вглядывался так же пристально, как и я. Клянусь, сам дьявол вселился в него в ту ночь. Когда он увидел, что крылья сигнальной башни зашевелились, он сразу же перелез через стену палаццо и начал подниматься на башню, не дожидаясь моей команды. Можешь представить, что я чувствовал, глядя на его восхождение, ведь все наши планы зависели от поведения этой твари. Он лез быстро и легко, поднялся по стене и исчез в открытом окне. Что было потом, я могу только догадываться, хотя я слышал предсмертные крики Джулио и понял, что обезьяна решила, будто бы он угрожает ей, когда он попытался снять с нее сбрую. Или Джулио сделал какой-то жест, который взволнованный Фердинанд воспринял как угрозу. Как бы там ни было, они схватились, и Джулио погиб, а обезьяна вернулась вниз с пустыми руками. Но к этому времени весь дом был поднят на ноги криками Романо, и мне пришлось скрыться. Вот как получилось, что вы обнаружили вещицу на теле Джулио и забрали ее, приняв за игрушку. А теперь мы здесь, в холоде и темноте.

— Уже ненадолго, — сказал Паскуале.

Они обогнули угол городской стены и покинули каменистый берег Сардинии, шагая по неровной пустоши, освещенной лунным светом. Здесь был небольшой лесок, а перед ним разбросанные в беспорядке костры, словно созвездия, упавшие на землю с холодного ясного неба, вокруг них темнели силуэты повозок.

Это был лагерь путников, которые прибыли слишком поздно и не успели войти в ворота накануне. Здесь были нищие и работники с ферм, надеющиеся найти работу на городских мануфактурах, караван повозок, рыцарь со свитой, купец с работниками. Среди них сновали торговцы и шлюхи из города,

продававшие еду и вино или же слоняющиеся в ожидании, когда аппетит покупателей разгорится. Никто не спал, за исключением маленьких детей, лагерь был взбудоражен слухами о происходящих в городе событиях. Паскуале с Россо посовещались, опасаясь быть принятыми за шпионов и доносчиков доброй сотней собравшихся здесь людей, и просто сказали, что на них напали разбойники и сбросили в реку. У них не было денег, чтобы купить еды, и никто не спешил проявлять милосердие, но, понукаемая Паскуале, обезьяна несколько раз перекувырнулась и прошлась взад и вперед на руках, подбрасывая ногами камни.

За представление заплатили не деньгами, а мисками похлебки и куском черного черствого хлеба, сигаретами и бутылью слабого красного вина от купца, элегантного человека в парчовой накидке с капюшоном, с кольцами на всех пальцах белых рук. Он был ненамного старше Паскуале и, кажется, почувствовал к нему симпатию, особенно когда оказалось, что Паскуале художник, и выяснилось, откуда он родом. Они с час говорили о Фьезоле, который купец хорошо знал; о сломанной оси, из-за которой купец задержался в пути; о картинах, которые он унаследовал после смерти отца; об убийстве Рафаэля, о котором купец уже слышал от сигнальщика, передававшего эту новость.

Небо сделалось молочным с приближением зари. Паскуале задремал, а когда проснулся, обнаружил, что укрыт одеялом, задубевшим от инея. Он проспал всего час, но уже достаточно рассвело, чтобы можно было разглядеть городскую стену, ощетинившуюся оборонительными сооружениями, и крыши и башни за ней, и множество ниточек дыма, поднимающихся между ними.

Лагерь вокруг зашевелился. Люди впрягали лошадей в повозки, гасили костры, взваливали на плечи узлы с пожитками и грузили их на телеги и тачки, двигаясь по грязной дороге к воротам Прадо. Торговцы и проститутки уже толпились под аркой ворот, зевая и обсуждая ночную работу.

Паскуале слонялся по сворачивающемуся лагерю, высматривая Россо, и наконец заметил обезьяну, затаившуюся в тени лесочка. Животное кинулось к Паскуале, как только он подошел. Фердинанд потерял свою цепь и явно был взбудоражен, он отбегал от Паскуале вперед, затем возвращался, хватая его за ногу.

Таким способом он вел Паскуале через лес. Паскуале сначала было забавно, затем он забеспокоился и наконец испугался. Посреди рощицы стоял исполинский дуб, ветви которого широко раскинулись во всех направлениях над покрытыми мхом кочками.

Макака уселась, обхватила руками голову и закачалась из стороны в сторону.

Паскуале оставил Фердинанда и медленно обошел дуб, на котором повесился Россо. Россо обернул один конец цепи вокруг толстой нижней ветви, а второй вокруг собственной шеи. Носы его кожаных башмаков скребли по заиндевелой траве, когда его тело раскачивалось под порывами холодного ветра, который поднялся вместе с восходящим солнцем. Вороны уже побывали здесь и выклевали ему глаза, кровь, ярче его волос, струйками стекала ему на щеки, словно слезы проклятого.

2

В тот момент как Паскуале выскочил из леса, охваченный ужасом, с колотящемся сердцем, и макака неслась за ним по пятам, вдалеке запели горны. Городские ворота открывались.

Но когда Паскуале уже шел по дороге, он увидел что-то непонятное. Тех, кто ждал своей очереди пройти через пост, гнал назад отряд городской милиции. Торговцы побросали свои лотки и разбежались, проститутки подхватили юбки и бросились врассыпную, выкрикивая ругательства. Тех же, кто замешкался или же оказался достаточно храбр или глуп, чтобы остаться на месте, разогнали в стороны. Палки солдат вздымались и падали, вздымались и падали, сверкали мечи.

Отряд всадников вылетел из глубокой тени под аркой ворот, мчась галопом, сметя со своего пути и милицию, и зевак. Паскуале видел, как завалилась повозка знакомого купца, когда ее столкнули с дороги, лошади пронзительно ржали, сползая в канаву.

Из ворот выскочили новые всадники, они ехали по бокам от вереницы экипажей, возницы которых нахлестывали лошадей длинными кнутами. Стрелки в пробковых нагрудниках и гладких шлемах, плотно прилегающих к головам, лежали на крышах экипажей, позади кортежа ехал еще один конный отряд. Все это общество промчалось в грохоте колес и копыт, в звериных завываниях всадников, в огромном облаке пыли.

Паскуале заметил, что экипаж посредине кортежа тащит упряжка белых лошадей и что над ним развевается кобальтово-синий флаг Ватикана. Он уловил промелькнувшее лицо человека, глядящего через толстое оконное стекло, тяжелое лицо с грубыми чертами, небритый подбородок и маленькие близорукие глазки. Человек выглядел рассерженным и решительно настроенным, и его недобрый пристальный взгляд стоял перед глазами Паскуале, даже когда повозка прогрохотала мимо.

Все вокруг Паскуале побросали свои дела и поснимали шляпы, некоторые даже упали на колени, не обращая внимания на грохочущие на расстоянии вытянутой руки от них колеса экипажей. И тут Паскуале понял: Папа уезжает, бежит от бунта, который угрожает развалить Флоренцию на части.

Затем экипажи и солдаты исчезли, оставив после себя только клубы пыли и затихающий грохот. Люди медленно возвращались к своим делам, двигаясь так, словно только что очнулись ото сна. Когда они начали проходить через пропускной пост в воротах, Паскуале увидел, что каждого останавливает и расспрашивает

вооруженная милиция.

Чем рисковать, нарываясь на допрос, Паскуале отправился помогать купцу и нескольким его работникам. Они разрезали постромки, освободив лошадей, разгрузили повозку и все вместе вытянули ее из канавы. Лошади сильно испугались, но никаких повреждений не получили, работники же купца знали свое дело. Меньше чем через час они починили постромки, запрягли лошадей и заново погрузили товары. Началось утреннее движение из города и в город, повозку объезжали. Купец поблагодарил Паскуале и спросил, где его друг.

— Ему пришлось уйти. Дело чести.

— Но, я вижу, он оставил с тобой обезьяну.

Паскуале обернулся, увидел Фердинанда, сидящего неподалеку, и застонал. Он забыл о макаке, но та была здесь и, когда заметила, что Паскуале смотрит на нее, подбежала и раскинула руки, неуклюже обняв его за бедра.

— У меня ничего для тебя нет, — сказал животному Паскуале, сердце у него переворачивалось при мысли о смерти учителя.

Купец проницательно взглянул на Паскуале:

— Не стану расспрашивать что да как, но я вижу, у тебя какие-то неприятности.

— Мне не хотелось бы стеснять вас, синьор но не могу ли я попросить вас о небольшом одолжении?

Купец, не только проницательный, но и добрый человек, засмеялся и сказал, что Паскуале не похож на опасного преступника, и даже на преступника вообще, и если ему всего лишь нужно миновать городскую милицию, это не проблема. Вот так и получилось, что Паскуале въехал в город под скамьей повозки, за спиной у купца и его возницы. Маленькая площадь за воротами, обычно запруженная телегами, vaporetti и лошадьми и заставленная прилавками, была почти пуста. Когда повозка катилась по площади, Паскуале увидел, что в ее дальнем конце, там, где сходились три улицы, выстроена виселица. Полдюжины человек, без одежды, но с мешками на головах, болтались на ней, и у каждого на шее была табличка: «Я воровал. Посмотри на меня и поостерегись».

Паскуале бросило в дрожь, он мигом вспомнил глядящего невидящими глазами Россо, покачивающегося на ветру. Купец, неверно его поняв, сказал, что это просто выходит ночной холод, и закричал ему вслед, когда Паскуале выскочил из повозки и побежал. Обезьяна скакала за ним.

Скоро Паскуале уже был в лабиринте переулков и дворов, где-то между Санта-Мария Новелла и Дуомо. Он узнал

выцветшую Мадонну на стене закрытой лавки и двинулся в сторону дома, где снимал комнату Никколо Макиавелли. Обезьяна спешила за ним с таким видом, что Паскуале пришла в голову мрачная фантазия: каким-то образом сущность несчастного покойного Россо влияет на его животное, так собаки приобретают черты своих хозяев. И обезьяна своей раскачивающейся кривоногой походкой и манерой быстро оглядываться вокруг копировала самоуверенную, но нервическую манеру Россо.

Синьора Амброджини не пришла в восторг при виде Паскуале, еще меньше она обрадовалась Фердинанду.

— Вряд ли синьор Макиавелли с вами, — сказала она, вглядываясь через узкую щель в двери, которую приоткрыла после того, как они несколько минут стучали в нее.

— Хотел бы я, чтобы он был с нами. Прошу вас, синьора, я оставил кое-что в комнате, мне необходимо это забрать.

— Его не было всю предыдущую ночь, — сказала старуха. — Конечно, он не так стар, как я, но и не полный жизненных сил юноша вроде тебя.

— Вы могли бы пойти со мной, — продолжал Паскуале. — Это всего на минутку.

— Тут приходил еще один, интересовался его комнатами. Я отправила его подальше и сказала, что позову милицию.

— А когда он приходил?

— Недавно. Какой-то иностранец. Мне пора к мессе, молодой человек. Полагаю, церкви уже открыты.

— Я уверен, открыты. — Паскуале упал на колени в драматическом порыве. — Умоляю, синьора, пожалуйста! Я тут же верну ключ.

— У синьора Макиавелли странные приятели, — произнесла хозяйка, — но тот мой портрет получился очень хорош, пусть ты и сделал меня на несколько лет моложе.

— То был просто набросок. В благодарность за ваше участие я напишу портрет в масле!

— Писать надо прекрасное. А я уже стара, и льстить мне не нужно.

— Никто и не льстил, синьора.

— Можешь просунуть ключ мне под дверь, когда будешь уходить, — сказала синьора Амброджини. — Я не собираюсь пропустить вторую мессу в своей жизни, как двадцать лет назад, в тот день, когда умер мой муж. Это животное в комнату не пускай.

Паскуале взял длинный железный ключ, рассыпаясь в благодарностях, и побежал по винтовой лестнице, шлепая ладонью по каждому витку перил. Комната пребывала в том же

виде, в каком они с Никколо оставили ее, и маленькая летающая модель стояла, словно лодка, в море бумаг на письменном столе у высокого окна.

Когда Паскуале сложил из плотного листа бумаги коробочку для модели и уже убирал ее в сумку, в верхней части окна возникло лицо. Оно болталось вверх тормашками, пронзительно-рыжие волосы его обладателя покачивались. Это был тот человек на ходулях, который вел за собой остальных на площади Синьории. Человек ухмыльнулся Паскуале и резко махнул рукой. Стекло разбилось, внутрь повалил оранжевый дым.

Паскуале побежал, слыша, как за спиной бьются остатки стекла. Он споткнулся и пролетел целый виток лестницы, затем поднялся и снова побежал (Фердинанд наступал ему на пятки), не задерживаясь, чтобы отдать ключ (который он все равно забыл в замке), не останавливаясь, пока не оказался за многие улицы от комнаты Макиавелли; и здесь он остановился, только чтобы отдышаться и бежать дальше, в единственное во всем городе место, где он мог чувствовать себя в безопасности.

3

Паскуале пришлось колотить в дверь дома Пьеро ди Козимо целых пять минут, прежде чем она со скрипом отворилась. На него сонно глядела Пелашиль.

— Я должен его видеть, — взмолился Паскуале. — Пожалуйста, впусти меня.

Пелашиль открыла дверь пошире, отступив назад к стене, так что Паскуале пришлось протискиваться мимо нее. Ее блестящие черные волосы упали на лицо, и, когда она подняла руку, чтобы откинуть их назад, Паскуале заметил ее маленькие острые груди, мелькнувшие в вырезе свободной рубашки. Фердинанд пролез в дверь и побежал по коридору. Пелашиль закрыла дверь, сообщив:

— Старик спит. Не шуми, Паскуале, и обезьяна пусть не шумит.

— Ты же знаешь, Пьеро любит Фердинанда. Прошу тебя, я должен поговорить с ним. Разумеется, с тобой тоже.

Пелашиль медленно улыбнулась. Она была не особенно красива, но относилась к таким женщинам, которые, улыбаясь, совершенно преображаются, и мужчины готовы на все, чтобы снова увидеть эту их улыбку. Паскуале невольно улыбнулся ей в ответ. Она быстро обняла его, затем шагнула назад и сморщила вздернутый нос. На переносице у нее были шоколадные веснушки.

— От тебя несет рекой! И в волосах грязь. Я тебя вымою. Когда ты последний раз мылся? Боишься воды, а сам барахтался в ней. Мы в пустыне моемся песком.

— Я был в реке, так что хватит с меня. Я расскажу тебе о своих приключениях, но сначала я должен поговорить с Пьеро. Это очень важно.

— Ты слишком молод, чтобы понимать, что действительно важно. Иди к нему, если должен.

Пьеро ди Козимо принадлежал весь дом, но жил и работал он в большой, продуваемой сквозняками комнате, занимающей почти весь первый этаж. Освещенные только системой зеркал, которые отбрасывали солнечный свет во все углы, в этот утренний час предметы в комнате были всех оттенков сепии, пигмента, добываемого из мягкого тела обычной каракатицы. К одной стене были прислонены большие холсты, отвернутые лицевой стороной от света, одно полотно, стоящее на треножнике, было небрежно занавешено куском испачканной красками ткани. Вернувшись из Нового Света, Пьеро ди Козимо сделал состояние на небольших деревянных декоративных

панелях, spallieri, заказах частных домов. Его сцены из жизни дикарей больших пустынь были особенно популярны в то время, когда в моде было все, хоть как-то связанное с Новым Светом. Но теперь он писал исключительно для себя и ничего не продавал.

Студия была полна не только картин, но и обломков старой мебели, столов с одной или даже несколькими сломанными и подвязанными ножками, еще было кресло со сломанной спинкой, в котором, насколько было известно Паскуале, жили мыши, шаткие стулья и cassone с треснутой передней панелью и полностью отсутствующей верхней частью. И еще части и обломки механизмов, поскольку Пьеро зачаровывали изобретения механиков и он собирал сломанные машины и пытался чинить их или же сделать из них что-нибудь новое. Здесь был механический музыкальный инструмент, все струны на его зубчатой железной раме износились или порвались, а молоточки погнулись или потерялись. Графин от запирающегося на ключ винного прибора. Длинное колониальное ружье с восьмиугольным дулом, целых два braccia длиной. Некое подобие плюшевой куклы с заводным механизмом, которая сползала со скамейки, свесив голову и вытянув ноги перед собой. Заводная предсказательная машина, пружина в ней сломалась, и застрявшая пластина вечно показывала: «Терпение есть добродетель». Машина, которая при повороте рукоятки должна была растирать и смешивать краски, — Паскуале по опыту знал, что она лишь посыпала того, кто ее запускал, облаками тонкой пыли; автоматические двузначные счеты, автоматический ткацкий станок, разобранный на части и собранный заново с идеей, что его карда сможет производить картины; часы, идущие с помощью системы зубчатых колес, выравнивающей постепенно ослабевающее сжатие пружины. Какое-то время тиканье часового механизма было самым громким звуком в комнате, но потом ручной ворон Пьеро увидел обезьяну, завозился на своем насесте, покрытом неровными царапинами, и прокричал: «Опасность!»

Пьеро спал на низкой кровати в углу комнаты за экраном, расписанным сценами из жизни счастливых островов Нового Света. Пелашиль подошла к нему и трясла его за плечо, пока он не проснулся и не попытался слабо оттолкнуть ее. Она пожала плечами и бросила на Паскуале выразительный взгляд, прежде чем уйти.

Пьеро завернулся в грязное одеяло. Его густые белые волосы торчали дыбом над морщинистым ореховым личиком, он добрую минуту скреб и приглаживал этот нимб, прежде чем встал и проковылял в дальний угол комнаты, где помочился в таз на подставке. Двигаясь так, чтобы все время быть спиной к Паскуале,

Пьеро открыл окно и вылил содержимое таза в запущенный сад, где лозы вились, как хотели, по нестриженым деревьям, а травы разрослись просто чудовищно.

Паскуале спросил:

— Учитель, я обидел вас?

— Ты был плохим мальчиком, — ответил Пьеро, все еще умудряясь оставаться спиной к Паскуале, проковылял в свой угол и осторожно опустился на кровать. Он медленно потянулся и натянул до подбородка одеяло узловатыми артритными пальцами. Наконец он посмотрел на Паскуале и сказал: — Я сплю. Ты мне снишься. — И с этими словами его голова упала на засаленную тряпку, которую он использовал в качестве подушки, и он глубоко и отрывисто задышал открытым ртом.

— Вы снова употребляли эту гадость, — высказал предположение Паскуале, но ответа не последовало. Он прибавил: — Вы должны есть. Одних снов недостаточно.

На печке стояла кастрюля сваренных вкрутую яиц, Пьеро из экономии варил их большими партиями заодно с клеем, но, когда Паскуале разбил одно, оно тошнотворно завоняло, и он увидел, что его белок отливает патиной.

— Пелашиль может вам готовить, — произнес Паскуале неуверенно, поскольку обычно при этих словах Пьеро начинал спорить об угнетении, на что Паскуале говорил, что Пьеро не привез бы ее с собой из Нового Света, если бы не желал ее угнетать, а Пьеро отвечал, что в этом-то и суть, изобретая доказательства, одно другого фантастичнее, что рабство есть свобода, а свобода — рабство. Но в этот раз Пьеро твердо вознамерился поспать или, по крайней мере, сделал вид. Паскуале сел на сломанный стул и некоторое время смотрел на старика. Наверное, Пьеро не до конца проснулся, когда Пелашиль трясла его за плечо, и теперь он действительно спал, храпя разинутым ртом и демонстрируя торчащие из мягких десен почерневшие гнилые зубы.

Пелашиль приложила палец к губам и повела Паскуале в буфетную, где пылала жаром пузатая печка и одеяла, сшитые из ярких квадратов, прикрывали осыпающуюся штукатурку на стенах, так что здесь было словно в шатре какой-нибудь далекой марокканской земли, где солнце в полдень так раскаляется, что пески пустыни превращаются в стекло.

Почти засыпая от усталости, позабывший, для чего он сюда пришел, Паскуале позволил Пелашиль раздеть себя. Его одежда заскорузла от грязи. Женщина обтерла его тело влажной тряпкой, потом сунула ему в руки миску похлебки. В нее был накрошен поджаренный хрустящий хлеб, так что он мог есть без ложки. Он

спросил, где обезьяна, Пелашиль пожала плечами и указала на сад, куда выпустила макаку. Паскуале попытался встать, чтобы посмотреть, что там делает Фердинанд, она усадила его обратно и со странной, обращенной внутрь себя улыбкой опустила голову, проведя по его груди жесткими черными волосами, затем опустилась ниже, и все его мужское естество вздрогнуло от этого щекочущего прикосновения, он застонал и притянул ее к себе.

Когда Паскуале проснулся, серебристое небо за окном потемнело, словно полоску сиреневой ткани развесили на ветках нестриженых деревьев сада Пьеро. Пелашиль было лень одеваться, она просто набросила на смуглое тело белое в горошек платье. Паскуале посмотрел на нее, чуть живой от усталости и страсти, и спросил, куда она собирается.

— На работу, — ответила Пелашиль. — Он ничего не зарабатывает, приходится мне.

— Заставь его продать какую-нибудь картину, — посоветовал Паскуале. Он поднялся и ударил по воздуху кулаками. Он был таким теплым, что воспринимался как что-то прочное. — Если он продаст хоть одну, при его образе жизни ему хватит до конца его дней.

Пелашиль покачала головой:

— Нет! Они нужны ему. Он ими живет.

— В картинах?

— В том месте, которое находит, создавая их, — пояснила она. — Он первый мара'акаме вашего народа, но, возможно, не последний. Ты многому можешь научиться у него, Паскуале. Я пошла за ним, потому что он великий мара'акаме. Он далеко забирался по ветвям Древа Жизни.

— Я думал, Пьеро привез тебя в качестве рабыни, заставил тебя ехать за ним, заставил делить с ним постель, — признался Паскуале.

Пелашиль издала звук, в котором слышалось и возмущение, и смех. Она начала застегивать платье на груди.

— Когда я познакомилась с ним, он был моложе и сильнее, но не так искушен в знании, как теперь. Сила забирает силу.

— Ты оставила родину по собственному желанию? Я всегда думал…

— Что я его прислуга? Не больше, чем ты слуга Россо. Что такое, почему ты вздрогнул при имени своего учителя? Что случилось?

— Я должен все рассказать тебе, Пелашиль, но не уверен, что сейчас подходящее время.

Пелашиль застегнула платье и спокойно завернулась в шаль, набросив край на голову.

— Я скажу тебе кое-что, Паскуале, но обещай никому не рассказывать.

— Конечно.

— Ты милый юноша, полный жизни. Тебе не следует сидеть здесь, в этом городе. Когда ты избрал Пьеро своим тайным наставником, я поняла, что в глубине души ты такой же странник, как и он.

— Пелашиль, возможно, я скоро уеду. Ты поедешь со мной?

— Я стала служанкой чародея-иностранца, потому что это единственный способ для женщины из моего народа обрести настоящую силу. Наши собственные мара'акаме говорят только с мужчинами, хотя в прошлом были и женщины-мара'акаме. Но хотя они не говорили со мной, они говорили с Пьеро, наставляя его на путь мудрости. И с тех пор он и идет по этому пути, а я следую за ним.

— Растение, которое он употребляет… Ты тоже его ешь?

— А разве не я давала его тебе? Весь наш народ его ест. Только мы знаем, где достать настоящий пейотль, хикури, как его собирать, странствуя по священным землям.

— Я думал, это поможет мне писать, Пелашиль. Поэтому я и попробовал его.

— Ты до сих пор похож на всех остальных, Паскуале. Ты не обрел равновесия. Тобой правят те, кто создает вещи, машины, а они видят только половину мира. Хикури показывает правду, спрятанную за тем, что мы вроде бы видим.

Паскуале подумал об экспериментах Пьеро с машинами, выброшенными механиками. Он качнул головой:

— Значит, Пьеро хочет понять и то и другое.

— Он стоит посредине. Он первый мара'акаме, сделавший это. Значит, тем, кто пойдет за ним, уже будет легче, и они зайдут еще дальше. А теперь послушай меня. Тебе нельзя оставаться здесь. Ты принесешь несчастье.

— Я не понимаю, о чем ты.

— Сюда приходили люди. Городские солдаты. Искали тебя. Он был напуган. Ты должен уйти, чтобы не подвергать его опасности. И подумай о том, что я тебе сказала. Я буду наблюдать за тобой, потому что ты готов сделать первый шаг.

И она ушла, оставив Паскуале собирать разбросанные по маленькой комнате вещи. Так значит, его ищут не только приверженцы Савонаролы, но и городские власти, без сомнения привлеченные купцом Таддеи. Если его схватят, то тотчас же обменяют на тело Рафаэля. А люди Джустиниани к этому времени уже обшарили комнаты Никколо Макиавелли и теперь ищут его из-за изобретения, которое случайно попало ему в руки. Он знал,

что делать. Это единственно возможное. Он должен вернуть вещицу ее владельцу.

Пьеро стоял у стола в большой комнате, где свечи порождали островки неверного света. Упираясь руками в стол, он нависал над рисунками, разбросанными на нем, словно листья. Старик завернулся в свое одеяло на манер сенатора Древнего Рима, оставив обнаженным одно плечо, своей всклокоченной бородой и спутанными волосами он напоминал святого Иеронима за его занятиями, не хватало только традиционного льва и кардинальской шапочки.

Паскуале вошел в комнату, и ворон зашевелился и захлопал крыльями.

— Это новые картины, учитель? — спросил юноша.

Пьеро не поднял головы, но медленно покачал ею из стороны в сторону.

— Пелашиль оставила вам суп, учитель. Вам нужно поесть.

— Кухарки невероятно жиреют от одних лишь запахов готовящейся еды, — сказал Пьеро, — ведь пища становится им отвратительна, как ненавистен уголь вестфальскому шахтеру и сам он топит печь дровами.

Можно было не пытаться переубедить Пьеро.

— Что ж, если вы не голодны, учитель, я понимаю, — произнес Паскуале.

Пьеро снова покачал головой и сказал:

— Тени вытесняют меня из моей комнаты. Нет света, мальчик, нет света. Как же может бедный Пьеро писать без света?

Паскуале зажег толстые сальные свечи и поставил их перед рассыпанными по комнате линзами и зеркалами, их свет наполнил большую холодную комнату.

— Свет не стоит на месте, — пожаловался Пьеро, когда Паскуале наконец обошел все помещение.

— Такова природа света, учитель.

Паскуале с тоской подумал об ангеле, в последнее время он почти не размышлял о нем. Он мысленно обратился назад, к тому мигу, когда ангел промелькнул перед ним во всем своем величии, отраженном величии своего господина, на которое, словно на солнце, нельзя смотреть прямо, к которому нельзя приблизиться. Но как солнечный свет пляшет на воде, дробящей его сияние, и его неприкрытая краса становится доступной человеческому глазу, так же и ангел, охваченный величием своей миссии, ошеломлен и поражен своим спуском с Небес на Землю. Он движется, он должен все время двигаться, он должен быть таким же подвижным, как свет на воде. И как же это писать? Как же запечатлеть его лицо?

— Принеси сюда свет, — велел Пьеро, и Паскуале поставил на стол подсвечник.

Он увидел на листах изящные наброски фантастических животных, скачущих или пасущихся среди странных, напоминающих скалы образований; и ни одно животное не похоже на другое, и ни одно не похоже на виденное Паскуале, даже среди демонов, скачущих на странных фламандских полотнах, изображающих Небеса или Ад.

— Они из Нового Света, учитель?

Пьеро постучал по лбу. В свете свечей Паскуале увидел череп вместо лица своего тайного учителя и понял, что жить тому осталось недолго. Он далеко ушел от человеческой природы, и путешествие утомило его до времени.

— Из страны моего разума, — ответил Пьеро. — Христофор Колумб был не прав, когда ехал на край света. Существуют неисследованные земли, гораздо шире и экзотичнее, чем все, что видит цинготный матрос, свисающий с брам-стеньги и высматривающий землю. Страна нашего разума существует внутри всех нас, но большинство не знают о ней. И ты не знаешь, мальчик, а пока ты не знаешь, ты не сможешь нарисовать своего ангела. Женщина тебе еще не сказала об этом?

— Она дала мне одно из этих ваших растений, учитель.

— Не рассказывай мне, что ты видел, ты не мог видеть ничего важного. Только настоящие мастера видят истину. Ты скоро уедешь. Я надеялся, что женщина успеет посвятить тебя, но, возможно, так даже лучше. Все равно растения, которые я использую, потеряли свою силу за столько лет. Я завидую тебе, Паскуале. Ты ощутишь свежий вкус хикури, а я уже не смогу. Я рассказывал тебе о народе Пелашиль, о виксарика?

— Несколько раз, учитель.

— Послушаешь еще разок?

— Конечно.

И Пьеро рассказал Паскуале, как ищут хикури, теми же самыми словами, какими он рассказывал эту историю в первый раз. Он рассказывал, что это происходит в засушливый сезон перед наступлением зимы, как, когда кукуруза еще не дозрела, но поспела тыква, отряд виксарика отправляется в поход, длящийся двадцать дней. Два дня готовят одеяния, молятся, признаются в грехах, затем берут себе имена богов и идут за мара’акаме, который берет себе имя бога огня, через сухую равнину между двумя священными горами, ищут оленью тропу, потому что без оленя нет пейотля, который возник от шагов первого оленя на заре времен. Первое маленькое серо-зеленое растение всегда пронзают стрелой и окружают подношениями, остальные

тщательно осматривают и осторожно складывают. Пьеро собрал свой первый пейотль в первую ночь своего первого похода, и пятнистый кот показал ему серию образов, мелькающих, словно в балагане на ярмарке, а очнувшись, он знал, что станет мара'акаме.

Паскуале слышал это раньше, рассказанное точно так же, но теперь он понял — все, что рассказывал ему Пьеро, все, что делала Пелашиль, было лишь посвящением его в правду: мир видений так же реален, как и мир механиков. Он сказал:

— Учитель, пожалуйста, простите меня. Я сомневался в вашей разумности. Я ошибался, а теперь я так нуждаюсь в вашем совете.

— Я знаю, знаю. Они думают, я дурак, глупец или безумец, но это не так. Я знаю, зачем приходили сюда солдаты. Можно мне посмотреть?

Паскуале достал модель. Пьеро рассмотрел ее со всех сторон и наконец спросил:

— И она летает?

— Учитель, вы всегда изумляете меня. Откуда вы узнали?

— Джованни Россо искал ее до прихода солдат.

— Я обязан вернуть ее владельцу. Учитель, вы говорили с Великим Механиком. Как мне увидеться с ним? Вы не отведете меня?

— Он понимает меня лучше многих. Но мы всего два раза встречались с ним. Я не знаю его. Недостаточно хорошо, чтобы помочь тебе.

— Но, учитель, моя жизнь в опасности. Я оказался в центре сражения, и наградой будет та вещь, которую я с радостью отдал бы, если бы мог.

— Говорят, Папа уехал, бежал, спасаясь от драки на улицах.

— Это верно. Я видел его собственными глазами.

Паскуале описал сцену, разыгравшуюся этим утром у ворот, наблюдая, как лицо учителя мечтательно смягчается, Пьеро был великим приверженцем Медичи. Когда их изгнали, он тоже покинул Флоренцию и отправился в Новый Свет. А когда Папа Лев X занял трон святого Петра, они с Андреа дель Сарто устроили карнавальное шествие, темой которого была избрана смерть. В центре процессии двигалась колесница смерти, которую тащили черные быки, расписанные человеческими костями и крестами, а на колеснице стояла фигура смерти, вооруженная косой, триумфально возвышаясь над могилами, которые разверзлись и извергли людей, одетых в черные костюмы с нарисованными на них скелетами. При свете факелов казалось, что настоящие скелеты пляшут по слову своего темного

повелителя. Поскольку смерть есть изгнание из жизни, ее триумф символизировал долгое изгнание, из которого Медичи возвратились на свое законное место, чтобы снова править Флоренцией. Но они не возвратились. Флоренция в своем триумфе по-прежнему была сильнее Рима. Это был последний спектакль, поставленный Пьеро, после чего он удалился от мира.

Когда Паскуале завершил рассказ о бегстве Папы, повисла пауза. Наконец Пьеро тяжело вздохнул и сказал:

— Я умру с тяжелым сердцем. А как я танцевал каких-то два дня назад! Как я танцевал! Теперь Флоренция снова осталась одна.

— Все эти разговоры о смерти навевают на меня тоску.

— Я завидую тебе, Паскуале. Предположим, тебя схватят, будут пытать, казнят, — по крайней мере, ты умрешь, полный сил, на тебя будут смотреть тысячи, они отметят твой уход так, как отмечают уход немногих избранных. Ты пойдешь на свою смерть под тревожную музыку, в праздничный день, каждое твое желание будет предвосхищаться, а сообщение о твоей смерти немедленно поместят во всех печатных листках. Насколько это лучше большинства смертей, этих незначительных отдельно взятых битв. Я не боюсь смерти, Паскуале, но я боюсь унизительного умирания.

Паскуале невольно засмеялся этой фантазии. Это было в духе Пьеро, перевернуть всеми признанную правду и представить ее в таком экзотичном свете, словно религиозные обряды мексиканцев или какого-нибудь из малых племен дикарей.

— Ты смеешься над смертью, — сказал Пьеро. — Это уже хорошо. Что ж, я присмотрю за обезьяной вместо тебя. Я не против, хотя Пелашиль будет возмущена, без сомнения, и совершенно предоставит меня самому себе. Бедный Пьеро, скажут все, у него осталась только обезьяна, чтобы чинить его одежду, готовить ему еду и согревать его постель.

Паскуале забыл о макаке и спросил, где она.

— В саду, поедает инжир с моих деревьев. Фердинанд счастлив там, Паскуале. Оставь его. Убери свой пламенеющий меч, ладно? Не доставай его. За ним нет никакого греха.

Паскуале решил, что это правда. Обезьяна убила, но не из злого умысла, и без всякого намерения, и даже не зная, что такое плохо, а значит, она невиновна. Блаженное неведение не помнящих Грехопадения, как он завидовал ему, помня о собственной ноше.

— Мы можем уже не увидеться снова, — сказал Пьеро. — Я только что подумал об этом.

— Я вернусь, учитель. Обещаю.

— Мне все равно, — быстро проговорил Пьеро. — Я предпочитаю звук дождя всем этим пустым разговорам. Жаль, что я не научил тебя большему, но, возможно, ты уже знаешь достаточно. Пусть тебя научит дорога.

Паскуале покачал игрушку на руке, потрогал указательным пальцем винт. Какая хрупкая вещица, от которой зависит судьба империй. Он сказал:

— Я буду тих, как церковная мышь, когда вернусь обратно. И я дождусь ясного дня, без дождя. Но если вы знаете, прошу, скажите, как добиться аудиенции Великого Механика, мне уже пора уходить, я оставляю вас наедине с вашими мыслями.

Пьеро погладил пальцем перышки ворона, птица от удовольствия втянула голову в плечи, искоса глядя на хозяина круглыми черными глазами, блестящими, словно бусины.

— Он любит птиц, — сказал Пьеро. — Вот о них, в основном, он и говорит. Я рассказывал ему о кондоре, который часами парит на раскинутых крыльях.

— Но как мне добиться аудиенции, учитель? Возвращая эту вещь, я должен быть уверен, что она окажется в тех самых руках, которые упустили ее. Я смогу говорить связно, если возникнет необходимость.

— Он один из самых печальных людей, каких я знаю. И один из самых одиноких.

— Можно мне просто пойти к его башне? Этого будет достаточно?

— Разумеется нет! — резко возразил Пьеро, все еще поглаживая ворона. — Не валяй дурака. Его охраняют лучше, чем Папу, потому что всегда можно избрать другого Папу, а вот Великий Механик — он такой один. Но хотя сам он в основном заперт в башне, его ассистенты выходят в город. Есть один приверженец дешевых таверн, какие любишь и ты, Паскуале. Наверное, ты мог бы попытаться найти его. Он любит приземленные радости и грязные картинки. Его зовут Николас Коперник, несчастный, потрепанный жизнью обломок кораблекрушения и баснословный скряга. Ты его знаешь?

Паскуале вспомнил космическое яйцо, горящее на площади. Коперник доказал, что Земля вращается вокруг Солнца, являющегося центром Вселенной. Или, наоборот, ему было все равно, до тех пор пока земля находилась у него под ногами. Он сказал:

— Этот Коперник. Где мне его найти?

— О, — рассеянно произнес Пьеро, — думаю, в какой-нибудь из таверн, где собираются прусские студенты. Но сначала пообещай мне переодеться, Паскуале. Неужели ты плавал в реке,

когда на носу зима?

4

Студия Россо походила на поле битвы. Все перевернуто и растоптано. Одежда Паскуале, из-за которой он рискнул вернуться, была продырявлена или методично разорвана по швам: тонкая шелковая рубашка, за которую он заплатил десять флоринов, белая, отделанная кружевами рубаха лучшего английского полотна и подобранный в тон ей белый камзол, расшитый золотой ниткой вдоль разрезов, обычные домотканые рубахи и штаны, большая накидка с капюшоном, купленная у албанского купца и любовно посаженная на подкладку, даже его рабочий передник был разрезан на узкие полоски. Каблуки его второй хорошей пары обуви отодраны. Широкий кожаный ремень, который он украсил замысловатым узором в марокканском стиле, каким-то образом разодрали надвое, а медную пряжку погнули. Его утлая кровать теперь действительно была сломана, а матрас разрезан на кусочки.

Паскуале оторвал остатки подкладки от накидки и завернулся в нее. Вся остальная одежда, которую он тщательно подбирал, чинил, шил своими руками, не подлежала восстановлению.

Главное помещение, сама студия, была в столь же плачевном состоянии, как и пожитки Паскуале. Рабочая скамья перевернута, камень для растирания красок разломлен пополам, дверца маленькой печки оторвана Краска размазана повсюду, весь пол заляпан яркими полосами и пятнами, все до единого холсты разрезаны, рамы переломаны. В неясном сумеречном свете Паскуале пошарил за печкой и нашел маленький холщовый мешочек, в котором Россо обычно хранил деньги на художественные нужды. Там оказалось больше, чем он надеялся, но меньше, чем следовало, учитывая доход от неприличных гравюр и работы для печатного листка Россо, будь он жив, был бы всерьез озабочен выплатой ренты.

Паскуале развернулся, чтобы уйти, и споткнулся о небольшую доску, которую он с такой любовью готовил. В ней была пробита дыра. Паскуале держал в руках доску и ничего не чувствовал, хотя он потратил столько сил и времени, чтобы подготовить ее к работе. Она была сделана из лучшего просушенного тополя, проклеена, а затем спрессована и вставлена в узорчатую рамку, которую Паскуале лично вызолотил. Он отшлифовал ее песком и заполнил все мельчайшие трещинки и дырочки от сучков опилками с клеем, затем покрыл панель одним тонким и тремя толстыми слоями жидкого клея и

на клей положил полоски полотна. На следующие слои, gesso grosso, или смешанный с клеем мел, ушло две недели, каждый слой сох по несколько дней, а затем шлифовался песком до совершенной гладкости перед нанесением следующего. Наконец он наложил слои gesso sottile, первый растер руками, остальные нанес кистью, пока подсыхал предыдущий, всего их было восемь. После чего, когда все высохло на солнце, Паскуале шлифовал и полировал доску шпателем и raffietti,[21] пока она не сделалась гладкой и сияющей, словно старинная слоновая кость.

Все ради того, чтобы какая-то сволочь мимоходом пнула сапогом.

Стоя посреди комнаты, Паскуале слышал, как кто-то беззаботно поднимается по лестнице. Миг спустя по двери быстро заколотили. Он нашел небольшой ножик, распрямил лезвие между половицами и подкрался к двери, которую оставил открытой.

Монах-садовник из Санта-Кроче с помощью молотка прибивал гвоздями распоряжение магистрата. Паскуале схватил монаха за поднятую руку, приставил кончик ножа к шее, где над воротником рясы образовалось два валика жира, и подхватил молоток, когда монах выронил его.

— У меня нет времени, — сказал Паскуале, — так что отвечайте прямо. Вы видели, кто это сделал?

Монах осторожно покачал головой, в каждую сторону на расстояние большого пальца. Он не сводил глаз с прибитого к двери распоряжения.

Паскуале добавил:

— Шум, должно быть, был изрядный. Вы не прибежали возмущаться?

— Я был… в другом месте.

— Они были либо в мундирах городской милиции, либо в масках. Которые из них?

— Меня не было здесь!

Молоток произвел весьма убедительный стук, пролетев по полу мастерской.

— Конечно, — сказал Паскуале, — вы же бегали к властям, судя по этому клочку бумаги. Что это еще за ошейник, утяжеленный свинцом?

— Чтобы он не лазил. Я всего лишь забочусь о саде. Это же моя обязанность, а ваша обезьяна…

Монах смотрел, выпучив глаза, как Паскуале рвет бумагу на клочки.

— Помолись за меня, брат, — попросил Паскуале. — Я сказал бы тебе кое-что еще, да у меня важная встреча с одним ученым

мужем.

Когда он сбегал по винтовой лестнице в последний раз, он слышал, как монах кричит, что достанет новое распоряжение и посадит под замок и хозяина, и обезьяну. «Можешь колотить в этот барабан, сколько хватит сил, приятель, — подумал Паскуале. — Два дня назад я, наверное, испугался бы, но не теперь».

5

Доктор Николас Коперник любил таверны, где обычно собирались студенты-пруссаки, там он читал неофициальные лекции, получая вино в качестве гонорара, поскольку был слишком скуп, чтобы покупать его. Он питал осторожный интерес к низменным удовольствиям, пока они ничего не стоили ему, и предпочитал общество студентов обществу своих коллег-механиков, к которым он относился с завистью и подозрением.

Ансамбль странствующих музыкантов играл танцевальную музыку на площади перед таверной, в надежде, что музыка понравится и хозяин угостит их бесплатным ужином. Надежды мало, решил Паскуале, который был низкого мнения о студентах вообще и о прусских студентах в частности. Студенты были всего лишь нищими интеллектуалами, носящимися от университета к университету в поисках такого, где им продадут докторскую степень, у них не было учеников и дела, они обитали в призрачном мире идей. А что до пруссаков, у них не было даже идей, они не воспринимали хорошую музыку, предпочитая застольные песни и бравурные марши.

В таверне было шумно и дымно и полно студентов, орущих что-то друг другу через стол, их лица в призрачном мерцании свечей напоминали морды животных. Одна компания грохала кружками по столу и распевала на плохой латыни:

Все британцы жрут дерьмо,
раз нет больше ничего,
Итальянцы жрут дерьмо,
ведь они слегка того,
Все французы жрут дерьмо,
раз итальянцы жрут его,
Ну а мы все жрем дерьмо,
потому что мы крепкие бравые пруссаки,
Ха-ха-ха!

Доктор Коперник сидел в дальнем темном углу с тремя смуглыми нищего вида студентами, которые нелюбезно посмотрели на Паскуале, когда он поклонился и назвал себя. Коперник поглядел на него изумленными выпученными и затуманенными глазами. Это был сухопарый человек лет пятидесяти, на впалых щеках горели алые пятна, глаза были близко посажены под бровями, сросшимися в единую линию,

которая опустилась при взгляде на Паскуале. На нем была отделанная мехом накидка, капюшон ее косо сидел на длинных засаленных седых волосах, и длинная туника, которая когда-то, наверное, была пошита из ржавого цвета материи, но теперь почернела и покрылась пятнами.

Паскуале сел напротив Коперника и громко заказал еще вина, сказав ученому, что хочет стать его новым студентом.

Подозрительный взгляд Коперника скользнул по его лицу и нервно метнулся в сторону.

— Что это за шутки?

Паскуале закурил сигарету, глубоко впуская дым в легкие.

— Это вовсе не шутки, синьор. Мне необходима ваша помощь, Пьеро ди Козимо рекомендовал мне обратиться к вам.

— В данный момент мне не нужны ни посредники, ни ученики. Я философ, синьор, а не наставник.

— Но вы же учите, — вкрадчиво сказал Паскуале, улыбнувшись трем студентам и получив в ответ мрачные взгляды. Он показал монету и спросил, сколько будет стоить частный урок.

Коперник осторожно заметил, с вожделением поглядывая на монету, что трех таких было бы достаточно.

— Эта ваша, — сказал Паскуале и сел, когда Коперник прогнал троих оборванцев, как старуха прогоняет кур.

— Итак, синьор, — вымолвил Коперник, — спрашивайте, что вы хотите знать, но должен предупредить, я славлюсь краткостью ответов.

— Должен извиниться, синьор, за то, что прощал ваших студентов. Но я во многих смыслах вам не чужой. Ах! Может быть, это вино поможет нам. — Паскуале улыбнулся грязной, неряшливой тетке, грохнувшей на стол кувшин вина, и отдал ей обрезанную серебряную монету с беззаботностью, которой он совершенно не ощущал. — Хотя бы выпейте со мной, добрый каноник, и выслушайте, что мне надо.

Коперник налил вина себе в кружку с осторожностью скареда.

— Я каноник в Фрауенбергском соборе, это верно, но я не был там с тех пор, как меня ввели в должность. Моя миссия земная, а не духовная. Зовите меня доктором, доктором Коперникусом, если вы не против. Моя латынь не хуже, чем у всех остальных, и это то имя, под которым меня знают во многих странах мира.

— Именно ваша известность и привела меня к вам, синьор, — заверил его Паскуале.

Коперник вдруг снова сделался подозрителен:

— Кто вас послал? Почему вы пришли ко мне? Я же не продаю свои товары, как купец, и никто, претендующий на звание

великого ученого, не продает. И без того слишком многие извлекли немало выгоды из моих идей.

Все было, как обещал Пьеро: доктор Коперник, вынужденный рассказать миру об истинах, им обнаруженных, лишился бы контроля над ними, что оскорбило бы его до глубины души. Его осторожность была осторожностью скряги, которого просят поделиться малой толикой его состояния. Он утаивал свои открытия, когда мог, ведь иначе его соперники наживались за его счет. Он угадал строение Вселенной, но оказался недостаточно умен, чтобы извлечь выгоду из своего открытия или по-настоящему отстоять его не одной только разработкой теории сложных эпициклов, а объяснением, что же заставляет двигаться планеты вокруг Солнца. Его открытие, что Земля и другие планеты вращаются вокруг Солнца, перевернуло представление человека о его месте во Вселенной, но даже со своими эпициклами и эпициклами эпициклов он не пытался разрушить старый порядок, а примирял его со своими теориями через бесконечную череду добавлений и оговорок. Он прекрасно знал, что не сможет продемонстрировать эти механизмы, поскольку на самом деле они существуют только в разуме людей, и вот, хотя он переместил центр Вселенной, он боялся, что это открытие отнимут у него. Он не доверял никому, даже самому себе.

Паскуале повторил еще раз, что он здесь только благодаря безупречной репутации каноника и по совету Пьеро ди Козимо.

Коперник уставился на Паскуале:

— Вы упомянули, что уже знакомы со мной? Я сомневаюсь. Вы следили за мной?

— О нет. Конечно нет.

— Я не стану общаться с теми, кто шпионит за мной по всему городу.

— Совершенно справедливо. Я вполне вас понимаю.

— Я только в прошлом году сдал одного типа милиции. Разумеется, он все отрицал, и милиция не поверила мне, но это правда. Шарлатаны просто обожают прикрываться моим именем, обделывая свои делишки. Мне досаждают, — заявил Коперник и осушил кружку, — астрологи и так называемые приверженцы естественных наук, под видом которых в наши дни действует столько колдунов. Нет, если вы один из них, уходите, или я кликну стражу.

— Доктор, я художник, а не астролог. Я понял из слов Пьеро ди Козимо, что вам понравились некоторые мои работы, посвященные любви. Прошу вас, выпейте еще вина. Его там полно.

Вино оказалось неплохим, решил Паскуале, по крайней мере

не таким плохим, как он ожидал, если оно и оставляло по себе привкус меди во рту, то производимое им тепло было приятно. Он щедро плеснул вина и себе, и доктору и отпил большой глоток, чтобы выказать расположение.

Коперник пил быстрыми глотками, обхватив венозными руками кружку, словно боялся, что кто-нибудь отнимет ее. Он сказал:

— Если вы художник, я сомневаюсь, что вы слышали о моей теории эфира и распространения света. Я вынужден снова спросить вас, зачем вы здесь, синьор. Имейте в виду, у меня мало времени. Вы сказали, мне понравились ваши работы? Назовите еще раз свое имя. Фиренц? Это по названию города?

— Нет, доктор. Меня зовут Паскуале де Сьоне Фьезоле. Знаете, маленький городок, не больше чем в часе езды отсюда.

— Конечно я знаю Фьезоле. Я был там несколько раз ради своих наблюдений. Городской дым, видите ли, закрывает звезды, к тому же ацетиленовые лампы… У вас еще осталось это вино? Хорошее вино для тосканского, хотя прусское вино куда лучше. Но мне следует соблюдать осмотрительность. Оно ударит мне в голову.

— Вовсе нет, синьор. Вино ускоряет ток крови и таким образом питает вместилище разума.

Паскуале поймал себя на том, что усмехается при мысли, что этот ворчливый выцветший ученый — его единственный шанс попасть в обиталище Великого Механика, и он постарался скрыть усмешку. Лицо охватили жар и онемение, словно на него дохнуло из печи.

— Вы, художники, конечно, заблуждаетесь, — с суровой дотошностью заговорил Коперник. — Вы не в силах представить мир, нанося краски на плоскость. Получается только потому, что глаз легко обмануть, но все это не настоящее. А что касается действительности, ключ к ней сам свет и, конечно же, движение света, как недавно продемонстрировал Великий Механик. Вы видели его картину из движущегося света?

Паскуале зажег новую сигарету от свернутого окурка предыдущей.

— К сожалению, меня задержали обстоятельства. Но вы коснулись той самой темы, которая меня занимает. Я кое-что хочу изучить, доктор.

Коперник вроде бы внезапно перепугался, словно он переступил какую-то одному ему видимую черту, подверг себя опасности, осознать которую мог только он.

— В этих делах я и сам студент. Я могу лишь повторить то, что говорил уже много раз. У меня нет непосредственного опыта,

нет, совсем никакого.

Паскуале достал картинку, спасенную им из камина на вилле Джустиниани. Серебристые хлопья облетели на черную ткань, в которую Паскуале завернул стеклянную пластину, она сильно потемнела, черный контур расползся по краю, поглотив все, кроме самой середины. Он положил пластину на стол и спросил мнение Коперника.

Коперник поставил локти на стол, уперся подбородком в сложенные ковшиком ладони и хмуро посмотрел на картинку, близоруко моргая. Затем он понял, что ему показывают, и резко отодвинулся назад, оглядывая шумную таверну, в которой студенты пили или распевали грубые песни своей родины. Они были пьяны, все здесь в таверне были пьяны. Коперник заговорил с жаром, что он ничего не знает о подобных вещах, ничего, ничегошеньки.

— Я имею в виду процесс. Я хотел бы изучить процесс. А эта картинка нехороша, да.

Коперник произнес с вроде бы ненаигранным гневом:

— Это есть самый низменный способ поклонения дьяволу!

Паскуале быстро заговорил, путаясь в словах, объясняя, что произведение с художественными достоинствами это совсем другое дело, здесь важен не столько предмет, сколько воплощение. Произнося это, он взял бумагу и карандаш и быстро набросал по памяти ту гравюру, которую однажды делал. Рука его дрожала и одновременно была тяжелой, как свинец; он небрежно набросал копну женских волос, и ему пришлось склониться ниже, чтобы верно изобразить руки. Женщина лежала на подушках, одетая в лишь прозрачную рубашку, у нее было томное от наслаждения лицо, поскольку пальцами одной рукой она ласкала себя, а другой сжимала тяжелые круглые груди. Этот заказ принес Паскуале меньше флорина, хотя stationarius перепечатывал его вновь и вновь.

Коперник искоса поглядел на него, словно подозревал какой-то обман:

— Да, это я, конечно узнаю. Полагаю, это вы назвали бы интересной картиной.

— Я подлинный автор этого рисунка, доктор. Но вот только денег это принесло мне мало, зато нажились печатники. Что касается этого нового процесса. Живописи светом. Если бы вы научили меня, мы вместе могли бы заработать много денег. Я вознагражу вас за потерянное время, вот этим флорином для начала.

— Каждый может перерисовать оттиск, — сказал Коперник, — особенно такой популярный.

— Мы их называем «товаром-люкс», — пояснил Паскуале. — Я вас познакомлю с моделью. Тогда вы поверите мне.

— Может быть. Может быть. О, вино закончилось.

Паскуале заплатил еще за один кувшин. Они пили за эфир, что бы это ни было, за Флоренцию, за Великого Механика. А потом Паскуале с Коперником, как-то без перехода, оказались посреди дороги, в темноте спотыкались, держась за руки, и брели к далекому фонарю, слабому, словно звезда в непроницаемой тьме. Холодный ветер дул Паскуале в лицо. Вино, он выпил слишком много вина. Паскуале глупо заулыбался. Пусть он в смертельной опасности, но хотя бы немного порадуется жизни.

Коперник все болтал и болтал, выпивка выпустила на свободу его словарный запас. Он говорил об эфире, который был так же летуч, как и эпициклы, на которые Коперник возлагал ответственность за вращение Земли вокруг Солнца. Кажется, никакого посредника между ними вовсе нет, а есть материя в высшем своем состоянии, эминенция.

— Свет не более чем вещество, возведенное в свою высшую степень. Хорошо известно, что свет движется быстрее, чем звук, и моя теория объясняет почему. А за светом находится Сам Бог. Спаси меня, Господи!

Коперник поскользнулся на комке грязи и, если бы Паскуале не подхватил его, свалился бы в сточную канаву, которая несла воды, пахнущие отнюдь не розами, по центру улицы. Коперник икнул и прошептал:

— Ничего больше не скажу, потому что повсюду враги, которые хватают мои идеи и перевирают их. В науке нельзя спешить. Те, кто пытаются, сгорают очень быстро, попомни мои слова. Тсс! Что ты слышишь?

Это был звук, издаваемый колесами повозки; каким-то образом приглушенный, он доносился откуда-то сзади.

Паскуале затащил Коперника в глубокую арку ворот. Железные ворота были заперты в этот час, во дворе за воротами царила тьма. Коперник предпринял слабую попытку освободиться, но Паскуале держал его крепко и зажал ему рот ладонью, когда он принялся что-то возмущенно восклицать. Приглушенный скрип повозки становился все ближе и ближе. Паскуале поймал себя на том, что затаил дыхание. Он знал, что это за повозка, еще до того, как она проехала: это была повозка сборщиков трупов, которые разъезжали по городу с бумагой, разрешающей забирать любые трупы, которые они считают пригодными для нужд прозекторов и экспериментаторов Нового Университета. Поговаривали, что нужда в трупах в эти просвещенные времена вынуждает сборщиков похищать их с

похорон или даже убивать подгулявших горожан, одиноко бредущих поздней ночью.

Это была низкая длинная черная повозка, ее тащила всего одна лошадь. Возница и его помощник сидели на скамье, оба одетые в черные плащи с высокими воротниками, их лица закрывали черные кожаные маски. У лошади, которая везла их, на копытах были кожаные башмаки, а колеса повозки обернуты тряпками. Веяло весьма ощутимым запахом, мощным ароматом фиалок, заглушающим вонь гниющей плоти.

Потом они проехали. Коперник снова попытался освободиться, колотя по железным воротам, которые в ответ загрохотали. Паскуале мог бы ударить его, но это означало бы гибель всякой надежды проникнуть в Большую Башню. Когда Паскуале отпустил его, механик негодующе сказал:

— Я знаю этих людей.

Паскуале засмеялся:

— Наверное, знаете.

— Я изучал анатомию вместе с прочими науками, когда был студентом. Они занимаются благородным делом и сейчас совершают полагающийся обход. Без них мы бы совершенно не продвинулись в излечении болезней. Нет причин бояться, юноша. И где это проклятое место, которое, как вы сказали, знаете? Я поверю вам, только когда увижу женщину.

— Я тоже изучал анатомию, но не хотел бы встречаться с этими господами в данных обстоятельствах. Помогите мне, доктор. Я вынужден просить об этом.

— Нечего меня пугать. Я не боюсь угроз, — заявил Коперник с пьяным упрямством.

Когда они добрались до фонаря на углу улицы, Паскуале понял, где они находятся, и вспомнил, куда они направлялись. Он обещал показать Копернику модель, Маддалену, чтобы доказать: он тот, за кого себя выдает. Вино, вечный поиск истины в вине, чтобы тебя не поглотила горькая правда.

Потом они с Коперником барабанили в дверь дома мамаши Лючии. Где-то залаяла собака, затем дверь отворилась, и они ввалились внутрь, едва не упав на мягкие жирные руки хозяйки, самой мамаши Лючии. Ее лицо было раскрашено румянами и свинцовыми белилами, но в теплом свете свечей она казалась если не девочкой, то куклой, а не престарелой женщиной, которой, собственно, была. Паскуале каким-то образом оказался сидящим со стаканом вина в руках, моргающим от яркого света в гостиной. Трио девиц, с обнаженными плечами, в бархатных платьях, их груди выпирали, словно мягкие округлые раковины, хихикали между собой в противоположной части комнаты,

которая, казалось, медленно проваливалась под землю.

— Мой друг где…

— С Маддаленой, разумеется, — ответила мамаша Лючия. — Ах, Паскуале, Паскуалино, как ты набрался.

Паскуале тупо произнес:

— Ты в своем роде хорошая женщина, мамаша Лючия. Я когда-нибудь говорил тебе об этом?

— Дело есть дело, дорогуша. Ты подумай о том, чтобы написать мне еще одну хорошенькую картинку, и не будем больше об этом. С ними дела идут хорошо, с этими картинками. Вот как сейчас.

— Я сейчас не могу заплатить. Совсем пустой. — На самом деле был еще флорин, но его он обещал доктору Копернику.

— Твой друг платит. Не волнуйся. Где ты был, Паскуале? У тебя одежда в грязи.

Паскуале, расчувствовавшийся от усталости и вина, заговорил:

— У меня ужасные неприятности, мамаша Лючия. Ты, как добрая христианка, помоги мне. Я уж отсюда никуда не пойду.

— Ты мне льстишь, — сказала мамаша Лючия с видом человека, который слышал раньше подобные речи.

— Нет, нет. Я правда так считаю! Настал переломный момент в истории, ужасные и великие времена. И если тебе суждено помогать мне, помоги теперь…

— Так помни о моем милосердии, дорогуша, и в следующий раз захвати с собой карандаш. — Девицы в углу захихикали, и хозяйка наградила их суровым взглядом, а затем вновь обратилась к Паскуале: — Кстати, не пей больше вина. Не выношу, когда мужчины плачут.

— Если бы я мог начать рисовать прямо сейчас… Ты ангел, Лючия. Мой друг, он кончил?

— Старичкам всегда требуется много времени, — фыркнула одна девица.

— Странный он малый, — заметила хозяйка, царственным жестом принимая чашку из рук своей подопечной. — Спросил меня, не делала ли я операцию моим девочкам, ну, знаешь, когда вынимается кусочек черепа, чтобы человек становился послушным. Маленькая дырочка, а в нее вставляется проволока, чтобы прогнать дьявола. Я сказала, у меня честное заведение, а он сказал, иными словами, у меня все неуправляемо. Отчего же, я управляю, ты ведь знаешь, Паскуалино. Я знакома с таким сортом людей, они бы из всех нас сделали машины, годные только для чего-то одного, чего хочется им.

Паскуале, наверное, задремал, потому что он проснулся от

отголоска крика, прозвучавшего где-то в доме. Он подскочил, протолкнулся между шлюх, которые твердили, чтобы он сидел, оставался на месте, и осознал, что мчится по освещенному свечами коридору. В ушах стоял рев. Он натыкался на стены. Распахнулась дверь, и юноша ввалился в комнату.

Маддалена стояла на коленях на разгромленной постели, вцепившись в натянутую до подбородка простыню. Распущенные волосы падали ей на спину.

— Он удрал прямо в окно! — взвизгнула она, и слуга-марокканец, примчавшийся вслед за Паскуале, угрюмо кивнул и выскочил за дверь.

— Ты лучше иди, — сказала в дверях мамаша Лючия, задыхаясь от бега. — Мы с ним разберемся.

Паскуале распахнул ставни на окне, но внизу виднелся только пустой переулок. Он высунулся в холодный темный воздух, голова шла кругом от выпитого вина и чрезмерного возбуждения.

— Не бейте его! — крикнул он. — Он мне еще понадобится.

Хозяйка борделя произнесла в праведном негодовании:

— Ему оказывают услугу, он берет и сбегает, тоже мне приличный господин! — Жирная плоть на ее обнаженных плечах заколыхалась. — Больше я не потерплю его в своем заведении. Хорошие же у тебя друзья, Паскуале. Придется расплачиваться за него.

— Две картины. Три. Любого размера. Куда он побежал?

— Я слышала, как за окном проехали сборщики трупов, — сказала Маддалена. — Может, он их испугался?

Паскуале схватил кувшин и вылил его содержимое себе на голову. Задыхаясь и моргая, мокрый и слегка протрезвевший, он сказал:

— Кажется, мне придется выбираться черным ходом.

Во входную дверь заколотили.

Маддалена взвизгнула от испуга, и простыня упала, выставив напоказ ее груди. Мамаша Лючия обернулась к Паскуале:

— Полагаю, ты хорошо знаешь, где он находится. И не спеши возвращаться, Паскуале.

— А, все равно, — махнул рукой Паскуале, — они найдут меня и там.

Он перекинул ноги через подоконник и сползал вниз, пока не повис на пальцах, тогда он отцепился и упал на землю, прокатившись по полузамерзшей грязи. Поднялся и побежал в конец переулка, осторожно заглянул за угол.

Повозка сборщиков трупов стояла на улице прямо перед дверью заведения мамаши Лючии. Два сборщика в черных плащах

боролись с крупным слугой-марокканцем, Паскуале увидел, как один из них подставил ногу и сбил марокканца на землю. Оба сборщика трупов забежали в дом, и до Паскуале донесся громкий возмущенный голос хозяйки.

Мужской голос, без сомнения принадлежащий одному из сборщиков, перекрыл его:

— Где вор?

— Он сбежал, — сказала содержательница борделя. — Один из ваших механиков взял мою девочку и сбежал, не заплатив. Платите вы, раз вы тоже работаете в Новом Университете. И еще возмещение ущерба, вы ранили моего стражника!

— Это механик сказал нам, что человек, приведший его сюда, пытался ограбить его. Где ваш сводник? Это он тот вор, которого мы ищем.

Паскуале застонал. Очевидно, выпивка и распаленная похоть возбудили в Копернике подозрения.

— Я не нуждаюсь ни в каких сводниках. У меня имеется, — проговорила Лючия раскаленным от ярости голосом, — моя репутация. Стойте! Куда вы идете?

Миг спустя раздался грохот перевернутой мебели, рассыпая осколки, вылетело окно, вслед за этим зазвучал свисток: звали городскую милицию.

Паскуале, разумеется, мог бы сбежать, но он сомневался, что сумеет уйти далеко. Ведь если Коперник натравил на него этих двоих, он натравит на него и остальных. Кроме того, ему все равно необходимо увидеться с Великим Механиком. Оставалось одно средство, он видел лишь один-единственный способ проникнуть в Новый Университет. Паскуале запрыгнул в черную повозку, поднял тяжелый просмоленный полог и заполз под него.

Он едва успел устроиться, как услышал, что сборщики трупов возвращаются, вслед им несся пронзительный голос мамаши Лючии. Паскуале замер в темноте, прислонившись к тяжелому холодному телу. Грубые доски были мокрыми от чего-то, что просачивалось сквозь его одежду. Раздался скрип, когда два человека забрались на скамью, потом все зашаталось: они тронулись в путь. В насыщенной миазмами темноте под просмоленной парусиной Паскуале ощущал на своем лице ледяную руку трупа. Он не смел сдвинуть ее: вдруг один из сборщиков обернется посмотреть, как там груз? Еще одно распухшее тело при каждом толчке выпускало газы. Запах был не такой ужасный, как в анатомическом театре в разгар лета на третий день препарирования, когда не остается уже ничего, кроме оболочки из гниющих мышц и жира на желтых костях, но сейчас у Паскуале не было флакончика с камфарой, чтобы подносить его к

носу; и хотя от мощного искусственного запаха фиалок щипало глаза и глотку, он не заглушал вонь, а только прорезал ее. Паскуале повернул голову и сумел прижаться носом к месту крепления полога, чтобы вдохнуть свежего воздуха. Он молил, чтобы все эти люди погибли либо от естественных причин, либо были убиты, чтобы он не подцепил в этом черном воздухе дизентерию или французскую сыпь.

Голоса сборщиков трупов были слышны сквозь приглушенный шум колес и скрип деревянной повозки. Один, размеренный и низкий, ворчал насчет наглости механиков:

— Словно нам и без того не хватает работы, теперь еще и оберегай всяких дураков.

Второй отвечал:

— Он просто упертый тупоумный старикашка, который считает, будто каждый мечтает его ограбить. Наверное, какой-то сводник запросил слишком много за то, чтобы свести его с хорошенькой теплой бабой.

— Ну, сводник тоже сбежал. А может, его никогда и не было.

— Неважно. Надо только получить с него монету, которую он обещал, даже если мы не найдем сводника. А ты видел сиськи той девчонки? Я был не прочь задержаться там ненадолго.

Человек с низким голосом захохотал:

— Если так пойдет и дальше, ты через пару дней захочешь притащить ее в Университет, свежую и тепленькую.

— Если так пойдет и дальше, мы останемся без дела. Война хороша для медицины, а не для таких, как мы. Любой идиот во время войны готов запустить лапы в наш промысел.

— Не переживай, — сказал первый. — Пока они не найдут способ сохранять тела летом, без работы мы не останемся. Эти не пролежат в театре даже до Нового года. Но если посмотреть с другой стороны, нам, по крайней мере, не приходится их выискивать.

Второй возразил:

— А возможно, придется. Вон сколько взбалмошных юнцов приканчивают друг друга, а женщин маловато.

— Мозги — все, что им сейчас нужно. И они не особенно разбираются, чьи они. Мозги у всех одинаковые.

— Мозг — вместилище разума, наверное, поэтому тебе он неинтересен.

— Зато совсем другое дело сердца. Я всегда испытываю слабость к сердцам.

— Сердца, мозги, в итоге все обращается в деньги.

— В тебе нет поэзии, Агостино. Ведь сердце, с его четырьмя желудочками и клапанами, это же чудо. Подумай о том, как

проходит через сердце кровь, потому что клапаны устроены так хитро: они открываются внутрь или наружу в зависимости от нужды. Я всегда говорил, тебе надо поучиться.

Второй сборщик, Агостино, сказал:

— Нам по-прежнему надо думать о медиках. Может, та молодая шлюха, от которой ты размяк, та, с сиськами. Я найду способ, если ты хочешь повеселиться с ней, прежде чем мы погрузим ее в телегу.

— Мой отец занимался этим делом, а до него его отец. И они делали все без ножа.

— Я достаточно наслушался о твоем отце, спасибо. Заворачивай здесь. Проедем в последний раз, и назад.

Рука трупа соскользнула с лица Паскуале, когда повозка завернула, и упала обратно, когда повозка начала тормозить. Повисла тишина, затем край парусины отодвинули и внутрь впихнули тело. Басовитый сборщик трупов говорил с кем-то о деньгах. Повозка снова тронулась в путь, тяжело раскачиваясь на ходу, сборщики трупов переговаривались вполголоса, пока наконец повозка не остановилась снова и послышалось железное звяканье ворот.

Сборщики трупов обменялись любезностями со стражей. Повозка еще немного проехала и снова встала. Затем все закачалось, появилось ощущение падения вместе с грохотом паровой машины и звоном железной цепи. Повозка была внутри Нового Университета.

6

Падение завершилось тяжелым ударом. Внезапный свет залил край просмоленного полога. Повозка быстро покатилась вперед. Глухое эхо, шум машины, работающей вхолостую. Паскуале достал свой ножичек и уже был готов прорезать полог, когда его край подняли и оттянули назад.

Паскуале лежал неподвижно, вглядываясь между закоченелыми пальцами мертвеца, рука которого так и лежала на его лице. Над головой загорелись яркие огни, кольцо ацетиленовых ламп под сводами побеленного потолка. От холода бросало в дрожь, похоже, то был какой-то подвал глубоко под землей. Сборщики трупов начали разгружать повозку, подтягивая тела железным крюком к краю, а затем стаскивая их за ноги и за волосы.

Паскуале заставил себя сесть и увидел за повозкой ряды столов, в основном с уложенными на них телами. Оба сборщика были заняты трупами, которые они только что выгрузили. Один записывал приметы на клочке бумаги, а второй обмеривал.

Паскуале выбрался наверх и перепрыгнул через борт повозки, шумно приземлившись на холодный скользкий пол. Лошади захрапели и вздрогнули, потащив стоящую на тормозе телегу. Оба сборщика трупов обернулись, закричали и бросились в погоню. Паскуале проскочил между трупами на осклизлых столах и метнулся в ближайшую дверь, захлопнув ее перед носом у преследователей.

Он оказался в маленьком круглом чуланчике, внутрь которого, на расстоянии ладони от грубой стены, была вставлена решетчатая железная клетка. Сборщики трупов заколотили в дверь, и пол закачался и заходил ходуном под ногами Паскуале. Он схватился за веревку и охнул от изумления, когда комната начала подниматься, унося его вместе с собой наверх.

Комната поднималась долго, слегка покачиваясь на ходу, один раз прошла сквозь свинцовое кольцо, которое промелькнуло, грохоча цепями. Когда она наконец остановилась, Паскуале не сразу решился отпустить веревку, почти уверенный, что стоит ему разжать руки, и комната тотчас же проделает весь путь в обратном направлении. Дверь, когда он толкнул ее, открылась в ветреную ночь.

Мертвецкая, видимо, находилась под холодным фундаментом Большой Башни, потому что движущаяся комната принесла Паскуале на самый ее верх. Он глядел на крыши и террасы Нового Университета у реки, на речных каналах горели огоньки

плавучих мельниц. Дальше поднимались темные холмы с лишь кое-где горящими фонарями. Где-то за ними собирались вражеские армии, невидимое зло тяжело повисло в воздухе, словно грозовые облака.

Ветер почти полностью выдул дурман от выпитого Паскуале вина. Он дрожал в холодном воздухе. Рейтузы прилипли к ногам, пропитанные вязкой кровью трупа и чем-то еще похуже. Он находился на подобии платформы, занимавшей половину крыши. Лес башен поменьше размахивал сигнальными крыльями у него под ногами. Пока он смотрел, множество крыльев этой высочайшей постройки завертелось и поднялось, начиная свой механический танец, отправляя сообщения в самые дальние концы света. Фонари сигнальных устройств, кажется, оставляли в воздухе светящиеся следы, зеленые и красные.

За краем парапета было что-то прилажено: два набора тройных барабанов по бокам машины Хироу с высокой узкой трубой. Труба заканчивалась подобием чашки, которая брякала и вертелась на ветру. Канаты, протянутые через блоки, поднимались в темноту за парапетом. Паскуале разглядел правильные геометрические формы, отбрасывающие тени на ночное небо. Над вершиной башни, паря на сильном ветру, были привязаны тонкими, но прочными пеньковыми канатами воздушные змеи.

Паскуале положил руку на канат, ощутил его натяжение. Схватившись за канат, он свесился вниз и ахнул от восторга. Толстая башня темнела, сужаясь к основанию. Паскуале видел нарисованные на башне огоньки, должно быть, окна; то тут, то там из стены вырастали балконы и платформы, словно прилепленные под карнизом гнезда стрижей. Огоньки обозначали площадь Синьории и лабиринт улиц, паутиной опутывавших палаццо и залитый светом Дуомо, и тысячи других зданий, весь ночной город распростерся между рекой и стенами.

У Паскуале за спиной загромыхали цепи, разматываясь с барабанов на крыше чулана, венчавшего движущуюся комнату. Комната быстро опускалась. В красно-зеленом свете сигнальных крыльев Паскуале видел, как цепи тянутся вниз, вниз, вниз, по бесконечной шахте к плоскому диску потолка комнаты, уменьшившейся в перспективе до размера монетки. Пока Паскуале смотрел, диск миновал кольцо свинцового противовеса и остановился на минуту, прежде чем снова поползти вверх, громыхая цепями.

Паскуале высматривал что-нибудь, что можно сунуть под цепи, или во вращающиеся барабаны, или под устройство, приводящее барабаны в действие и движимое каким-то

механизмом далеко внизу, но здесь были только большие барабаны с канатами, которые он не смог бы сдвинуть даже на длину пальца. Он мог бы спрятаться между сигнальными конструкциями, но ненадолго: когда он только подумал об этом, на дальнем конце крыши с шумом распахнулся люк, из него вылез человек и принялся светить во все стороны фонарем.

Паскуале пригнулся, съежившись возле лебедки. Движущаяся комната остановилась с грохотом. Дверь открылась, и выскочили два человека, один вел на привязи большую собаку, а второй нес фонарь, свет которого залил всю платформу. Человек, искавший среди сигнальных конструкций, повернулся к товарищу, и луч света от его фонаря скользнул по Паскуале. Собака залаяла и потащила за собой хозяина, Паскуале вскочил, схватился за канат змея и закачался под порывами ветра.

Как только Паскуле повис всем телом на канате, привязанный змей ухнул вниз, и Паскуале тотчас оказался ниже уровня платформы. Он оттолкнулся ногами от гладких камней башенной стены и сумел забросить согнутую ногу на один из трех канатов от соседних змеев. Юноша повис вниз головой, держась руками и ногой, глядя вверх на затянутое облаками ночное небо и нависающую тень от башни. Он чувствовал, как по спине ползет большая капля пота. Налетел мощный ветер и запел в ушах, швырнул волосы ему в лицо, заморозил пальцы, но Паскуале был скорее возбужден, чем напуган, уверенный, что может убежать в темноту и исчезнуть, словно видение.

Но затем стражники свесились с парапета, три луча от их фонарей скрещивались и снова расходились.

Паскуале начал карабкаться вверх, и змей поднялся, распрямляя свой канат и поднимая вместе с ним Паскуале. Стражники вцепились в канат, за который держался Паскуале, но их силы были ничем в сравнении с мощью ветра, они лишь слабо дергали змея. Один из стражников закричал Паскуале, что ему ничего не будет, если он спустится, но большую часть его слов унесло ветром. Остальные склонились над лебедкой машины Хироу, пытаясь с помощью кремня зажечь огонь под котлом.

Паскуале, обхватив коленями канат, поднимался, перебирая руками, пока не оказался прямо под самым большим змеем. Его поверхность, полотнище, натянутое на каркас из ясеня, дрожала и гудела. В неверном свете фонарей стражников Паскуале увидел расстегнутую сбрую или некий плетеный футляр, похожий на тунику без рукавов, закрепленный на раме змея. Чуть дальше загибался руль. Паскуале карабкался, пока не добрался до этой сбруи, туда, где канат входил в кожаное кольцо и расходился веером на дюжину стренг, держащих змей за тупой нос.

По канату прошла быстрая дрожь. Паскуале посмотрел вниз и увидел, что труба машины Хироу выплевывает искры. Через несколько минут она нагреется и начнет наматывать три троса, чего пока не смогли сделать люди. Паскуале видел однажды на празднике, когда змеи поменьше парили над городскими стенами, что Для этого нужны усилия двадцати человек.

Он крепче ухватился за канат, распрямил ноги и медленно развернулся. Это оказалось не сложнее, чем когда на веревке за большими окнами комнаты Россо болталась обезьяна, хотя падать было раз в сто дальше, но нельзя думать о падении. Руки у него уже почти онемели, казалось, пальцы стали в два раза меньше. Молодой художник подтянул колени к груди, затем выбросил ноги назад. На мгновение его нога застряла в сбруе, и он едва не поддался панике, потому что в таком положении мог выпустить вертящуюся раму змея. Он толкался ногами, как лягушка, пятился назад, снова перехватывая руками, пока не ощутил, что его бедра и грудь оказались внутри плетеной упряжи.

Стражники снова кричали ему. Лучи их фонарей метались взад-вперед по внутренней поверхности змея. Действуя одной рукой, Паскуале затянул ремни, это оказалось легче, чем он думал: маленькие зубчики на медных застежках позволяли ремешкам скользить только в одну сторону. Он нащупал ногами стремена и наконец выпустил канат из другой руки. Сбруя заскрипела, принимая его вес и удерживая его. Он обеими руками взялся за руль перед собой и резко дернул его. Он много раз видел летом, что именно так делают на праздниках летуны на змеях, когда начал искать в жизни хоть что-нибудь похожее на его ангела.

Змей тут же пугающе быстро заскользил вниз. Его правый край захлопал, впуская воздух в пространство, образовавшееся от дуновения ветра над его поверхностью. Из разговоров с мальчишками, делавшими небольшие петли на змеях во время праздников, Паскуале знал: они летают благодаря тому, что воздух движется по поверхности хитро изогнутого крыла змея быстрее, чем под ним. Воздух поднимал змей, пытаясь заполнить созданную таким образом пустоту, ибо Бог так любит свои творения, что не переносит любой незавершенности, пусть даже мельчайшей, и наполняет мир, фрагмент за фрагментом.

Теперь, когда воздух просачивался под крылья справа, змей пошел вбок. В этот миг кто-то внизу отпустил барабан, и змей тут же отвоевал себе добрых две сотни braccia каната. Он стремился вниз, вниз, пока машина не начала наматывать три троса.

Паскуале метил на платформу, которая выступала под последним ярусом башни, но он ошибся, оценивая маневренность

змея. Балкон пролетел мимо него, он оказался под ним и продолжал падать. При попытке свернуть влево воздух просочился под оба края змея, и тот окончательно потерял высоту.

Какой-то жуткий миг Паскуале летел прямо вниз. Огни на площади закружились. Затем лебедка пошла вверх, и змей тоже резко дернулся вверх, с такой силой, что руки Паскуале едва не соскочили с руля и он задохнулся, когда ремни впились ему в ребра. Тросы налетели на край балкона, и змей устремился к башне, зацепившись за этот выступ. Паскуале увидел, что на него летит высокое окно с витражом: ангел, белый ангел, победно занесший пылающий меч над поверженным дьяволом в обличье змеи. И окно посыпалось вокруг него белыми, красными и золотыми осколками.

7

К счастью для Паскуале, стражники оказались сообразительными, они отпустили тормоз лебедки, как только увидели, что происходит, иначе его вместе с остатками змея рвануло бы вверх и он разбился бы об основание балкона. А вместо этого Паскуале оказался зажатым между открытыми вращающимися свинцовыми рамами окна, осыпанный дождем цветного стекла, звякающего по полу большой комнаты со сводчатым потолком. Деревянный остов змея разбился, и его полотнище свисало с Паскуале, словно сломанные крылья. Он походил на падшего ангела.

Крестовины змея и плетеная сбруя выдержали удар, но Паскуале до сих пор не мог отдышаться. Завывал холодный ветер, терзая обрывки змея. К тому времени, когда юноша вспомнил, что его опутывают ремни, и начал освобождаться, в дверь ворвались стражники и побежали к нему между длинными столами, заваленными бумагами и частями механизмов. На всех стражниках были стальные доспехи, начищенные до зеркального блеска. От ветра бумаги поднялись в воздух, будто стая вспугнутых птиц.

Поддерживаемый стражником старик с длинными белыми волосами и длинной белой бородой, волнами падающими ему на плечи и на грудь, подмигнул Паскуале. Вбежал еще один человек, великолепный в алом бархате.

Это был Салаи. Словно актер в фарсе, он вскинул руку, указывая на Паскуале:

— Вот, учитель! Смотрите! Вот предатель!

Несмотря на головокружение, Паскуале сразу понял, кто этот старик. Он выпутывался из ремней, ощущая боль в спине и руках. Стражники шумели, ища лестницу, отодвигая стол, заваленный частями машины и осколками стекла, от окна, на котором болтался Паскуале.

— Не слушайте его! — крикнул Паскуале. — Он сам король лжецов! Прошу вас…

Салаи ухмыльнулся Паскуале. Он в самом деле походил на жирного маленького дьявола в своей алой рубахе, камзоле и черно-красных чулках.

— Я прямо сейчас добуду доказательства, учитель, и все расскажу вам, — обратился он к старику.

Тот забормотал что-то Салаи, положив руку на его пухлое плечо. Но Паскуале было не слышно слов, потому что рядом с ним подняли лестницу, два стражника начали взбираться по ней,

а остальные залезли на стол и принялись рычагом растаскивать вращающиеся рамы из свинцовых полос, в которых застрял змей.

Салаи что-то долго говорил старику, шепча ему на ухо и время от времени искоса поглядывая на Паскуале с нескрываемой злобой. Когда Салаи замолчал, заговорил старик, но Салаи положил ладонь на его руку и сказал что-то стражнику, который повел старика прочь.

Один стражник перерезал ремешки сбруи, затем другие схватили Паскуале за руки и за ноги и через минуту опустили его. Он пытался сопротивляться, когда Салаи начал шарить в его сумке, но все стражники были дюжие швейцарцы, с тем же успехом можно пытаться опрокинуть на землю вола. Паскуале только смотрел, как Салаи с легким презрением отодвинул в сторону его нож, листы бумаги и уголь, а затем достал бумажный футляр с летающей лодкой.

Салаи вынул лодку и поднял ее на ладони, повертел из стороны в сторону, так что тени и свет прошлись по сложно закрученным бумажным спиралям, повертел колесико.

— Смотри, — сказал он одному стражнику. — Запомни хорошенько. Это было при мальчишке. — Затем он сунул модель в карман красной рубахи и бросил стражникам: — Берите его и следуйте за мной.

Они подняли Паскуале, один за руки, другой за ноги, и снесли вниз по винтовой лестнице в маленькую комнату, выстроенную в форме буквы D, или натянутого лука, с полукруглой каменной стеной и заставленной шкафами прямой стеной. Когда стражники опустили его, Паскуале поднялся быстро, как только смог, и посмотрел Салаи в лицо. Тот стоял в дверях с двумя могучими стражниками за спиной.

— Высший балл за твое появление! — сказал Салаи и издевательски зааплодировал. — Не могу передать, как я рад ему. Я просто готов расцеловать тебя. Мое мнение о твоих дарованиях возросло, хотя я, кажется, был прав насчет твоих умственных способностей. Не стану спрашивать тебя, зачем ты пришел, не сейчас. Я даже не стану спрашивать, как ты сумел проникнуть в башню, это тоже не теперь. Это удовольствие я оставлю на потом.

— Ты прекрасно знаешь, зачем я здесь, Салаи. — Паскуале обращался не только к Салаи, но и к стражникам. — Это ты украл летающую лодку, а когда она попала ко мне, когда я узнал, насколько важна эта вещь, я попытался вернуть ее сюда. Я принес ее самому Великому Механику. Это правда!

— О, кричи сколько влезет. Это, видишь ли, мои люди, художник. — Салаи принюхался. — Ты как-то странно пахнешь. Ты что, наделал в штаны, когда летел в окно? Говори, не

стесняйся, в этом нет ничего зазорного.

— Это просто запекшаяся кровь. Запах, который ты не мог не почуять. Как же ты увернулся от людей Джустиниани, Салаи? Я знаю, это был Джустиниани, все эти фейерверки его работа, а один из его людей едва не схватил меня в доме Никколо Макиавелли.

— Кто сказал, что я уворачивался?

— Ты предал моего учителя, теперь ты предал савонаролистов Джустиниани. Кто следующий?

— Ах, сколько пафоса! Я с радостью подвергну тебя пытке, художник. Я же не забыл нашей последней встречи. Мы начнем с того места, на котором остановились, но только в более подходящих условиях. Я оставлю тебе время на размышления до утра, художник, а потом мы заберем тебя в Барджелло, там располагается мой кабинет милосердия.

— Никколо Макиавелли, Салаи! Он еще жив? Он у Джустиниани, как и тело Рафаэля?

— Пока еще, — бросил Салаи.

Дверь закрылась, деревянный засов встал на место.

Паскуале быстро изучил комнату в слабом свете, пробивающемся сквозь решетку на окне. Шкафы оказались набиты черепами с восковыми слепками мозга, который в них когда-то содержался. Они занимали многие полки, все тщательно подписанные. На темени каждого черепа была начерчена решетка из тонких черных линий, и у каждого была бирка, привязанная через правую глазницу, с надписями, которые Паскуале сначала принял за какой-то шифр, пока не догадался, что они сделаны в зеркальном отображении. «Женщина, 44 года, паралич. Мужчина, 22 года, слепой, врожденный идиотизм. Мужчина, 56 лет, обычный. Мужчина, 35 лет, повешен за воровство». Судя по пыли на полках, этой комнатой уже давно не пользовались.

Здесь не было ничего, что сгодилось бы в качестве оружия, и Паскуале сомневался, сумеет ли он вылезти сквозь маленькое окошко в центре изогнутой стены, которое все равно было так высоко от пола, что он мог коснуться подоконника, только поднявшись на цыпочки. К тому же если бы он сумел вылезти, то оказался бы снаружи башни, высоко над землей и без змея, способного нести его.

Молодой человек уселся напротив двери в узком углу, образованном шкафами и дугой стены, вытянув перед собой ноги. Все полученные им ссадины и синяки пульсировали. Стоило ему закрыть глаза, он ощущал восторг полета и ужас падения. Словно он стал тем ангелом, которого разбил, Салаи же предстал перед ним в образе чешуйчатого червя, корчащегося под его пылающим

мечом. А может быть, проходя сквозь картину, он стал противоположностью ангелу: черным падшим ангелом, лишившимся милости Бога и обреченным на мучения. В любом случае безумие, охватившее его, прошло. Он был охвачен им с того мгновения, когда нырнул в реку, чтобы бежать от савонаролистов, оно поспешно нарастало, толкая его на необдуманные поступки, которые привели его сюда, в этот маленький чулан на вершине Большой Башни. А может, он заразился им гораздо раньше, когда впервые увидел Никколо Макиавелли. Наверное, он слишком близко к сердцу воспринял любовь пожилого человека к заговорам и контрзаговорам и видел влияние испанцев там, где были простые совпадения. Он обхватил лодыжки и вздрогнул, охваченный апатией, которую породило не отчаяние, а простое смирение перед лицом судьбы.

8

Он проснулся оттого, что громоздкий засов двери отъехал назад. В высокое окно лился молочный свет зари, обволакивая Паскуале, словно одеялом, хотя и не давая тепла.

Юноша заморгал, отгоняя сон, когда дверь открылась и вошел стражник. Начищенная сталь доспехов сверкала в свете фонаря, который он принес с собой, отражая находящиеся в комнате предметы так четко, что гладко выбритое лицо стражника с квадратной челюстью (который был ненамного старше Паскуале) казалось парящим без опоры над каким-то безумным зеркалом, За спиной стражника стоял старик, которого Паскуале видел в длинной комнате. Это был Великий Механик.

Паскуале, как мог поспешно, поднялся на ноги. Ему показалось, что его позвоночник сделан из плохо отлитого металла, каждая мышца на спине болела. Великий Механик смотрел на него ласково, одной рукой поглаживая шелковистую белую бороду. Он носил очки с синими линзами, которые сидели у него на кончике носа, словно бабочка.

— Надо бы отвести его, — вымолвил он наконец, обращаясь вроде бы в пространство, и развернулся.

Стражник взял Паскуале за руку прямо над локтем, большой и указательный пальцы его стальной латной перчатки впились в мышцы жестоко и неумолимо, словно щипцы. Он наполовину повел, наполовину потащил за собой Паскуале по винтовой лестнице, через большой зал, где в разбитом витражном окне до сих пор висел змей — его разорванная ткань лениво покачивалась, — и через маленькую дверцу в круглую комнату, шумную от тиканья множества часов.

Часы всех видов висели на стенах: часы, идущие благодаря падающему песку; часы с водяным колесом, соединенным с регулятором хода; все типы механических часов, с циферблатами, блестящими золотом и серебром, вырезанными из дерева, даже из стекла, за которым горели свечи, просвечивая в дырочки, изображающие созвездия. Были часы, показывающие дни, и часы-календари, показывающие праздники святых, даже древняя астролябия с гирями и вращающимся барабаном, из которой в качестве регулятора хода капала ртуть. А в центре комнаты стояли огромные, в два человеческих роста, астрономические часы, их гиревой механизм виднелся в медной клетке с семигранным барабаном наверху. На каждой грани барабана было по круговой шкале, показывающей движение одного из семи небесных тел, Primum Mobile,[22] Луна и планеты, а под

барабаном, внутри медной клетки, располагались круглые циферблаты, показывающие час дня, фиксированные и нефиксированные христианские праздники, и шкала с точками пересечения орбит. Этот прибор издавал громкий ровный стук, похожий на биение гигантского сердца, размеренный и торжественный на фоне быстрого тиканья мелких механизмов.

Великий Механик стоял в дальнем конце комнаты, глядя в окно, похожее на разрезанный пузырь или на линзу и поднимавшееся от пола до потолка. Стражник провел Паскуале через комнату и, когда тот попытался спросить, зачем его привели сюда, велел ему говорить только в том случае, если к нему обратятся.

— Но изобретение… — заикнулся было Паскуале.

Стражник, светловолосый человек с круглой, коротко остриженной головой, гладким юношеским лицом и пронзительным взглядом холодных голубых глаз, сказал спокойно:

— Мой хозяин немногословен, но каждое его слово тщательно взвешено. Тебе придется примириться с его привычками.

Паскуале заставили сесть за маленький столик перед линзой окна. Глядя на пробуждающийся внизу город, он ощутил головокружительное чувство, будто забрался в глаз гиганта. Он находился так высоко (Большая Башня была в четыре раза выше квадратной башни на площади Синьории), что полностью видел кольцо городских стен с обеих сторон реки. Он видел вытянувшиеся вдоль берегов мануфактуры и черные провалы в тех местах, где что-то сгорело, мосты над лентой реки и, прямо под ним, дворец правительства. Площадь Синьории, погруженная в тень, до сих пор была завалена обломками машин механиков. Гигантская статуя Давида с места Паскуале казалась камешком или пятнышком.

Великий Механик заметил в пространство:

— Стражник, разумеется, подчиняется Салаи и тотчас же отправится сообщить обо всем своему хозяину, где бы тот ни находился.

— И что вы только выдумываете, учитель! Разумеется, не отправлюсь, — возразил стражник и подмигнул Паскуале. — Учитель, разве вы не хотите разделить с юным героем завтрак?

— А у него есть время завтракать? Разве не пора вывести его отсюда?

— Это самое меньшее, чем мы можем отблагодарить его, — сказал стражник, снова подмигивая Паскуале. — Люди Салаи не станут заходить в комнату, пока не получат приказа. — Он

потянул за красный шнурок, уходящий в отверстие в стене, вроде бы без видимого результата.

Великий Механик развернулся и отошел от окна, не взглянув на Паскуале, и принялся заводить механизм огромных астрономических часов с помощью фигурного ключа, длинного, как человеческая рука. При этом он действовал левой рукой.

Стражник заговорил тоном помощника режиссера, подсказывающего бестолковому актеру:

— Дело ведь касается модели устройства, которая пропала, разве не так?

— Я принес ее обратно, но Салаи отнял ее у меня, — сообщил Паскуале.

— Да, конечно, я сам видел. Разве мы не видели, учитель?

Великий Механик отложил ключ:

— Нечего передо мной заискивать, Якопо. Полагаю, я должен узнать, как модель оказалась в руках этого молодого человека.

— Расскажи, как это случилось, — обратился стражник к Паскуале.

Пока Великий Механик хлопотал над своими часами, заводя их одни за другими, Паскуале начал объяснять, что произошло и как к нему попало изобретение, рассказал об убийстве Романо, которое оказалось совсем не убийством, отравлении Рафаэля и похищении его тела, о похищении Никколо Макиавелли, союзничестве Салаи с савонаролистами и его двойной игре с Джустиниани.

— Я собирался принести вашу вещь прямо к вам, господин, — сказал Паскуале, — но мое везение не простиралось настолько далеко.

Стражник заметил:

— А смелая попытка, а?

Наступила тишина, Великий Механик закончил заводить часы. Наконец он произнес:

— Это не имеет значения. Нельзя подавить идею, как я уже давно обнаружил. Как только она выходит в мир, она обретает собственную жизнь, словно в греческой сказке о Пандоре. Часто бывает достаточно, чтобы кто-нибудь обладающий способностями знал о самой возможности; я однажды решил позабавиться и сказал своим ученикам, что сделал то-то и то-то тем-то и тем-то способом, и заставил их повторить мой опыт. Большинство сумели, и ни один способ не был похож на другой, но при этом оставалось, так сказать, фамильное сходство. Модель не имеет значения, важна стоящая за ней идея, вот что похищено.

— Ладно, нам не удалось сохранить в тайне камеру, но эта вещь гораздо опаснее, — произнес Якопо.

— Салаи убежден, что модель важна, господин, а это значит, он нашел для нее покупателя. Я уверен, он понесет ее венецианскому чернокнижнику Паоло Джустиниани, который продаст ее испанцам. А Испания использует ее против Флоренции. В первый раз мне удалось разрушить их план, хотя и совершенно случайно. В прошлый раз Салаи действовал обходными путями, но теперь он делает все открыто. Я попытаюсь остановить его, — горячо заявил Паскуале.

— Ты уже раньше упоминал этого Джустиниани. А Салаи не говорил, почему он имеет дело с ним, а не непосредственно с испанцами? — заинтересовался стражник.

Паскуале вспомнил, о чем говорил Салаи, и предположил:

— Не столько по словам, сколько из способа, каким были атакованы на реке савонаролисты, получается, что за этим стоит Джустиниани. К тому же последователи Савонаролы — фанатики, которые не станут платить за изобретение, во всяком случае не столько, сколько, без сомнения, обещал Джустиниани.

— Но свидетелей у тебя нет. Что ж, к кому бы он ни пошел, на этот раз Салаи не вернется, учитель. Он решился на предательство. Неприкрытое предательство, — заметил Якопо.

Великий Механик зажал уши руками.

— Это не поможет, — громко произнес Якопо. Он привалился к стене у окна, лениво разглядывая город. Затем добавил: — Вы же знаете, на этот раз с ним покончено. Вы не сможете спасти его от таких неприятностей. Вам придется спасать его от самого себя.

«Этот Якопо приятный и с хитрецой, — решил про себя Паскуале, — он оберегает Великого Механика, но с выгодой для себя, словно младший сын, который ублажает папашу, выполняя каждое его желание, в расчете на получение наследства». На шее и запястьях из-под доспехов стражника выбивались фламандские кружева, а гарда на мече была с золотым узором, в котором кое-где капельками крови сверкали рубины.

Великий Механик опустил руки и посмотрел на них:

— И как я так постарел, Якопо? И мой прелестный мальчик тоже.

— Полагаю, это естественный процесс, учитель.

— Салаи не доверяет никому, — продолжал Великий Механик, — поскольку в глубине души сознает, что сам он не заслуживает доверия, поэтому он считает, что все вокруг такие же, как он сам. Ты был прав, юноша, называя его королем лжецов. Я дал ему имя по аналогии с божеством марокканцев, потому что он с самого начала производил впечатление настоящего дьявольского отродья. Такой красивый мальчик, но такие манеры и такая злость! И конечно же, жадность, желание брать все, что

захочется. Что-то вроде наследного принца. И вот до чего он дошел. Без сомнения, он так или иначе убьет тебя.

— Мы спасли этого молодого человека не для того, чтобы позволить головорезам Салаи убить его, учитель, — сказал Якопо. — И вы прекрасно это знаете, так что прекратите стращать его.

— Это всего лишь правда.

— Только если вы позволите ей стать правдой, — возразил Якопо и опять подмигнул Паскуале.

— Да, ты хотел бы видеть, как Салаи лишится влияния, — сказал Великий Механик.

— У него слишком большое влияние на вас, а у его приспешников слишком большое влияние на других механиков. Некоторое его ослабление пошло бы на пользу всем нам.

— И особенно пошло бы на пользу тебе, — настаивал на своем Великий Механик. — Не думай, что я не замечаю, как ты настраиваешь меня против Салаи.

— Тише, — понизил голос Якопо. — Не при слугах.

Вошел паж с подносом, на котором были фрукты, мягкий черный хлеб и запотевший кувшин с водой. Он поставил все на низкий столик перед линзой окна и удалился. Якопо, все еще стоящий у окна, махнул рукой Паскуале:

— Ешь, бери, что хочешь.

— А ваш учитель?

— О, — громко произнес Якопо и посмотрел через плечо, убедиться, что Великий Механик слушает, — он заявит, что уже ел. Он ест, словно мышка, а спит еще меньше. Предчувствуя, как он говорит, что скоро ему предстоит вечный сон. — Более мягким тоном Якопо обратился к Паскуале: — Ешь, и пусть мой господин считает, что дело улажено. Он проникнется этой идеей, рано или поздно. Он скоро решит, что если Салаи преуспеет, это может плохо на нем отразиться. А он, верь этому или нет, до сих пор питает к Салаи слабость. Он не захочет причинить ему вред.

Паскуале сбил на пол поднос, грохот, усиленный изгибом окна, получился приличный. Великий Механик удивленно заморгал туманно расплывшимися за синими линзами очков глазами. Он первый раз посмотрел прямо на Паскуале.

Якопо выхватил из ножен меч.

— Идиот! — крикнул он.

Паскуале вскочил на ноги и заговорил:

— Я вынужден просить позволения уйти, господин. Еще не поздно остановить Салаи. Это сделаю я, если вы не можете.

— Сядь! — зашипел Якопо. — Ты не знаешь, каким он может быть. Он до сих пор любит Салаи.

— Успокойся, Якопо, — мягко сказал Великий Механик, — и

опусти меч. Неужели ты думаешь, юноша нападет на меня со сливой или горсткой фиг? А что касается тебя, мальчик, нет нужды волноваться. Я уже сказал, что помогу тебе, и я уже помог. Если то в моих силах, ты покинешь башню раньше, чем вернется Салаи, и раньше, чем он узнает, что ты свободен, и отдаст приказ запереть тебя понадежнее.

— Вы очень добры, господин, но я вынужден просить о большем. — Отчаяние заставило Паскуале забыть о скромности. — Салаи сказал, Никколо еще жив, но что с ним будет, если Джустиниани получит все, что ему нужно? Если вы просто отпустите меня, это одно. Я, может быть, сумею остановить Салаи, возможно, нет. Что я знаю точно, я обязан разрушить его планы и спастись от синьора Таддеи, который готов обменять меня на тело Рафаэля. Я сделаю все, что смогу, но я всего лишь художник, и даже в этом еще ученик, тогда как вы обладаете такими возможностями, что для вас не составит труда захватить Салаи на месте преступления.

— Держи свои идеи при себе! — яростно прошептал Якопо. — Ты его напугаешь, и ничего не будет!

— Но все так и есть, — упорствовал Паскуале.

— Ты глупец, я же на твоей стороне!

— Салаи дважды пытался отравить меня, несколько лет назад в меня стрелял солдат. Он промахнулся, и его убили на месте, но у меня зародились подозрения, — произнес Великий Механик.

— Не просто подозрения, — вставил Якопо.

— И вы все равно не смогли его прогнать? — спросил Паскуале.

— Пока еще нет. Его влияние слишком велико, и он намекает, что у меня не все в порядке с головой. Возможно, так оно и есть. Кроме того, куда он пойдет? У бедного Салаи никогда не было иного дома.

— Вот видишь, как обстоят дела, — сказал Якопо, возмущенно всплескивая руками.

— Но я любил его и простил, — продолжил Великий Механик. — Я все еще люблю его, точнее, того капризного ребенка, которым он был и который в большей мере живет в нем до сих пор. К тому же башня не моя, во всяком случае эта ее часть. Чтобы выстроить ее, я заключил соглашение с Синьорией: они оплачивают постройку и позволяют мне работать по моему усмотрению, а башня становится университетом механиков. Какие тогда были времена! Мы работали дни напролет, воплощая свои идеи. Я помню, как Ваноччио Бирингуччио первый разъяснил принцип действия машины Хироу, он запаял воду в медную сферу, которую стал нагревать. Ему повезло, он выжил

при взрыве. Мы решили, что башня падает! Кто бы мог представить, куда это нас заведет через какие-то пятнадцать лет! Кто бы мог подумать, что наши простые исследования природы настолько переменят мир? Что ты видишь, Якопо?

— В смысле, в окне? Город, конечно. Он все еще там, только слегка обгорел по краям.

— Последний раз, когда я смотрел туда, я видел город в огне. Я видел летающие машины, висящие над укрепленными стенами, кидающие горшки с огнем на все, что легко загорается. Я видел бегущих людей, спасающихся от этих же летающих машин. Я видел людей, обратившихся в дьяволов. И все это может произойти наяву. Завтракай же, мальчик. Ешь, пей. Организованные привычки организуют разум. У нас мало времени.

— Все нормально, — сказал Якопо. — Он обдумывает.

— Скоро будет уже поздно, — покачал головой Паскуале.

— Тише. Он движется в собственном темпе. Ты и без того причинил немало хлопот.

— Надеюсь, больше их не будет, — сказал Паскуале и впился зубами в сливу. Рот наполнился сладким соком, он ощутил, что голоден. Пока он ел, Великий Механик закончил заводить часы, и Паскуале заметил (очень обрадовавшись тому, как Якопо закатил при его словах глаза), что здесь в самом деле хранится немалый запас времени.

— Скорее, измеряется, — поправил его Великий Механик. — Мне показалось интересным, что его можно измерить таким количеством способов. Иногда мне хочется быть часовщиком, а не механиком. Или художником, которым я хотел стать. Но сейчас у меня мало силы в правой руке. А левую я не могу поставить, к тому же этому ремеслу надо отдавать всю жизнь. Я стал заниматься иным после убийства Лоренцо, но иногда мне кажется, я вижу, как все могло бы быть, — так человек залезает на высокую гору и обнаруживает, что он вовсе не покорил весь мир, потому что за этой горой поднимаются другие и их вершины теряются в тумане. Время странная штука, художники хорошо это знают. Мы представляем его рекой, всегда движущейся в одном направлении, но, возможно, Бог представляет его иначе, он может возвращаться к различным событиям и исправлять их, как художник поправляет набросок. В другой жизни… Но ты улыбаешься моим словам.

— Вы напоминаете мне моего учителя, Пьеро ди Козимо.

— Я знаю его достаточно хорошо, чтобы понимать: его выдумки могут с первого взгляда показаться просто забавными, но на самом деле они имеют глубокий смысл, потому что

подрывают все, что мы принимаем по традиции или привычке, не подвергая сомнениям. В этом смысле Пьеро как дитя, для которого все внове. Я же убежден, что все механики должны сначала увидеть вещь в новом свете, чтобы понять ее.

— Тогда я прошу вас увидеть вещь в новом свете, господин. Увидеть, что все не так безнадежно, как вы считаете. Сам механизм не имеет значения, значение имеет тот смысл, которым его наделяют люди. Это… это как с ангелом, ангелом Благовещения! Не имеет значения, с какой вестью пришел ангел, какими словами он скажет об этом. Довольно того, что он принес с собой сияние Господа. Око само по себе весть. Если мы сумеем вернуть модель, победа уже будет на нашей стороне.

Паскуале говорил бы и дальше, и даже более смело, но негромко прозвонил колокольчик, и Якопо сказал:

— Стража возвращается. Очевидно, капитану сообщили, что тебя освободили, я всегда не доверял этому пажу. Учитель, теперь нам пора. Вы понимаете?

— Разумеется, понимаю! Я стар, но еще не впал в детство.

Они вышли в дверь, через которую входил паж, пошли по длинному коридору с окном в человеческий рост, за которым виднелся город. Якопо повернул это окно, оно оказалось зеркалом или экраном, на нем просто отражался вид, со спрятанной за ним лестницей.

Они долго спускались, проходя маленькие комнатки, расположенные через равные промежутки, словно бусины розария.[23] Якопо пояснил, что внутри башни существует что-то вроде «башни наоборот», потайные места, о которых мало кто знает. Над башней трудилось множество строителей, но они возводили только какие-то ее части, не зная устройства полностью, в отличие от Великого Механика. Так, обычный человек не может по-настоящему увидеть город, в котором живет, пока не поднимется достаточно высоко, откуда, словно Бог, сможет видеть все. Паскуале решил, что это уже чересчур, но в следующей комнате, в которую они вошли, Великий Механик доказал ему, насколько это верно.

Комната была без окон, как и все остальные, но больше и круглая, и освещенная не ацетиленовыми лампами, а солнцем, светящим сквозь отверстие в потолке на маленький столик с гладкой белой поверхностью. По приказу Великого Механика Якопо подошел и сдвинул рычаг, и внезапно на гладком столе появилось изображение города, увиденное, словно с высоты птичьего полета. Пусть с помощью хитроумных линз, призм и зеркал, но от этого не менее впечатляющее.

— Покажи мне дом Джустиниани, — велел Великий Механик,

и через минуту Паскуале сумел найти виллу, белое пятнышко на холме под городской стеной на другом берегу Арно. Тень его пальца на миг заслонила картинку, и он действительно поверил, что Бог именно так смотрит на мир и, если бы у него было особенно острое зрение, он увидел бы Салаи, скачущего к вилле, смог бы наблюдать через крышу за чародеем, нашел бы Никколо в его темнице.

— Сейчас мой живейший интерес вызывает свет, — сказал Великий Механик. Его глубоко посаженные глаза были в густой тени, тень падала и на все его лицо. — Свет… он чище идеи.

— Вместе мы разрушим планы Салаи, господин. Время еще есть. Испанцы в дне пути отсюда. Даже если они получат сообщение, что модель у Джустиниани, они должны сначала забрать ее. Идемте со мной! — попросил Паскуале.

— А я что делаю? Ты уже убедил меня, мальчик. Якопо, ты идешь с нами? Закрой рот. Ворона влетит!

— Я поражен, как всегда, внезапным поворотом вашей мысли. Я старался убедить вас выступить против Салаи с того дня, когда он пытался убить вас, и вот вы вдруг решились.

Великий Механик обратился к Паскуале:

— Это потому, что ты так влетел в окно, словно ангел. Я что-то почувствовал тогда, но только теперь понимаю что. Мы убережем Салаи от его глупости.

— Ваша наука против магии Джустиниани, господин! — воскликнул юноша.

— Магия — это тоже наука, которая пытается притвориться чем-то иным. Полагаю, у нас очень мало времени. Надо спешить. Куда ты меня поведешь?

— Но я думал…

Великий Механик тяжело опустился на стул и сказал с усталым вздохом:

— Что? Что я соберу армию? Нет никого, кроме стражников, но они служат Салаи. Все, что у меня есть, заключено внутри моей головы. У меня нет даже учеников. Уже двадцать лет у меня нет учеников, только последователи.

— Которые растащили вашу последнюю идею на куски, словно вороны, — сказал Якопо.

— Есть только один человек, который может нам помочь, но я не знаю, захочет ли он. — Паскуале с сомнением покачал головой.

— Не сомневайся. Веди меня к нему! Я искренне верю в твой дар убеждения, мальчик. Вместе мы заставим его понять. Но сначала я должен отдохнуть. Бывают моменты, когда я сожалею, что сделал эту башню такой высокой.

Якопо взял Паскуале за руку и отвел его вглубь комнаты.

— Он уже стар, и это предприятие может оказаться опасным для него.

— Это единственный способ остановить Салаи.

— Я вижу, мы понимаем друг друга. Что ж, отлично. Хочу показать тебе кое-что, как художнику, тебе может быть любопытно.

В дальнем конце комнаты стоял ряд каменных лоханок, залитых кровавым светом, который рассеивали красные линзы. Здесь дул непрекращающийся холодный ветерок. Якопо сказал, что именно здесь Великий Механик создает световые картины. Он показал Паскуале стопку стеклянных пластин, равномерно покрытых серебром, и аппарат с линзами, куда они вставлялись.

— Прежде всего серебро необходимо сделать чувствительным, обработав парами йода. Затем, после воздействия света, пластина выдерживается в лохани с горячей ртутью, пока не проявится изображение, а потом она помещается в горячую соленую воду для фиксации. Вот последняя. Осторожно! Серебряная пленка очень тонкая. Хотя он испробовал новый лак, чтобы укрепить ее, она все равно осыпается. Осторожно, я сказал! — воскликнул Якопо, потому что Паскуале схватил пластину и потащил ее через комнату к столу. Якопо пошел за ним. — Осторожнее, осторожнее! Видишь, это картина с праздника в честь Папы. Вот сам Папа, а рядом с ним несчастный Рафаэль.

Паскуале не глядел на знаменитостей, он смотрел на слуг, стоящих за ними, готовых подавать новое вино. И особенно пристально на слугу, находящегося рядом с Рафаэлем. Он узнал бледное лицо, поразительные волосы и наконец понял все.

9

Когда Паскуале проводили к синьору Таддеи, купец играл в шахматы со своим астрологом Джироламо Кардано, сидя перед большим камином. У них под ногами были разбросаны документы, и механическая черепаха, на ее панцире слоновой кости завивался узор из крошечных бриллиантов, ковыляла по куче бумаг на шести коротеньких ножках. Секретарь Таддеи писал за конторкой позади высокого стула своего хозяина, помощник диктовал ему цифры, делая вычисления на механических счетах, с проворством машины занося данные в механизм, поворачивая рукоятку и записывая результат на длинном листе бумаги.

В дальнем конце комнаты трио музыкантов исполняло веселую пьесу, слуга, приведший Паскуале, подождал, когда они завершат игру, прежде чем поспешно провести его через весь длинный зал. Кардано покосился на Паскуале насмешливо, а Таддеи изучал шахматную доску и скреб пальцем бороду. Механическая черепаха уперлась ему в ногу, он развернул ее и сделал свой ход, прежде чем поднять глаза. Они представляли собой странную пару, дерганый молодой эстет в черном и спокойный объемистый купец, но подобные противоположности сходятся: ведь часто хозяин видит в слуге или работнике чрезмерно развитыми те черты, которые отсутствуют в его собственном характере, тогда он возвышает этого слугу до своего доверенного лица и проводника своих идей.

— Вот нежданная радость! — Синьор Таддеи вопросительно посмотрел на слугу, который привел Паскуале.

Кардано двинул слона через доску, а затем развернул черепаху, заставив ее маршировать обратно к купцу.

Слуга пояснил, что Паскуале пришел к воротам и потребовал, чтобы его впустили. Паскуале добавил небрежно:

— Я пришел с другом. Я уверен, вам лучше сейчас поговорить с ним, чем потом воевать.

— Неужели? — удивился Таддеи, откидываясь на стуле и глядя на Паскуале честными глазами. Он был одет в красный костюм, отделанный на шее и рукавах крашеным черным мехом, на его лысой макушке сидела квадратная шапочка.

— Опасайтесь обмана, — пробормотал Кардано. Он прикусил нижнюю губу, и даже Паскуале было видно, что прикусил он ее так, что на глаза ему навернулись слезы. Видимо, астрологу было над чем задуматься. Он прибавил: — Один может стоить многих в определенной ситуации.

Паскуале ответил с беззаботностью, которой он не ощущал:

— Он просто пожилой человек, а не убийца.

— Будьте осторожны, хозяин, — предупредил Кардано. — Внешность часто бывает обманчива.

— Безусловно, — согласился Таддеи. Черепаха бодала его туфлю с загнутым носом. Почти не глядя на доску, он передвинул пешку на одну клетку и ногой развернул игрушку, которая побрела обратно к Кардано.

— Достаточно лишь взглянуть на вас, синьор Кардано, чтобы вспомнить об этом, — съязвил Паскуале.

Слуга сообщил Таддеи:

— Там старик, хозяин, его сопровождает человек в доспехах.

— Его охранник, — пояснил Паскуале. — Он оставит меч за дверью, если вы захотите, а другого оружия у него нет.

— Приведите сюда этого старика, — велел Таддеи слуге и обратился к Паскуале: — Ты доставил нам множество хлопот, мальчик. А теперь скажи мне, что ты не принадлежишь к последователям Савонаролы.

— Вы же знаете, что нет, — ответил Паскуале со всей возможной уверенностью. — Это как раз савонаролисты отбили меня у ваших людей на Понте Веккьо.

— Я ничего об этом не знаю! Два моих человека мертвы, третий принесен с пулей в кишках, без сомнения, он скоро присоединится к своим товарищам. Может, савонаролисты и захватили тебя, но ты стоишь здесь, целый и невредимый.

— Хотя и пахнущий не лучшим образом, — добавил Кардано.

— Мне пришлось воспользоваться несколько необычным экипажем.

— К несчастью, — сказал Таддеи, — тела Рафаэля так и не нашли. Ты видел его, когда тебя захватили?

— У савонаролистов нет тела Рафаэля, — ответил Паскуале.

— Я всегда считал, что тебя одного мало для обмена, — сказал Кардано.

— Им нужен был не я, а то, что у меня было, но чего больше нет. К тому же обмен затеяли не они, а кое-кто другой. А они узнали об этом, потому что в вашем доме, синьор, есть человек, сообщающий им обо всем, — объявил Паскуале.

— Если ты побывал у савонаролистов, неудивительно, что ты об этом заявляешь, — сказал Кардано. Черепашка пыталась перелезть через его черные башмаки, и он нетерпеливо отпихнул ее.

— Я не обвиняю вас, синьор. Это, наверное, кто-то из слуг, может быть, новый сигнальщик. Но это не имеет особенного значения.

— Если это так, для меня это имеет значение, — возразил Таддеи.

— Нельзя верить ни одному слову этого мальчишки. Откуда он здесь взялся, если его схватили савонаролисты? — возразил Кардано.

— Тише, — сказал Таддеи. — Твой ход, Джироламо.

— Ах да. — Кардано передвинул ферзя, который теперь стоял рядом со слоном, и откинулся назад, ущипнув себя за сгиб руки. — Вот. Вам шах и мат.

— Разве? — Таддеи рассеянно посмотрел на доску, затем отодвинул ее.

— И это все, что вы можете сделать, когда на Флоренцию движутся вражеские армии? — спросил Паскуале.

Таддеи уставился на него с легкой насмешкой:

— Я не могу отправить свои товары по дороге, потому что дороги закрыты по распоряжению Синьории, и я не рискую отправить их морем, потому что вдоль берегов стоит испанский флот, они от нечего делать потопят любой проходящий мимо корабль. А тем временем горожане требуют изгнать фракцию механиков из Синьории, город на военном положении, все еще существует угроза бунта, мои мануфактуры закрыты из-за забастовки, устроенной вашими савонаролистами, но что до этого, я жду только возвращения своих лазутчиков, чтобы узнать имена зачинщиков и разобраться с ними! — Он ударил кулаком по раскрытой ладони, чтобы показать, о чем идет речь. — Расскажи мне, как ты сбежал от савонаролистов.

— Они везли меня через реку на захваченном ими пароме, когда с берега их атаковали, я уверен, это были люди Паоло Джустиниани. Я прыгнул в воду и доплыл до берега. — Не стоило упоминать о роли Россо в этом деле. Мертвые есть мертвые, не стоит говорить о них ни хорошо, ни плохо. Паскуале прибавил: — Если вам нужны доказательства, что я никак не связан с савонаролистами, вот они. — Он достал пластину, принесенную из Большой Башни, завернутую в ткань, и сказал: — Теперь я знаю, кто убил Рафаэля, я узнал этого человека. Это было сделано на празднике в честь Папы. Вот вы, синьор Таддеи, в конце стола, вы должны все помнить.

Таддеи вглядывался в туманное черно-коричневое изображение.

— Я помню, как это делалось, — сказал он. — Нам пришлось сидеть неподвижно целых две минуты, а потом болели глаза от ужасной вспышки света. А, вот и несчастный Рафаэль! — Все в комнате молчали, пока купец разглядывал картину. — Так что, — спросил он наконец, — какое отношение это имеет к делу?

— Когда была сделана картинка? — спросил, в свою очередь, Паскуале.

— Ну как же, между переменами. Когда точно, не помню. Хотя нет, это было как раз перед убийством Рафаэля. К чему ты клонишь?

— Посмотрите на задний план, синьор. Вы увидите слуг, собирающихся подавать вино к новому блюду. По счастью, все они подчинились требованию стоять неподвижно. Вы увидите человека за плечом Рафаэля. Я его знаю. Это слуга Паоло Джустиниани, тот самый человек, который пытался схватить меня перед Палаццо делла Синьория, который позже пытался проникнуть в комнату Никколо Макиавелли, когда я тоже был там. Возможно, вы помните его, синьор Таддеи. У него огненные волосы и молочно-бледное лицо.

— Даже если ты сумеешь доказать, что эти рассуждения логичны, у нас все равно есть только твое слово, будто этот слуга тот, кем ты его называешь.

Паскуале поглядел через плечо и, к своей радости, увидел Великого Механика, ковыляющего вслед за слугой Таддеи, за ним шел Якопо в своих сверкающих доспехах.

— Что касается верности моего слова, вот мой друг, готовый поручиться за меня. Надеюсь, вы его знаете, синьор.

Таддеи проследил за взглядом Паскуале, затем в изумлении вскочил с места, роняя на плитки пола шахматную доску и фигурки слоновой кости. С громадным и, кажется, искренним благоговением он взял Великого Механика под руку и подвел к собственному стулу. Судя по всему, даже Кардано был поражен его появлением, он стоял в сторонке и восторженно глядел, как купец уселся на стул напротив Великого Механика и принялся засыпать его вопросами.

Великий Механик отвечал нервной улыбкой и покачиванием головы и дал понять, что за него будет говорить Якопо. В конце концов, он был уже старик со слабым здоровьем, утомленный нарушением привычного хода своей жизни и пешим переходом от Большой Башни к Палаццо Таддеи. Он скорее упал, чем сел на стул, который пододвинул ему Таддеи, отказался от вина и через Якопо попросил воды. Его глаза за синими линзами очков были полузакрыты.

Якопо стоял за стулом учителя, явно забавляясь поворотом событий, он сообщил, что его господин поможет всем, чем сможет, в деле Паоло Джустиниани.

— Он похитил кое-что принадлежащее моему господину, некую безделицу, которую необходимо вернуть. — Якопо наклонился, чтобы выслушать Великого Механика, и прибавил: —

Или уничтожить, говорит мой учитель. В любом случае она не должна попасть в руки испанцев.

Паскуале объяснил, быстро, как только сумел, что речь идет об изобретении, которое изначально, по приказу Паоло Джустиниани, действующего в качестве агента испанцев, похитил Джулио Романо. Что савонаролисты, не доверяющие Джустиниани, схватили его, Паскуале, поскольку хотели получить изобретение и сразу же передать его своим хозяевам. Что этот самый Паоло Джустиниани не только действовал как посредник в деле с похищением модели, но еще и был организатором убийства Рафаэля и, должно быть, именно он похитил тело художника.

— Это сделано либо по приказу испанцев, либо просто из желания получить деньги за тело. Когда же Джустиниани узнал, что изобретение у меня, он решил убить двух зайцев сразу и предложил тело Рафаэля в обмен на меня и бедного Никколо Макиавелли, понимая, что мы оба знаем, где находится изобретение. Но савонаролисты отбили нас по дороге, хотя я не стану притворяться, будто бы благодарен им.

— А разве не любопытно, что этот молодой человек сбежал, тогда как синьор Макиавелли не смог? И мы до сих пор не получили этому объяснений, — выразил сомнение астролог.

— Ему можно доверять. Мой учитель считает его честным молодым человеком, — вступился за художника Якопо.

Пока Паскуале говорил, Великий Механик выбрал лист бумаги из кучи на полу и начал что-то чертить на обратной стороне, быстро покрывая его маленькими схемами. Затем он поднял лист и сказал:

— С моей помощью вы легко сможете захватить этого так называемого мага врасплох. Если у него не останется времени ни на что, только на отражение нашего нападения, он не успеет уничтожить тело Рафаэля. И, что гораздо важнее, он не сможет обрушить свою месть на моего бедного заблудшего Салаи. Я сам надеюсь достучаться до его черной души.

— Нам бы хотелось, чтобы никто не пострадал, — произнес синьор Таддеи, — но я вынужден спросить о цене этого предприятия. Я не беден, что правда, то правда, но и для меня это может оказаться накладно, особенно во внезапно ставшие столь трудными времена. Вы говорите, это ваше изобретение имеет исключительную ценность?

— Оно уже обходится слишком дорого, — ответил Великий Механик.

— Мой учитель хочет сказать, что о цене мы договоримся, — пояснил Якопо.

Великий Механик поморщился при его словах, но ничего не возразил.

Таддеи обратился к своему астрологу:

— А что скажешь ты, Джироламо? Возможно такое организовать?

— Я должен все взвесить, — ответил Кардано, пожимая плечами.

Паскуале воскликнул, разозленный и не верящий собственным ушам:

— Вы говорите о подобных делах на языке двойной бухгалтерии?

— Тише, юноша, — сказал Таддеи. — Я, прежде всего, деловой человек. Ищите кого-нибудь другого, если жаждете необдуманных поступков, хотя я сомневаюсь, что кто-то еще станет выслушивать вашу дикую историю. В конце концов, разве не поэтому вы пришли именно ко мне, а?

— Я пришел к вам, потому что именно вас использовали как посредника для возвращения тела Рафаэля.

Таддеи бросил на Паскуале сердитый взгляд, и Паскуале залился краской. В конце концов, кардинал Джулио де Медичи, кузен самого Папы, следил за отправкой Паскуале в качестве выкупа за тело. Паскуале не мог даже предположить, что было обещано Таддеи за подобную услугу или же какие долги он выплачивал таким образом. И разумеется, он не мог об этом спросить. О подобных вещах не говорят прямо, это слишком опасно. Даже знание имеет собственную цену и несет определенную опасность для своего обладателя, это Паскуале уже знал. Нечаянно он сделался обладателем знания, которое лишило жизни Россо и двух учеников Рафаэля, а теперь угрожало стать тем семенем, из которого вырастет погибель Флоренции.

Таддеи в общем был добрый человек, хотя и бесцеремонный и практичный. Он сказал:

— Вся мощь и достоинство Флоренции основаны на коммерции, это, я уверен, всем ясно. Что касается моего личного состояния, оно основано на самом традиционном нашем занятии, производстве текстиля. Чтобы обойти иностранных конкурентов, мы, флорентийцы, используем банковскую систему как наше очевидное преимущество, закупая продукцию от английских овец на два-три года вперед. Не успеет ягненок сделать первый неуверенный шаг по английской земле, а вся шерсть, которая когда-либо вырастет на его спине, уже куплена. Но это преимущество может оказаться роковым, поскольку мы обязаны забирать шерсть и аккуратно выплачивать ее стоимость, даже если не сможем производить ткани. Савонаролистам это

прекрасно известно, вот почему они мешают работе мануфактур. Понятно, что эта война ведется не только на поле битвы, но и на страницах бухгалтерских книг, где она идет уже тогда, когда армии еще только собираются нанести первый удар. Так что, синьор, даже та незначительная роль, которую я собираюсь играть, должна быть тщательно продумана, иначе все пойдет прахом, если я выиграю одну часть войны, чтобы потерпеть поражение в другой.

В разговор вступил Великий Механик:

— Возможно, синьор Кардано захочет изучить мои планы, в которых учтены ваши интересы, синьор Таддеи. Я уверен, он сочтет их разумными. Я не имею желания разворачивать кровавую кампанию и терять то, что мне дорого, так же как и вы не хотите жертвовать собой ради других. Помня об этом, я изобрел способ, при котором действия нескольких человек будут восприниматься как действия множества, смятение и панику в сердцах и умах врагов будут сеять механизмы, тогда как атакующие подвергнутся минимальному риску. Я посвятил жизнь изучению опыта тех людей, которые считаются талантливыми изобретателями военных машин, и уже давно понял, что эти машины ничем не отличаются от обычных механизмов, использующихся на мануфактурах и в других местах. Поэтому мои машины могут быть приведены в готовность с минимумом затрат и максимально быстро, и если после всего вы сочтете, что они пригодны для ваших нужд, вы сможете забрать их.

Это была долгая речь, и она дорого стоила старику. Он обмяк на стуле, и принимать восторженную благодарность Таддеи пришлось Якопо.

Кардано с готовностью склонился над листом с планом и почти сразу накинулся на старика с вопросами, на которые тот отвечал лишь улыбкой или покачиванием головы. Таддеи приказал принести вина, положил руку на плечо Паскуале, по-дружески, но без особенного пыла, и отвел его в сторонку.

— Ты должен объяснить мне, к чему такая спешка. Я привык, что если дело стоит того, чтобы его делали, его необходимо делать как следует, даже если на это уйдет время. А ты нетерпелив, как мой астролог, и молод, эти два качества часто встречаются вместе.

— Я хочу спасти моего друга Никколо Макиавелли. Если он еще жив, он в лапах Джустиниани. Он был на пароме, когда люди Джустиниани атаковали савонаролистов, но он был ранен и не смог бежать. Чем дольше мы будем собираться, тем меньше надежды на то, что он выживет. А как только испанцы получат это изобретение, у Джустиниани отпадет нужда в Никколо и в теле

Рафаэля.

— Но он же сможет получить за них деньги.

— Скорее всего он уедет вместе с испанцами, если намечается война. Кроме того, синьор, возможно, вы заплатите за мертвое тело, но захотите ли вы заплатить за живого журналиста?

— А ты циничен, — заметил Таддеи не без восхищения.

— Мне приходится быть циничным.

— Тогда позволь проявить циничность и мне. Мне кажется, ты должен сыграть главную роль в грядущем предприятии.

— Синьор, я же художник, а не солдат. Если бы в моих силах было сделать…

Таддеи неумолимо продолжал:

— Ты отправишься на виллу перед нашим наступлением. Если окажется возможным, доставишь в безопасное место тело Рафаэля, своего друга и этого Салаи. А уже потом попробуешь вызволить изобретение. Именно в таком порядке. Я был добрым другом Рафаэля, для меня дело чести проследить, чтобы ему устроили достойные похороны. Надеюсь, тебе все ясно.

— Но как я все это сделаю, если стану пленником Джустиниани?

— Ты способный молодой человек. Если твои способности заключаются не только в умении красиво говорить, ты найдешь способ.

— Вы не доверяете мне, синьор, ведь так?

Таддеи отмахнулся от этого утверждения:

— Доверие здесь ни при чем.

— Я же могу пойти туда и сразу же рассказать им о готовящемся нападении.

— Тогда мне не стоило бы тебе доверять, а? А я доверяю достаточно, раз уж считаю, что ты не сделаешь этого. А что, если сделаешь? Мы все равно атакуем, а начни Джустиниани атаковать первым, мы будем сражаться еще отчаяннее. И пленных мы брать не будем, надеюсь, ты меня понимаешь?

— Прекрасно понимаю, — сказал Паскуале, чувствуя, как по спине проходит дрожь. — Я попрошу об одной услуге. Если я уцелею, мне придется покинуть город. Оставаться, зная то, что я знаю, слишком опасно.

— Да, пожалуй, ты прав, — признал Таддеи. — И куда ты отправишься?

Паскуале сказал, и Таддеи засмеялся:

— Ты меня восхищаешь! Этой ночью отходит корабль. Если успеешь, там найдется для тебя место.

— Два места, — сказал Паскуале. Он подумал о Пелашиль.

— Ты запросил высокую цену.

— Но на кону моя жизнь. Скажите мне, синьор, как по-вашему, этот план сработает?

— Если это возможно, да будет так.

— Для Великого Механика возможно все.

— Так говорят. — Таддеи обернулся и спросил: — Кардано, язви твою душу, это сработает?

Черный астролог подошел. Он ущипнул себя за впалую щеку и приглушенно произнес:

— Я не вполне знаком с применением некоторых механизмов…

— А это будет дорого стоить?

— Слуга Великого Механика говорит, большую часть машин можно принести из мастерской Большой Башни… Нет, не думаю. Но риск, если хотя бы одна часть плана не удастся…

— Поговори с секретарем, выдайте мне точную цифру. А что касается вопроса, удастся или нет, мы должны довериться нашему гению. — Таддеи обернулся к Великому Механику, но старик спал, очки с синими стеклами косо сидели у него на носу, незаконченный рисунок с портретом Салаи, юного и идеализированного, выпал у него из рук.

10

Перед заходом солнца прошел небольшой дождь, как раз чтобы прибить пыль и немного смочить землю. Ночь была холодная и ясная, и Паскуале дрожал, лежа в высокой сырой траве и глядя через прорезанную колеями дорогу на ворота виллы Джустиниани. Если и дальше пойдет так же, ночью ударит мороз, первый за год. На виноградниках под Фьезоле крестьяне жгут в это время в жаровнях хворост, чтобы уберечь от холода последние гроздья.

Паскуале затянулся сигаретой, прикрывая ее ладонью, чтобы не было видно огонька. Просто немного табака и семена марихуаны в грубой бумажной завертке. Дым показался горячим его пересохшему рту. Когда окурок обжег ему пальцы, он выбросил его в заросли травы. Может, его последняя сигарета; чтобы прогнать эту грустную мысль, он заставил себя улыбнуться.

Стена вокруг садов виллы Джустиниани поблескивала в свете ущербной луны. Когда Паскуале впервые был здесь с Никколо Макиавелли, луна, всходившая над долиной, была красного цвета. Теперь же она была холодного сине-белого оттенка, поскольку мануфактуры вдоль Арно закрылись и перестали дымить. Вдвойне плохое знамение, эта ясная луна. Людям синьора Таддеи под командованием Джироламо Кардано приходилось из-за нее нелегко, когда они пробирались через оливковую рощу, представлявшую собой контраст лунного света и тьмы, где каждая тень могла оказаться слугой или солдатом Джустиниани. Два человека шли впереди, проверяя, свободен ли путь, за ними следовали все остальные, сгибаясь под тяжестью тюков. Несмотря на следопытов, Паскуале вздрагивал от каждой трепещущей тени, от каждого шороха мыши. Он не был храбрецом и не был настолько глуп, чтобы не бояться. Пелашиль назвала его дураком, и теперь он верил в это, хотя тогда протестовал.

Он пошел к ней вечером, пока Кардано, вооружившись бумагой, добытой благодаря связям Таддеи, ходил в мастерские Нового Университета забрать агрегат, о наличии у них которого сторожа не подозревали. Паскуале дал слово чести купцу, что вернется, но Таддеи подкрепил его обещание, отправив его не под стражей, но под тайным присмотром.

Паскуале вошел в кабак под приветственные возгласы и свист приятелей: один сказал, что Паскуале похож на привидение; другой, что привидения не бывают такими оборванцами; третий, что он наконец-то прославился, потому что магистрат

разыскивает его. У четвертого между колен была зажата viola da gamba;[24] проворно водя смычком, он принялся извлекать, из ее деревянного, женственно очерченного корпуса жалостливую мелодию. Его товарищи колотили в такт ладонями по коленям (этот могучий аккомпанемент был позаимствован из песнопений дикарей Нового Света и являлся последним музыкальным веянием, подобные энергичные, напористые ритмы вытесняли традиционные напевы), а музыкант пропел первую строчку популярной любовной песни, переделывая слова, чтобы зарифмовать имя Паскуале. Все захохотали и сбились с ритма, разразившись аплодисментами.

Паскуале сразу ощутил, что вернулся домой, но он изменился, а дом остался прежним. Он внезапно обнаружил, что не имеет ничего общего с этими щеголеватыми юнцами, чьи волосы уложены замысловатыми локонами или прилизаны до лакированного блеска гуммиарабиком, чьи чистые наряды старательно подобраны в оттенках розового, желтого и васильково-синего цветов, а руки надушены свежей розовой и лавандовой водой, с этими их лениво растянутыми словами и всепонимающими улыбочками, с их мелкими интрижками и ложным пристрастием к хорошим лошадям (которых они не могли себе позволить) и красивым женщинам (которых они тоже не могли себе позволить). Коричневые чулки и камзол, черная куртка, которую Паскуале дали в доме Таддеи, были просто практичными, их покрой вышел из моды лет десять назад. У него не было времени как следует вымыть голову, не говоря уже о том, чтобы уложить кудри ниспадающими локонами, вместо этого он собрал их в сетку для волос, как солдат. Он ощущал себя внезапно выросшим из мальчишеского возраста. Они уговаривали его посидеть с ними, рассказать, чем занимался, рассказать, что ему известно об убийстве Рафаэля, выпить с ними.

— А что там насчет магистрата? — спросил Паскуале.

— Ты был плохим мальчиком, — ответил музыкант, отставляя в сторону инструмент со смычком. — Неужели кто-то выдвинул против тебя обвинение в tamburi?[25]

— Может, приударил за чьей-то дочкой, Паскуалино? — спросил второй приятель, а третий подхватил:

— Скорее, за чьим-нибудь сынком.

Паскуале вспомнил монаха и пожал плечами, он спросил о Пелашиль, и приятели снова захохотали. Купец, сидевший у догорающего огня, обернулся на шум, нахмурившись. Паскуале встретился с ним взглядом и быстро отвернулся.

— Где Россо? — спросил кто-то. — Ну же, Паскуале, присядь с нами и расскажи обо всех своих злодеяниях!

Паскуале залился краской. Он не мог сказать товарищам, что его учитель мертв — сам свел счеты с жизнью. Вместо этого он заявил, что должен повидать Пелашиль, разбудил хозяина-швейцарца, дремавшего в углу, его громадная псина лежала у него на босых ногах. Хозяин ругнулся спросонья и сказал, что Пелашиль в задней комнате моет посуду.

— Осторожнее, — добавил он, — и береги голову, когда войдешь.

Паскуале вскоре выяснил, что имел в виду швейцарец. Пелашиль полоскала в лохани тарелки. Селедка жарилась на решетке над углями, в воздухе плавал дым. Когда Паскуале заговорил с ней, она развернулась к нему спиной, он упорно продолжал, и она плеснула на него грязной водой. Он отскочил назад, обиженный. Сказал, что всего лишь хотел попрощаться, потому что едва ли вернется.

— Попрощался. Можешь идти. Уходи! — Она сердилась, терла глаза мокрыми красными руками, отвернувшись к нему спиной и сбрасывая его руку, когда он пытался развернуть ее к себе.

Он попробовал обратить все в шутку:

— Что ж, я-то думал, я тебе небезразличен, а оказывается, все наоборот.

— Вы мужчины. Такие храбрые. Такие самоотверженные. Так вы думаете, играя в ваши дурацкие игры. Иди, пусть тебя убьют, и не жди, что я стану горевать. Будь героем, радуйся своей могиле. Надо полагать, твои дружки поставят тебе хорошенький памятник.

— От этого разговора о могилах мне не по себе. Я просто пришел просить тебя о двух вещах. Позаботься об обезьяне, так, на всякий случай. Понимаешь…

— От нее не больше беспокойства, чем от старика, и она лучшая компания, чем ты.

— Чище? Теплее? Ладно, я не стану обижаться, если ты пустишь в свою постель это чудовище.

Она улыбнулась, на мгновение белая молния сверкнула на коричневом лице.

— А ты думаешь, ты такой уж распрекрасный.

— А разве нет?

— Я говорила тебе, каким ты можешь стать. Ты дурак.

— Пелашиль, я сомневаюсь, что хочу стать магом. Несколько дней назад я всего лишь хотел найти способ написать ангела так, как его не писал никто.

— Я показала тебе способ.

— Но сейчас я не понимаю, что я видел.

Многоцветная птица, которая была Пелашилью и не была ею. Мгновения, словно бусины, нанизанные на нить, яркие и неподвижные, словно звезды. Существо, которое он увидел в складках висящей ткани.

— Ты не сможешь понимать хикури, пока не станешь мара'акаме. До тех пор все твои сны будут просто… как игрушки.

— Развлечение?

— Да. — Пелашиль была непреклонна.

— Но этот путь кажется слишком длинным.

— Слушай. Когда ты первый раз пробуешь хикури, ты смотришь в огонь и видишь игру красок, множество стрел с цветным оперением.

— Да, — согласился Паскуале, припоминая.

— А когда мара'акаме смотрит в огонь, что видит он? Он видит бога огня Татевари. И он видит солнце. Он слышит молитвы во славу огня, в котором обитает Татевари, и эти молитвы звучат музыкой. Все это требуется понять, это необходимо, чтобы увидеть, что же Татевари отдает нам из своего сердца. Вот что ты отвергаешь. Существуют два мира, мир вещей и мир имен вещей, где обитают их сущности. Мара'акаме стоит между ними. За исключением моего хозяина, ты единственный в этом большом ужасном городе начал понимать, и ты отказываешься от этого понимания ради какого-то глупого приключения.

— Но это вовсе не глупое приключение. Правда. — Паскуале попытался объяснить, куда он идет, рассказать о вилле, об изобретении Великого Механика. — Если он может спасти всю Флоренцию, то уж спасет и меня.

Он все еще делал ошибку, говоря об этом в шутливом тоне.

— Я скажу своему хозяину, что будет война. Может быть, мы уедем, так что не надейся увидеть меня, когда вернешься, — заявила Пелашиль.

Паскуале пытался сказать об обещании синьора Таддеи, что, когда все будет позади, он отправится в путешествие и она сможет поехать с ним, но она не стала слушать, отвернулась, когда он попытался утешить ее, принялась громыхать мисками в лохани, когда он снова попробовал заговорить, и не отвечала на его мольбы.

Так что в итоге ничего не решилось. Он вышел через заднюю дверь в переулок, чтобы не идти через таверну и не встречаться с приятелями. Ему казалось, будто ему снова лет восемь.

Теперь, в темноте, в высокой траве у дороги, Паскуале проверил, который час на механическом хронометре, закрепленном у него на запястье. Прибор был толщиной в три

дуката, положенных друг на друга, с единственным клинышком, который обходил циферблат, разделенный на четверти часа. Пальцами Паскуале нащупал, что клин не дошел более пятнадцати минут до часа, когда по плану он должен подойти к воротам и сдаться стражникам. У Кардано был точно такой же хронометр, в конце следующего часа он начнет наступление, вне зависимости от того, все ли получилось у Паскуале.

Идущие одинаково хронометры были самым меньшим из чудес, доставленных из мастерской Великого Механика. И они были не единственными его дарами. Когда Паскуале вернулся из таверны в Палаццо Таддеи, поджав хвост, оказалось, что старик уже не спит, а зачерпывает из миски густо сдобренные маслом бобы, приправленные розмарином. Он заполнил множество листов чертежами, пытаясь, как, пожав плечами, пояснил Якопо, найти способ вписать в круг квадрат, чтобы каждый из них занимал одинаковую площадь.

— В математике истина, — негромко заметил Великий Механик. — Только в математике. — И прибавил: — Увы, я трачу слишком много своего времени на решение подобных задач.

Паскуале уже начал привыкать к скачкам настроения старика, когда он выдвигал какую-нибудь идею, чтобы тут же опровергнуть ее. Он заметил:

— Грек, Пифагор, был уверен, что в числах заключена чистая истина. Будто бы они пыль с одежд Бога.

— Многие до сих пор в это верят. Я все время получаю письма со сложными вычислениями, которые призваны доказать, насколько стара Вселенная, насколько велика или что все основные законы можно свести к единой простой формуле. Верно, Якопо?

— Мне ли не знать, учитель! Вы же заставляете меня читать их вслух, и до чего же они скучны. Как Пифагор и его последователи и как алхимики типа Джустиниани, эти глупцы, что их пишут, убеждены, будто бы Вселенная — великая загадка, которую можно разрешить, подобрав верный ключ. Мало того, они не сомневаются, что этот гипотетический ключ дарует безграничные возможности и знания тому, кто им обладает. Они обещают вам, учитель, что вы будете владеть половиной Царства Небесного, если поможете им разгадать загадку.

— Однако, — сказал Великий Механик, — я помню, что этот Пифагор и его ученики, которые считали числа истинной сутью вещей, были сражены простым наблюдением, что отношение диагонали обычного квадрата к его стороне не является отношением двух чисел или обыкновенной дробью. Этот факт оказался столь важным, что один ученик, Хиррасус, был утоплен

за его обнаружение. Я всегда сочувствовал ему. Я боюсь иррациональной толпы, которая однажды может уничтожить все достижения человечества.

Паскуале спросил разрешения и поднял один лист.

— Эти абстрактные чертежи почти красивы.

— О, я часто использовал подобные схемы, набросанные машинально, для украшения зданий, и особенно для витражей.

— Мне жаль, что я разбил ваше окно. Оно мне понравилось.

Великий Механик подался на стуле, его глаза внезапно восторженно загорелись.

— А как ты влетел! Это было самое чудесное зрелище, которое я наблюдал за последние годы. Я так долго просидел в башне, вдали от мира… Но мир нелепое место, в нем нет порядка. А мне нужен порядок, чтобы думать, нужен все больше. Самое странное в этих математических образах не то, что они порождают, как нам кажется, красоту, а то, что никто не может предсказать, какая геометрия ее породит. Уравнения для вычисления красоты не существует: она выплывает случайно, как обрывок песни вырывается из общего шума толпы, чтобы затем снова оказаться заглушённым им. Евклид считал, что геометрия является солидным основанием для верного истолкования мира, но даже в евклидовых толкованиях полно неразрешенных загадок. Я много раз сражался то с одной, то с другой загадкой… не исключено, что просто впустую тратил время. Возможно, в геометрии заключен некий иррационализм, который не вытекает из начертанных на песке аксиом. Но если опровергнуть несомненные факты геометрии, тогда придется отказаться и от архитектуры, и от искусств, от навигации и от ориентирования по звездам.

У Паскуале от волнения шла кругом голова: если все в мире непостоянно, тогда каждый волен сам выбирать себе судьбу. Ничто не закреплено относительно других вещей, все в мире свободно, верно только собственной сути. Ангелы и люди. Мир вещей и мир чувств. Он сказал:

— Но ведь Христофор Колумб открыл Новый Свет.

Якопо пожал плечами:

— Собираясь открыть что-то другое.

— Но остальные последовали по проложенному им пути. Пьеро ди Козимо, например.

Великий Механик согнул палец, и Якопо откашлялся и произнес официальным тоном:

— Мой учитель напоминает, чтобы я сказал тебе: этому Таддеи нельзя доверять. Не рассчитывай на его поддержку, Паскуале.

— Я кое о чем хотел просить тебя, Якопо. Когда я уйду, не мог бы ты навестить некий почтенный дом. Я туда никак не смогу попасть, но ты доверенное лицо самого Великого Механика, я уверен, тебя хорошо знают в этих кругах, — сказал Паскуале.

Якопо надулся от гордости. Он спросил:

— Кого именно?

Паскуале ответил и передал ему записку и по заинтригованному взгляду Якопо понял, что тот все сделает.

Великий Механик произнес с тоской:

— Если бы я был помоложе, я бы поплыл с тобой.

— Не говорите глупостей, — возразил Якопо. — Когда вы были моложе, вам ни за что не позволили бы отправиться в столь опасное путешествие, ведь вы представляете слишком большую ценность для города.

Разговор постепенно перешел на живопись. На ангела Паскуале.

Великий Механик слушал, а Паскуале объяснял, как он поставил перед собой задачу написать нечто новое, ангела, какого никто не видел прежде, но потом повисла пауза. Паскуале решил, что старик заснул, но внезапно тот заговорил:

— Знаешь, он не должен казаться суровым или горестным. Подобные чувства может испытывать человек, но не приближенное к Богу существо. Ангел должен быть вдохновенным, ведь он выполняет поручение Господа, но, кроме того, он прозревает будущее. Твой ангел должен знать, что Грехопадение освободит человека, поскольку до него человек был созвучен воле Божьей, а после падения он вынужден бороться, дабы обрести возможность слышать загадочную и величественную музыку, которой подчиняются сферы мироздания. Поскольку, падая, человек обрел возможность подняться выше ангелов.

— Как это, выше? Вы же не хотите сказать…

Великий Механик улыбнулся и приложил палец к губам. Они казались лепестками алой розы в белой шелковой бороде. Паскуале подозревал, что он красит их. Ноготь у старика был длинный, но тщательно вычищенный и покрытый каким-то веществом, придававшим ему перламутровый блеск.

— Не упоминай об этом. Здесь даже думать о подобном небезопасно.

Якопо пояснил:

— Синьор Таддеи близкий друг Ватикана.

А Великий Механик прибавил:

— Он скажет, что подобной гордыни преисполнился и Люцифер, и тогда он восстал и в тот же миг был повержен. Но Люцифер, Свет Несущий, был на Небесах, нам же некуда падать,

мы можем только подниматься. Твой ангел предвидит это, а значит, он исполнен радости.

— Кажется, это весьма сдержанная радость. Возможно, задача мне не по плечу.

— Сомнения в том, сможешь ли ты выполнить работу, являются первым шагом. Когда ты знаешь, чего ты не знаешь, ты начинаешь приобретать знания. Иначе, в блаженном неведении, ты не узнаешь ничего. Меня всегда занимал вопрос, мудры ли ангелы или хотя бы разумны, ведь если они идеальные исполнители Божественной воли, тогда у них нет необходимости знать что-либо, раз они действуют по наущению Того, Кто знает все.

Стражник снова прошел мимо ворот, в пятый раз с тех пор, как Паскуале затаился в траве. Огни виллы просто светились за стенами, поблескивая холодно и далеко, словно луна.

«Изучение света, — сказал днем Великий Механик Паскуале, — займет годы. Если удастся записывать свет и движение света, это перевернет представления о восприятии времени». Он предвидел способ, которым можно ускорить медленный химический процесс и при котором свет выделяет серебро из соли, так что изображение будет проявляться каждую секунду, запечатлевая движение людей и животных. Подобные последовательности картинок, мелькающие перед глазами, будут имитировать движение, следуя одна за другой, прямо как в жизни. Якопо добавил, не без гордости, что учитель уже демонстрировал подобную технику перед Папой, но это, как известно Паскуале, был простой обман зрения. Среди механизмов, которые они собирались применить против воинов Джустиниани, был один, производящий подобный обман.

«Надеюсь, нам не придется использовать его, — сказал Паскуале. — По замыслу Таддеи я же должен торговаться с Джустиниани». Он на секунду задумался и обратился к Великому Механику: «Ваши наброски, господин, натолкнули меня на мысль, как лучше выполнить задание. Если вы уделите мне несколько минут, возможно, у нас появится шанс выторговать жизнь моего друга и обеспечить мое успешное возвращение».

Послышался топот несущейся галопом лошади, скрип упряжи и громыхание колес. Вверх по дороге ехал экипаж, запряженный взмыленной угольно-черной лошадкой. Ворота с лязгом отворились, из них поспешно вышли два стражника. Лежа на своем месте, Паскуале находился всего в нескольких braccia от ближайшего, видел его бледное лицо, затененное остроносым стальным шлемом: коренастый человек с густыми усами над толстыми губами, глаза голубые, словно лунные горы.

Швейцарский или прусский солдат, каких нанимал для своих караванов Таддеи. Паскуале заметил, что солдаты обеих сторон опустили оружие и приветствовали друг друга по-братски.

Экипаж остановился. Ближайший к Паскуале стражник взял взмыленную лошадь под уздцы (она свесила голову и тяжело выдыхала воздух из ноздрей) и заговорил с кучером на гортанном прусском наречии. Возница засмеялся, стащил с головы широкополую шляпу, и рыжие кудри упали ему на лоб. В этот миг у Паскуале похолодело в груди. Кучером был слуга Джустиниани, тот человек, который вез ничего не подозревающего Джованни Франческо на смерть, который поднес Рафаэлю отравленный кубок, который охотился за Паскуале перед Палаццо делла Синьория, которого Паскуале видел за окном комнаты Никколо.

Стражник замахал, чтобы экипаж въезжал. Когда он медленно прогромыхал под аркой ворот, Паскуале поднялся и побрел по дороге.

Стражник инстинктивно поднял пистолет, затем успокоился, когда увидел, что Паскуале один. Его товарищ заговорил на ломаном тосканском:

— Никаких визитов. Ступай себе стороной.

— У меня дело к синьору Джустиниани, — сообщил Паскуале.

Он хотел вытащить из-за пазухи бумаги, но первый стражник снова поднял пистолет. Второй подошел, отвел в стороны руки Паскуале и забрал пачку бумаг.

— Для синьора Джустиниани, — повторил Паскуале.

— Мы передадим. Ты уходи.

Паскуале не предполагал, что его отправят восвояси, но с чего бы стражникам знать, кто он? Он сказал:

— Мне должны заплатить, — и схватил бумаги.

Стражник вырвал их у него. Паскуале упал в мягкую грязь колеи и в первый раз за вечер ощутил злость, неистовую и жаркую. Он вскочил и попытался схватить бумаги, которыми стражник размахивал высоко над головой, куда Паскуале было не дотянуться. Оба стражника расхохотались этой грубой прусской шутке. Посмотрим, как он попрыгает, послушаем, как он поплачет. Как здорово быть крепким тупоголовым пруссаком!

— Вам достанется, — выдохнул Паскуале, позабыв страхи, — когда синьор Джустиниани узнает об этом.

Экипаж остановился на белой гравиевой дорожке за воротами. Возница спрыгнул на землю и пошел обратно. Он тут же узнал Паскуале и расплылся в широкой ухмылке:

— Все в сборе. И как раз вовремя. Завтра нас бы уже не было здесь.

— Значит, ты привез испанского лазутчика.

Рыжеволосый приложил палец к своему длинному носу и подмигнул:

— Он в экипаже. Восхищаюсь твоей силой духа.

Паскуале забрал бумаги у стражника и выставил перед собой как щит.

— Твой хозяин обрадуется этому. Салаи рассказал ему не все.

Рыжий пожал плечами:

— Меня можешь не уговаривать. Добро пожаловать на борт, я доставлю тебя прямо к хозяину. — Он обернулся к стражникам. — Запирайте ворота. Сегодня больше не будет посетителей.

11

Как и в прошлый раз, во всех окнах виллы горел свет. Во всех комнатах стеклянные люстры были утыканы горящими конусами свечей, словно заросли пылающих кустов подвесили под высокими оштукатуренными сводами потолков, где на фризах резвились не ведающие срама херувимы и путти. Когда Паскуале вошел в дом через двойные широко распахнутые двери, следуя за рыжим слугой и испанским лазутчиком, он услышал доносящийся откуда-то женский смех. Эхо этого смеха отдавалось в прихожей, где под бледно-голубым потолком застыли белые мраморные статуи. Смех звучал, готовый перейти в истерику, а затем резко оборвался, будто за ним захлопнули дверь.

Паскуале даже затаил дыхание. Он поглядел на рыжеволосого слугу, который просто улыбнулся и сказал:

— Сюда, прошу вас, синьоры.

Большинство комнат, через которые слуга повел Паскуале и испанца, молчаливого человека с прямой спиной, в простых черно-красных чулках и камзоле и кожаной тунике, перехваченной ремнем с большой серебряной пряжкой, были пусты, а в остальных попадались только отдельные предметы мебели. В одной комнате солдаты играли в дротики перед массивным камином, они так увлеклись игрой, что даже не взглянули на проходящих. Еще в одной комнате было сосредоточено настоящее книжное состояние, более сотни томов.

Дверь в дальнем конце этой комнаты была закрыта. И на двери было совершенно неуместное подобие молотка в виде маски Трагедии. Рыжий слуга прикоснулся к губам маски, легко и почтительно, прежде чем открыть дверь и ввести посетителей.

Паскуале замер, охваченный страхом. Похоже, этим страхам не будет конца.

Это оказалась та самая комната, где был убит Джованни Франческо. Тот же самый зев камина, в котором с яростным треском горели дрова, тот же похожий на трон стул, темное дерево было покрыто затейливым резным узором, оттененным кое-где золотом. А на стуле, как и в прошлый раз, сидел венецианский маг Паоло Джустиниани.

На нем была черная квадратная шапочка, черный балахон, вышитый шелковыми нитками, с разрезами до талии по бокам, из-под него торчали голые мускулистые ноги. На ногах были черные тапочки с загнутыми носами. Он обернулся к двоим уже присутствующим в комнате людям, так что Паскуале видел только его худощавый орлиный профиль, и сказал:

— Как вы видите, все прошло успешно. Теперь все мы готовы.

Одним из присутствующих был Салаи, который просто передернул плечами. Вторым — сидящий на стуле, собранный и прямой, с руками, закованными в кандалы и сложенными на коленях, Никколо Макиавелли. Он повернулся со своей спокойной ироничной улыбкой к Паскуале, и Паскуале улыбнулся в ответ, надежда встрепенулась в его сердце.

— Снова встретились в недобрый час, — кивнул Никколо, — хотя, надеюсь, ты найдешь все это интересным, Паскуале.

— И не надейся, — сказал Паскуале чародей. В его тосканском наречии слышался венецианский акцент, он несколько пришепетывал. — Надеяться здесь не на что, особенно тебе.

Рыжий слуга закрыл дверь и с беззаботным видом привалился к ней, совершенно беззлобно улыбаясь Паскуале.

Испанский шпион запротестовал звучным протяжным голосом, что он явился сюда по серьезному делу, делу, за которое было заплачено.

— О, отдайте ему, что он хочет, и покончим с этим, — сказал Салаи. Он зажал сигарету мясистыми губами и наклонился, чтобы прикурить, затем нетерпеливым жестом выпустил облачко дыма. На нем до сих пор была алая бархатная накидка, сбоку болтался узкий меч. Он прибавил: — Все это нагоняет на меня скуку.

— Я здесь не для того, чтобы вас развлекать. — Лазутчик выглядел оскорбленным.

Салаи насмешливо поклонился:

— Ах, простите, синьор. А я-то по вашему платью решил, что вы прибыли сюда на маскарад.

— Замолчите! — велел Джустиниани. Он прижал ладонь к ладони, левую поверх правой. Когда он разъединил их, на правой руке оказалась летающая лодка. — Она ваша, синьор, — сказал он лазутчику.

Рыжеволосый вышел вперед и размашистым жестом передал игрушку испанцу.

Джустиниани сказал:

— А теперь послушаем, что скажет нам художник.

У него была привычка в разговоре поднимать руку, требуя внимания. Паскуале показалось, что это странно: если бы он действительно обладал авторитетом, то ему бы внимали без всяких трюков.

— Вы же наверняка знаете, что он скажет, — заметил Салаи, — если притащили его сюда. Или будем играть в шарады?

— Здесь все честно, сами увидите, — уверил всех чародей. Он сложил руки перед грудью в издевательском умоляющем жесте и

обратился к Паскуале: — Выкладывай, парень. Ты принес мне подарок. Покажи всем, что это такое.

Паскуале достал измятый лист бумаги:

— Вот, магистр. Это за жизнь Никколо Макиавелли. А остальное, когда мы уйдем отсюда с телом Рафаэля.

— Да, написано здесь действительно немало.

— Салаи не сказал вам правды. Когда он остался без пластин, он остался и без важных сведений. Одной модели мало. Еще необходимы эти вычисления, я принес только половину. Остальное, как я сказал, когда нас, вместе с телом, отпустят.

Чародей взял бумагу, взглянул на нее и передал Салаи:

— Это почерк вашего учителя?

— Его, — подтвердил Салаи.

Маг забрал у него бумагу и передал ее испанцу.

Салаи взорвался:

— Сколько писанины! Старик только и делает, что кропает, кропает, кропает. Один увесистый том за другим. Это может оказаться чем угодно, вообще чем угодно.

— Посмотрите внизу страницы, — упрямо сказал Паскуале. — Но потребуется зеркало, чтобы можно было прочесть.

Рыжеволосый слуга принес зеркало и передал его испанцу, который с его помощью прочитал неразборчивую фразу. Там, сочиненное Паскуале и Якопо и старательно продиктованное старику, было написано следующее: «Это запись верных расчетов, благодаря которым человек может летать с помощью вертикального винта, который поднимет его в воздух. Я, Леонардо, подтверждаю это».

Испанец прочитал фразу. Салаи выдохнул облако дыма и запротестовал:

— Надувательство! Любой обученный механик сможет построить машину на основе этой модели. Больше ничего не требуется, больше не за что платить. И нечего торговаться с этим… этой тварью.

— Тихо! — велел чародей. Его голос разнесся по комнате, и Паскуале почувствовал, как его сердце замерло на миг, словно подчиняясь приказу.

Никколо произнес с изумлением:

— Интересная задача! — Его глаза блестели, он наклонился вперед на стуле, подвижный и любопытный, словно птица. Цепь, соединяющая железные кандалы на запястьях, свернулась кольцом у него на коленях.

— Я принес все, о чем договаривались, — сказал Салаи. — О бумагах речи не шло. Кроме того, они могут и не принадлежать старику.

— Вы же подтвердили, что это его почерк, — напомнил испанец.

— Значит, я ошибся.

— Вы отказываетесь от своих слов? — спросил лазутчик. — И вы хотите, чтобы вам верили!

— Бумага написана математиком. Во Флоренции используют римскую систему записи в бухгалтерских книгах, — принялся объяснять испанцу чародей, — поскольку их нельзя фальсифицировать, приписав сзади лишние цифры. Вот как они доверяют друг другу во Флоренции! Но математики пользуются более рациональной, индийской системой, которая предоставляет больше свободы. Как здесь.

Испанец обратился к Салаи:

— Вы же ничего не сообщили о необходимости каких-либо бумаг, синьор. Вот в чем суть.

— Точно, — подхватил Никколо Макиавелли. — Вы ухватили самое главное. Вам придется поверить либо Великому Механику, либо мнению его любовника.

Салаи хотел ударить Никколо, но рыжий слуга шагнул вперед и перехватил его руку. Салаи некоторое время сопротивлялся, прежде чем ему удалось вырваться и отойти.

— Отпустите их. Зачем нам эти двое? — предложил испанец.

— Но, — возразил чародей, — мне совершенно необходимо тело в качестве алтаря, и не случайно здесь собралось именно столько людей.

С него тек пот, воздух в комнате был спертый, даже вроде бы накаленный от предвещающих нечто скверное недосказанных слов.

Перед мысленным взором Паскуале возникла картина, спасенная им из огня, и его пробила дрожь.

— Тело возвращать нельзя. Это тоже входило в соглашение, — вновь напомнил испанец.

— И оно останется у меня, — заверил маг. — Как только обряд завершится, синьор, оно будет уничтожено. Если, конечно, его не заберет с собой тот, кого я собираюсь призвать. И на этот раз он явится. Время подходящее. Я чувствую.

Салаи принялся хохотать, но почти тут же замолк. Все в комнате смотрели на мага, на лице которого отразилось какое-то болезненное рвение.

Ощущая, будто пробирается сквозь толщу воздуха, — нечто подобное может ощущать ангел, ведь ангел никогда не касается земли под ногами, Паскуале сказал:

— Все или ничего. Отпустите нас без тела, и не получите оставшихся расчетов.

— Сомневаюсь, — ухмыльнулся чародей. — В конце концов, зачем нам отпускать вас теперь, когда предстоит важное дело?

Паскуале незаметно нащупал механизм у себя на запястье и с удивлением обнаружил, что прошло меньше получаса с тех пор, как он говорил со стражниками. Он все сделал раньше, чем планировалось, и до наступления оставался почти час. Он пытался заставить себя расслабиться. У него полно времени, чтобы поторговаться с магом. Если он вытащит хотя бы Никколо, это уже будет победой. Рафаэль все равно мертв. Ничего ужасного с ним не произойдет, потому что самое ужасное с ним уже случилось. Даже служить алтарем для черной мессы не так плохо, как быть покойником.

Испанский лазутчик обратился к Салаи:

— Если потребуются дополнительные расчеты, будьте уверены, вам не заплатят, синьор. Мы договаривались: либо все, либо ничего.

Салаи заговорил с жаром:

— Все получится! Я же сказал, модель — все, что вам требуется, не больше и не меньше. Этот юный болван блефует, вот и все. Да, он смелый. Я признаю. Возможно, им движут благородные чувства. Но в чем бы ни состояла причина, он просто пудрит вам мозги. Прикончите его, и дело с концом. Заберите у него бумаги, если хотите. Мне-то что? В них нет никакого проку, даю вам слово. А если он есть, тогда я обещаю лично достать остальное, даже если для этого мне придется убить старика. Клянусь!

— Что касается убийства, это уже совсем другое дело, — ответил испанский шпион. — Я не уполномочен договариваться с вами по этому вопросу.

— Если бы я хотел смерти Великого Механика, я наслал бы на него невидимого духа, чтобы тот зачернил воздух в его комнате, когда он спит, и удушил его, — добавил маг.

На лице испанца отразилось отвращение.

— Я не стану слушать о подобных вещах.

— Вы станете не только слушать! — злорадно заметил Салаи.

Испанец сказал, преисполненный достоинства:

— Все, что мне известно, синьор, это то, что вы обещали много, но оказалось, вы не в силах доставить все, что обещали.

— Это как с ангелом и дьяволом и двумя дверьми. Вы знаете эту историю? — спросил шпиона Никколо.

— Мы все знаем. Тише! — шикнул чародей.

— А я не знаю. Если она имеет отношение к моему делу, я хочу послушать, — ответил испанский лазутчик.

Салаи всплеснул руками и отвернулся.

Никколо с улыбкой заговорил:

— Представьте, что вы находитесь в комнате, в которой имеются две двери, одна ведет к смерти, а вторая к свободе, и никак нельзя определить, где какая. А в комнате с вами находятся дьявол и ангел, и вы можете задать одному из них один-единственный вопрос. Дьявол, разумеется, всегда лжет, тогда как ангел говорит только правду. Ну и конечно, оба они невидимы, так что вы не знаете, кто из них отвечает. Итак, какой вопрос необходимо задать, чтобы точно знать, за какой дверью свобода?

— Хватит загадок. Дело простое. Вы, — обратился чародей к испанцу, — заберете с собой синьора Макиавелли, а также бумаги, которые этот юный художник столь любезно принес сюда. Если они действительно ценны, тогда я, без дополнительного вознаграждения, доставлю в качестве курьера остальные в обмен на синьора Макиавелли. Если нет, вы сможете распорядиться им по своему усмотрению. В любом случае вы заплатите нам, как мы договаривались, и никто не уйдет отсюда, кроме тех, кого я изберу.

— Это же ничего не меняет! Вы должны освободить моего друга Никколо Макиавелли и отдать тело Рафаэля! — потребовал Паскуале.

— Но изменились обстоятельства, — пояснил ему чародей. Он не улыбался, но чувствовалось, что ситуация забавляет его. Он соединил кончики длинных пальцев и рассматривал ногти. — Теперь вы здесь, и вы вернетесь по своей воле. Принесете оставшиеся бумаги, и ваш друг свободен. Если нет…

Испанец сказал:

— Если вы одолжите мне двоих воинов, синьор Джустиниани, все будет выполнено, как вы сказали. Это в моих силах. Хотя, я уверен, адмирал Кортес не придет в восторг от задержки.

— Я ценю вашу дальновидность, синьор.

— Именно благодаря дальновидности мы завоюем мир. Тот, у кого в руках ключ к будущему, обладает достаточной властью, чтобы потребовать у истории выкуп, — ответил испанец.

Никколо бодро заметил:

— Я бы сказал, тот, у кого этот ключ, скоро обнаружит себя осажденным теми, кто хочет его заполучить.

Чародей велел Никколо молчать.

— Что до власти, — обратился он к испанцу, — вы скоро увидите, насколько преходяща власть мирская. Я собрал вас всех в день Сатурна, чтобы вы помогали мне. Для начала вам необходима одежда.

Испанский лазутчик сорвался с места:

— Я не собираюсь участвовать во всякой дьявольщине!

Рыжеволосый слуга поймал его, обхватил рукой за горло и поднес нож к глазу, когда испанец начал вырываться. Маг приблизил свечу к лицу шпиона и принялся медленно водить ею из стороны в сторону, произнося что-то низким монотонным голосом. Когда слуга отпустил испанца, Паскуале увидел, что в его широко раскрытых глазах стоят слезы и он дрожит, словно осиновый лист в бурю.

— У кого-нибудь еще имеются возражения? — поинтересовался маг. Он перевел неподвижный взгляд на Паскуале, затем на Никколо.

— Не волнуйся, Паскуале, — сказал Никколо.

— Чего ему от нас надо?

— Полагаю, он вызовет духа, если ему удастся. Он хвастал, что этой ночью обретет огромную власть, теперь мне ясно, что он имел в виду не испанцев. Ты боишься?

— Не духа, — поправил чародей, — а ангела. Даже одного из семи архангелов.

Салаи захихикал:

— Вот он, мой возлюбленный сын, который дарует мне радость.

— Осторожнее, — негромко сказал чернокнижник. — Дело серьезное. Я знаю, вы интересуетесь ангелами, юноша. Скажите, вы хотели бы увидеть кого-нибудь из них?

Паскуале ответил, стараясь казаться спокойным:

— Не знаю, не окажется ли это просто игрой моего воображения.

— Но вы верите в существование ангелов?

На миг рот Паскуале наполнился горько-кислым вкусом сморщенного тугого кусочка хикури, который дала ему Пелашиль. Он сказал:

— Да. О да.

Чернокнижник улыбнулся:

— А если вы мечтаете запечатлеть ангела, разве вы откажетесь от возможности увидеть его? Какой еще художник сможет похвастаться подобным?

Паскуале, вспомнив разбитую доску, промолвил:

— Когда-то я только об этом и мечтал. Но обстоятельства изменились.

— И изменятся снова, — пообещал маг. — Вы будете повиноваться мне, и художник, и вы, синьор Макиавелли, иначе я подчиню и вас. И не надейтесь, что я не посмею!

Рыжий слуга освободил Никколо от его цепи и достал из шкафа белые льняные балахоны и раздал всем бумажные колпаки, такие обычно надевают каменщики, чтобы пыль и

штукатурка не сыпались на голову. Под его руководством Паскуале с Никколо оделись. Слуга одел испанского лазутчика, а затем снова защелкнул на запястьях Никколо кандалы. Паскуале подчинялся происходящему, сгорая от волнения. Казалось, он распадается на две части. Одна его половина мечтала увидеть ангела, а вторая знала, что все это темное, нехорошее дело и что сама его душа подвергается опасности. Одно дело воображать лицо ангела, совсем другое вот-вот получить возможность посмотреть в это лицо.

— Смелее, Паскуале, — подбодрил его Никколо.

Паскуале прошептал:

— А он правда может вызвать ангела?

— Он так считает. Но если люди, подобные ему, обладают силой, которой, как они утверждают, обладают, почему же они не правят миром?

— А откуда нам знать, не правят ли они?

— Ты хочешь сказать, тайно? — Никколо на мгновение задумался. — Ни один государь не может править тайно, и даже каббалисту с его возможностями иногда требуется открыто заявить о своей воле, чтобы ее кто-то исполнял. Нет, даже я не поверю в существование подобного тайного заговора.

— Приятно снова поговорить с вами, Никколо.

— К сожалению, ничем не могу утешить. Я опасаюсь за нас обоих, Паскуале.

— Не больше, чем я, — сказал Паскуале, вспомнив о механизмах, которыми будет командовать Кардано. Он не доверял Кардано.

Чародей надел перевязь с длинным широким мечом и снял свою черную шапочку. Оказалось, что у него выбрита монашеская тонзура.

— Начинаем, — возвестил он. — Все молчат, пока я не разрешу говорить, это относится и к вам, синьор Макиавелли, или вы не сойдете с этого места.

Он повел их в смежную комнату. По мраморному полу тянулись линии гигантского узора. Он был нарисован темперой. Пятиконечная звезда была вписана в круг, который находился в еще одном круге. Круги поменьше были нарисованы в пяти треугольниках лучей звезды, а в ее центре лежал квадрат алой материи в ярд длиной, в одном углу стояла обычная железная жаровня. В пространстве между двумя кругами виднелись аккуратно начертанные странные знаки, вроде бы какие-то алхимические вычисления. Паскуале узнал кое-где латинские буквы вперемешку с греческими и иудейскими, но здесь не было ни слов, ни имен, которые он знал бы, не считая

астрологического знака Сатурна на верхнем, или северном, луче пятиконечной звезды. На всех концах звезды горело по одной толстой свече белого воска, высотой в человеческий рост. Еще свечи стояли по углам некоего алтаря, размещенного в меньшем круге, на северо-востоке от главной пентаграммы. А на алтаре…

Паскуале ахнул. Он не смог сдержаться. На алтаре лежало обнаженное тело Рафаэля. Тело было обмыто и выбрито и покрыто желтыми и красными письменами, выполненными каким-то гримом. Руки были скрещены на безволосой груди, а пальцы с синими ногтями сжимали перевернутый крест. В паху стоял тигель.

Чародей посмотрел на Паскуале и с иронической улыбкой приложил палец к губам, затем взялся за висящий у него на шее кожаный мешочек и поцеловал его, пробормотав несколько слов. Это был неприятный момент.

От насыщенного ароматами свечей воздуха в закрытой наглухо комнате кружилась голова. Рыжеволосый слуга указал каждому его место: Паскуале с Никколо в круге, на восточном и западном концах звезды, Салаи и находящийся в трансе испанец на двух южных лучах. Слуга дал Паскуале флягу с бренди, а Никколо с камфарой и сказал, что, когда им прикажут, они должны будут плескать из фляг в жаровню.

Тем временем чернокнижник поднял алую ткань в центре пентаграммы, под которой оказался нарисованный той же темперой треугольник, обложенный плющом. Он набросил сложенную ткань себе на левое плечо и погрузил меч в уголь, насыпанный в жаровню. Уголь вспыхнул с приглушенным треском, и тут же повалил густой едкий дым.

Слуга занял место в круге вверху пентаграммы, и чародей провел кончиком меча по плиткам пола, замыкая линию узора.

— Никому не двигаться, — повторил он и отошел назад, к жаровне.

Комната медленно наполнялась дымом. Он был одновременно сладким и едким и таким же густым, как смог мануфактур. Паскуале ощущал в голове странную легкость. Пальцы рук и ног покалывало. По приказу чернокнижника он плеснул бренди на угли жаровни, а Никколо добавил камфары. Слуга зажег огонь в тигле, и его стенки принялось лизать синее пламя.

Маг заговорил на латыни:

— Внемли мне, Ариэль! Из этой долины скорби и из скорби этой долины, из этого царства тьмы и из тьмы этого царства взываю к Священной горе Сион и Небесным Кущам, заклинаю тебя именем Бога и Отца Всемогущего, чистотой Небес и звезд,

стихий, камней и трав, а равно и силой снежных бурь, гроз и ветров, дабы ты исполнил то, что потребуется, с присущим тебе совершенством, без лжи и обмана, по повелению Бога, Творца ангелов и Повелителя на все времена! Именем Иммануила, именем Тетраграмматона Иеговы, именем Адонаи, Царя Царей, яви мне свою жуткую мощь, осени меня своей безграничной щедростью. Тебе я посвящаю этот алтарь.

Маг поцеловал свой меч и сунул его кончик в тигель, стоящий у ног слуги. Мгновенно синее пламя заплясало по всему клинку. Держа меч перед собой, чернокнижник пересек круг и коснулся кончиком пылающего меча тигля, стоящего на бедрах мертвого Рафаэля. Повалил дым, запрыгали искры, они поднимались вверх, и чародей благоразумно отошел назад, к своей жаровне.

Дым теперь сделался таким густым, что Паскуале с трудом различал остальных, только бесформенные очертания, поднимающиеся в густой белой пелене. В искрах, отлетавших от тела Рафаэля, казалось, мелькали лица, далекие и близкие. Они были тоскливые и суровые, радостные и сосредоточенные. Паскуале был так охвачен страхом и одурманен дымом, что магу пришлось повторить дважды, прежде чем он опомнился и плеснул бренди на светящиеся угли жаровни.

Маг положил меч, который уже не пылал, перед носками своих туфель.

— Приказываю и заклинаю тебя, — говорил он торжественно, словно священник на мессе, — Ариэль, великий посланник, силою договора, заключенного с тобой, мощью армий, над которыми ты поставлен, завершить мою работу. Я взываю к тебе, Памерсиэль, Аноир, Мадризель, Эбрасотиан, Абрульгес, Итрасбиэль, Надрес, Ормену, Итулес, Раблон, Аморфиэль, к тебе, поставленному над двенадцатью ангелами двенадцати отрядов, правящими королями и народами. Из пламени, проходящего сквозь тридцать постоянств в девяносто одну часть земли, восстань, восстань, восстань!

Какой-то миг не происходило ничего. Затем вся вилла содрогнулась от трех быстрых тяжелых ударов. Воздух в комнате вроде бы сжался, потревоженный гигантскими крыльями, и пламя свечи, горящей перед Паскуале, дрогнуло, а затем взметнулось вверх. Белый дым клубился перед ним, будто бы силясь обрести форму. Мгновение в нем жило ожидание чуда, жаркое, как пламя свечи. Затем из закрытых тяжелыми занавесями окон со звоном посыпались стекла. Мощный порыв ветра ворвался в комнату, и все свечи потухли.

12

Паскуале тут же понял, что никакой ангел и не думал заявлять о своем присутствии. Его предали, Кардано начал наступление раньше, чем было уговорено. Каждый миг Паскуале был готов услышать новые разрывы ракет. Их было шесть, солдаты принесли их на себе, переложенные соломой и уже разогретые, так что вода внутри них превратилась в пар и напирала на стенки в поисках выхода. Единственное, что требовалось для запуска, — открыть клапаны.

— Стоять! — крикнул маг, но Салаи уже был за шторой, вглядываясь в окно.

— Такое впечатление, что кто-то поджег ваш дом, — сообщил он.

Слуга вошел, аккуратно прикрыв за собой дверь. Паскуале не заметил, как он выходил. Копна огненных волос была покрыта известковой пылью.

— Ракета, — сказал он, — хотя нигде нет метательных устройств и никто не видел огней. Люди в панике. Я должен пойти к ним.

И он снова вышел.

Стоя посреди разгромленной комнаты, маг стряхнул с черного балахона известку и взглянул на Паскуале с могильным спокойствием. Вокруг него горели высокие свечи, и его тень плясала на дальней стене, дым от жаровни окутывал его ноги, клубы дыма плавали в воздухе, уходя в разбитые окна. Тигель, установленный на гениталиях Рафаэля, до сих пор пылал, выплевывая искры, издающие негромкий, но отчетливый треск. Испанский лазутчик часто заморгал и уставился себе на руки, сгибая пальцы.

— Ах ты, иудейский козел! — произнес маг, поднимая руку. Внезапно у него в руке оказался посох из черной слоновой кости.

— Я их сейчас прикончу! — Салаи подскочил к Никколо, выхватил меч и приставил его к горлу журналиста.

Никколо стоял неподвижно, поглядывая спокойно и иронично на чернокнижника, словно бросая ему вызов, хотя он по-прежнему был в кандалах и находился на волоске от гибели.

— Отойдите, сначала необходимо узнать, какие силы собраны против нас. Они могут потребоваться нам живыми. Для выкупа, — потребовал чародей.

Салаи так яростно помотал головой, что локоны, обрамлявшие его жирное холерическое лицо, замотались, словно куст в бурю.

— Нет!

Маг вскинул руку, и посох тут же превратился в черную змею. Повторив свой жест, он метнул змею в Салаи. Ошалев от страха, Салаи попытался проткнуть змею мечом, промахнулся и с криком выбежал из комнаты.

Маг подошел и забрал извивающуюся змею, провел большим пальцем по ее спине. Змея застыла Маг встряхнул рукавами, и у него в руках снова оказался черный посох слоновой кости. Снаружи донесся нарастающий шум, чудовищный барабанный грохот и безумные повизгивания дудок, словно издаваемые людьми с железными руками и медными глотками. Паскуале вспомнил о барабанном механизме, о шуме, который он производит, его противовесах и заводных руках.

Испанский шпион спросил, с задумчивостью человека, только что пробудившегося ото сна:

— Нас окружили?

— Мои люди отобьют нападение с моей помощью. Следите за пленником, синьор, и следуйте за мной. — Чародей наклонился к Никколо и поднес к нему руки. Цепи Никколо упали с его запястий, зато большие пальцы оказались зажаты в особенную ловушку.

Никколо спокойно заметил:

— Тот, кто в битве наносит первый удар, обычно побеждает.

Маг ударил его тыльной стороной ладони, с такой силой, что эхо от удара разнеслось по задымленной и засыпанной пылью комнате.

— Если хотите жить, пойдете за мной, — сказал он обыденным тоном.

Никколо оглянулся и посмотрел Джустиниани в глаза, легкая улыбка играла у него на губах.

— Очень неразумно допускать возможность собственного поражения, — сказал он.

Маг развернулся на каблуках и схватил за руку Паскуале.

— Идем! — приказал он и потащил Паскуале из комнаты, не глядя, идут ли за ними Никколо с испанцем.

Вилла была полна дыма и пыли. Чародей протащил Паскуале через анфиладу пустых комнат, мимо наемников, бегущих во все стороны с сундуками, оружием и стопками книг. Они явно готовились к отступлению. Часть прихожей была объята огнем, огонь полз по стенам и рамам разбитых окон. Потолок провалился, засыпав пол штукатуркой и досками, большинство статуй упали со своих постаментов. Пожар наполнял пространство сильным сухим жаром и ревом пламени, в воздухе стоял пронзительный сладковатый запах: запах «греческого огня»,

которым были наполнены теперь уже пустые оболочки ракет, выплюнувшие его от удара и поджегшие дом.

Жар опалил кожу Паскуале, когда он выходил вслед за магом наружу. Крики солдат Джустиниани смешивались с какофонией барабанной машины. За стеной сада горели огромные расплывшиеся огни, в их свете двигались тени. Некоторые наемники стреляли наугад, но выстрелы их мушкетов были слабыми и бездейственными, как ветки, сунутые в костер. Они действительно не приносили никакого эффекта, ведь тени, в которые они целились, были именно тенями: якобы силуэтами целой армии, продвигающейся вперед на фоне пылающих огней.

Два человека с трудом удерживали бьющую копытами лошадь, впряженную в черный экипаж. Они четко вырисовывались на фоне световой стены на лужайке, света ламп с отражателями на вращающихся лопастях, которые люди Таддеи установили в оливковой роще.

Когда чернокнижник потащил Паскуале по широким мраморным ступеням к экипажу, за стеной и аркой ворот раздалось три глухих удара. Паскуале дернулся, но маг держал его мертвой хваткой, так что он увидел три столба дыма, когда движимые силой пара ракеты описали дугу в черном небе. Одна ударилась в верхнюю часть ворот с неприятным звуком и заключила их в шар оранжевого пламени. Остальные две полетели выше, Паскуале видел, как они подпрыгнули в воздухе, словно рыбы, выскакивающие из воды, прежде чем пойти вниз. Одна разорвалась, никому не причинив вреда, среди деревьев, зато вторая провалилась сквозь крышу виллы. Миг спустя в воздух поднялся огненный шар. Лошадь, обезумевшая от всего происходящего, встала на дыбы и рванулась вперед. Она разорвала ремни упряжи и галопом понеслась за угол дома, таща за собой кучера.

На ведущей к воротам дорожке зашевелился на своем постаменте грифон. Возможно, кто-то нечаянно привел его в действие, возможно, механизм заработал от сотрясения, вызванного взрывом. Грифон поднялся на негнущиеся лапы, глаза загорелись, красными огоньками, затем он задрожал в подобии механической лихорадки. Из всех его сочленений и из перьев вокруг шеи повалил пар. Клюв задергался, словно челюсть у идиота. Струйки пара вырывались из невидимых вентилей, слившись в целое облако, поднимающееся все выше под действием жара от пылающей виллы и ворот. В этом туманном сгустке отражались огни, горящие за воротами, так что внезапно все вокруг осветилось светом маленького шероховатого солнца, повисшего в ночи.

Солдаты Джустиниани стреляли туда, откуда прилетели паровые ракеты, метались по сторонам в мерцающем свете, их тени скакали по лужайке в безумном смятении. Некоторые стреляли из мушкетов и арбалетов, некоторые раскручивали над головами пращи, отправляя в стену света стеклянные шарики. Но Паскуале предупреждал об этих снарядах, и Таддеи снабдил своих солдат угольными масками. Через лужайку прошел человек на ходулях, он двигался все быстрее и канул в заросли кустов. Через мгновение вверх взметнулось пламя и горящие ветки.

Джустиниани подтянул к себе Паскуале. У него в руках откуда-то появился нож. Нож с изогнутым лезвием и красными письменами на нем. Чародей заговорил прямо в ухо Паскуале, обдавая его запахом лука:

— Сколько человек, где они расположились? Отвечай сейчас же.

— Не больше семи, магистр.

Острие ножа уперлось в тонкую кожу под левым глазом Паскуале. Паскуале невольно отпрянул.

Маг вцепился ему в волосы и запрокинул голову, так что теперь Паскуале глядел в черное небо.

— Говори правду, художник, или сначала ты лишишься этого глаза, а затем другого!

— Не меньше сотни! Они окружили дом, магистр.

— Это городская милиция?

Кончик ножа медленно отодвинулся.

— Нет, синьор. Это наемники купца Таддеи.

— Это имя я слышал. Друг Рафаэля.

— Он хочет забрать тело, магистр.

— Получит вместо него твое, — буркнул чародей.

— Он призвал демонов, как вы видите.

— Моя магия сильнее его, — заявил Джустиниани.

Нижние ветки одного из кедров на краю залитой светом лужайки вдруг затряслись. Чародей повернулся, как раз когда какая-то тень соскочила с дерева и заковыляла по лужайке. Наемники в панике разбегались, не смея стрелять в привидение из опасения перебить друг друга.

Маг оттащил Паскуале в сторону и поднял руки над головой. Внезапно перед ним поднялось облако газа. Он был желтый, едкий и удушливый. Паскуале отскочил назад, когда обезьяна Фердинанд пробилась через это облако. Макака металась из стороны в сторону, хлопая по земле кулаками. В ее глазах отражались красные всполохи пожара, пылающего за спиной мага.

Джустиниани шагнул назад и размашистым жестом извлек

откуда-то черный посох. Паскуале выкрикнул предостережение как раз в тот миг, когда маг выбросил руку вперед. Змея впилась макаке в горло, и Фердинанд принялся кататься по земле, вцепившись атакующей змее в голову и хвост. Паскуале добежал до макаки как раз тогда, когда та отшвырнула от себя змею с переломленной спиной. Макака дернулась и задрожала, мышцы ее окаменели. Животное было не в силах вдохнуть, а Паскуале мог лишь держать его за мозолистую руку, пока Фердинанд задыхался.

— Вот так я расправляюсь с демонами! — закричал маг и неожиданно побежал. Он остановил бегущего мимо наемника, что-то прокричал ему, погнал его дальше, а сам побежал к следующему наемнику. Он попытался стянуть свои силы, метался туда-сюда среди рассыпавшегося по лужайке войска, и его белые ноги мелькали в разрезах черного балахона.

Паскуале закрыл Фердинанду глаза, словно макака была человеком, и отвернулся. В глазах у него стояли слезы. Какое-то громадное горе было готово выплеснуться наружу, если бы он позволил. Но затем вернулась надежда, во второй раз за долгие часы. Из горящей виллы бежал человек, прикрывая одной рукой лицо. Человек сбежал со ступеней и упал на колени, Паскуале побежал к нему. Это был Никколо, покрытый сажей и опаленный, но в целом не пострадавший.

Паскуале помог ему подняться, и они побежали через лужайку. Механизм, приводивший в движение грифона, был разворочен. Чудище застыло, скорчившись, подняв одну лапу, рот бессмысленно клацал, выпуская струйки пара. Никколо с Паскуале укрылись под его постаментом, и Никколо с улыбкой пояснил, что испанец благоразумно решил позаботиться о себе.

— Он же получил то, что хотел. Модель и те бумаги, которые ты принес. Это был смелый обман, Паскуале.

— Так вы догадались! — Паскуале пришлось кричать, чтобы его было слышно в шуме барабанной машины и треске выстрелов.

— Салаи вынудили сказать правду, но никто ему не поверил. Какая ирония судьбы!

— А испанец в самом деле отпустил вас?

— Скажем так, я ускользнул в суматохе.

— А ваши оковы растворились.

— Ну нет. Я вынул ключ у синьора Джустиниани, когда он ударил меня. Казалось, будто цепи исчезли по мановению его руки, но он, конечно же, пользовался ключом. И по мановению собственной руки я вытащил его, а затем отпер им ловушку, в которой были заперты мои большие пальцы. — Никколо огляделся. — Мне кажется, самое время уйти. Какой у нас план?

— Таддеи хочет, чтобы мы тоже погибли, как мне кажется. Атака началась гораздо раньше, чем мы договаривались. Может, нам лучше отсидеться здесь, — поделился своими сомнениями Паскуале.

— А сколько там человек?

— Семь.

— Всего-навсего?

— Великий Механик дал несколько машин.

— В таком случае нам можно особенно не опасаться этих атакующих.

Паскуале заметил движение в пламени, заливающем разрушенную арку ворот:

— Я бы не был так уверен.

Из горящих ворот выбрался механизм, на его полированной поверхности кое-где лежали догорающие обломки. Это был имеющий практическое применение родич инкрустированной камнями черепашки Таддеи, размером с охотничью собаку и с панцирем из стальных пластин, не более двух braccia в высоту. Он шагал вперед на дюжине коротеньких ножек. Пули со звоном ударялись о его панцирь: наемники заметили механизм. Он остановился. Пара рукояток на пружинах выдвинулась у него из боков и начала подниматься над гравиевой дорожкой.

Паскуале потянул Никколо за руку и сказал ему, что пора бежать, Они заворачивали за угол виллы, когда механизм взорвался, раскидывая во все стороны диски с заточенными краями. Раненые и мертвые наемники еще падали, когда следующий механизм прошагал через горящие ворота и столкнулся с останками своего собрата, после чего немедленно взорвался. Большая часть разрушительной силы ушла в землю, пропав впустую среди пыли и обломков металла.

Никколо заметил:

— Я всегда придерживался мнения, что человек никогда не будет достоин милосердия, пока его тяга к созиданию равна его же тяге к разрушению! — Он казался опасно вдохновенным, в черных глазах горели не только отсветы пожара. — С несколькими такими механизмами один человек может уничтожить целую армию!

— Если мы не остережемся, они уничтожат нас.

— Отсюда должен быть выход, можешь быть уверен.

— Откуда вы знаете?

Никколо усмехнулся:

— Очень просто, такой человек, как Джустиниани, не стал бы жить в доме с одним-единственным входом и выходом. Смотрика! Скорее, Паскуале! Другой возможности может не быть!

Рыжий слуга бежал в другом направлении, чем уцелевшие наемники, которые передвигались по лужайке под командованием чародея, идя в атаку на игру света и тени за стеной. Чародей воевал с призраками, наконец-то попавшись в ловушку излюбленных им трюков и иллюзий, ведь разве он не отбивался от наседающего на него демона? Он взмахнул черным посохом, и по посоху побежали синие искры. Паскуале понял, что змея действительно была змеей, появившейся в результате фокуса, но это его не утешило. Настоящая змея была не менее смертоносной, чем магическая, может быть, даже еще опаснее.

Никколо мчался за рыжим слугой, и Паскуале собрался и побежал вслед за ним. Они пробежали мимо механического грифона. Его голову снесло взрывом ходячей пушки, и из воротника перьев на его шее поднимался столб пара. Паскуале предложил Никколо бежать направо, а сам помчался налево. Они с двух сторон обошли рыжего, который колотил по постаменту со статуей обнаженной женщины, у которой была косматая и рогатая голова козы.

Статуя внезапно резко отъехала назад. Слуга оглянулся и увидел у себя за спиной Никколо и Паскуале. Он выхватил пистолет, но не решил, в кого из них стрелять. Паскуале хватило его замешательства, он подбежал к нему и сбил с ног. Никколо выхватил пистолет и дрожащими руками направил его на слугу.

— Смелое решение, Паскуале, — сказал он. — Вот видишь, и выход нашелся.

Пьедестал был внутри пуст. Под статуей оказалась каменная лестница, ведущая под землю.

Слуга ухмыльнулся Никколо. Из угла рта у него стекала струйка крови, но он не обращал на нее внимания.

— Если хочешь напугать меня пистолетом, сначала потрудись взвести курок, — бросил он.

Никколо большим пальцем высвободил медный затвор. Пистолет принадлежал к тому же многозарядному типу, что и его собственное оружие, которое он брал с собой для похода на виллу. Он велел слуге встать и отойти в сторону.

Тот положил руки на копну рыжих волос, но остался стоять на месте.

— Если бы вы собирались меня пристрелить, так уже сделали бы это. Лучше я покажу вам выход. Он так же замысловат, как и вход.

Голос Никколо выдавал его раздражение:

— Я уже убивал людей раньше, у меня нет желания стрелять в тебя, но я сделаю это, если придется.

Паскуале пояснил рыжему:

— Он хочет сказать, чтобы ты шел вперед, хотя почему мы должны верить человеку, который предал даже своего хозяина, — выше моего понимания.

— Здесь мне больше нечего искать, это точно. — Шальная мушкетная пуля просвистела над головами. Никколо с Паскуале инстинктивно пригнулись, но слуга остался стоять прямо, держа руки на голове. Он продолжил: — На самом деле все выгоды грозят обернуться потерями. Могу я опустить руки? Переход будет не особенно легким.

Когда все трое спустились по лестнице, статуя встала на место. В нишах горели бусинки синего пламени. Проход был едва ли в половину роста Паскуале, сухой, выложенный кирпичом. Слуга полз впереди, Паскуале замыкал, Никколо тяжело дышал посредине.

Приблизительно на половине пути лаз сделал петлю в форме подковы: ловушка для врагов, на случай, если они найдут его и попытаются воспользоваться, жизнерадостно пояснил слуга. Им пришлось переждать здесь, пока что-то громадное вышагивало над головой, выбивая ручейки земли из щелей между не закрепленными раствором кирпичами.

— Отличной могилкой может стать это место, — заметил слуга.

— Не исключено, что скоро мы это проверим, — парировал Никколо.

В свете синих огоньков, светивших немногим ярче звезд, Паскуале видел бледное лицо рыжего за плечом Никколо. Слуга улыбался, ему было здесь уютно, как крысе в норе. Он спросил:

— А каков ответ в загадке о дьяволе и ангеле? Я вертел и так и сяк, но ответа не нашел. Положите же конец моим мучениям.

— Синьор, — ответствовал Никколо, внезапно преисполняясь достоинства, — это всего лишь блошиный укус по сравнению с теми унижениями и испытаниями, которым меня подверг ваш хозяин за прошедший день. Пусть ваш разум страдает. При мысли об этом я испытываю некоторую радость, даже большую, чем сам ожидал.

Слуга засмеялся:

— Вы держите меня под дулом пистолета. Я уверен, этого достаточно. Что касается ваших обид, я, как вам прекрасно известно, выполнял приказы.

Паскуале неожиданно сам собой пришел ответ, как к нему часто приходили ответы на загадки.

— Надо спросить, какую дверь посоветует противник. Это единственный вопрос, на который оба ответят одинаково.

Слуга снова засмеялся:

— Ага, дьявол солжет и укажет на дверь к гибели, зная, что ангел поведет к свободе. А ангел, ангел…

— Ничего удивительного, что вы не можете понять образа мысли ангела, — заметил Никколо. — Хотя ваш хозяин вот-вот призвал бы одного, если бы смог.

— Ангел тоже укажет на дверь к гибели, зная, что дьявол посоветует именно ее, так что оба духа ответят одинаково, а вы спасетесь, выбрав другую дверь. Извините, Никколо, я только сейчас понял, — вмешался Паскуале.

— Слушай, — насторожился Никколо.

— Я ничего не слышу, — сообщил Паскуале через минуту.

— Именно. Военные действия переместились. Пора и нам.

После крутого поворота потолок прохода стал немного выше. Коридор завершился другой лестницей, поднимающейся к маленькому квадрату потолка.

Слуга приложил палец к губам и подмигнул:

— Мой хозяин сказал бы, что все делается благодаря заклинаниям и подчинению демонов. На самом деле обычная гидравлика, я сейчас покажу.

Он отодвинул от стены полдюжины кирпичей. Запустив в отверстие обе руки, он что-то с видимым усилием повернул. Под ногами зашумело: шум воды, выливающейся из резервуара. Потолок, в который упиралась лестница, отодвинулся в сторону, и слуга побежал вверх, перепрыгивая через три ступеньки зараз. Паскуале погнался за ним, из опасения, что тот сбежит или запрет их снаружи. Но когда он выбрался, оказалось, что слуга сидит, закинув ногу на ногу, на камне, который прикрывал дыру среди вересковой пустоши. Он казался вполне довольным, будто бы то, что его схватили и заставили показывать тайный ход, с самого начала входило в его планы.

Они выбрались приблизительно в сотне braccia от обочины дороги, идущей вдоль ограды поместья. За оградой бушевал в оранжевом пламени и красных всполохах пожар. Вилла была полностью объята пламенем, даже деревья рядом с ней загорелись и выбрасывали снопы искр в ночное небо. Чуть дальше, на развалинах ворот, плясало синее пламя «греческого огня». Фонари машин Великого Механика на другой стороне поместья поблекли на фоне пожара, их лучи шарили по небу, иногда пересекаясь, а грохот автоматической барабанной машины продолжал разноситься в жарком воздухе, смешиваясь со слабыми криками разбитых наемников. Неожиданно от стен повалил густой красный дым. Он все сгущался, принимая очертания злобного демона, но колеблющийся от жара воздух подхватил его и растащил в стороны.

— Кажется, последний фокус, — заметил слуга. — Вы, господа, можете отправляться. Я сам покончу с остальным, но для этого мне нужно получить обратно пистолет.

— Я был бы счастлив отпустить вас, синьор, но вы свидетель происшедшего. Вы нужны нам, поскольку можете рассказать о замыслах Джустиниани и судьбе тела Рафаэля, из-за которого может случиться война, — угрюмо произнес Никколо.

Рыжеволосый встал.

— Что ж, синьор, это едва ли меня удержит. Тело — ваша забота, а не моя. Что касается свидетельствования, вы забываете, я имею непосредственное отношение к смерти Рафаэля. Я не стану свидетельствовать в пользу собственного смертного приговора.

— Лишний повод выступить свидетелем, — мрачно сказал Никколо. — Вы были добровольным сообщником убийцы, синьор. Повешение — наименьшее наказание. В этом городе сжигают ведьм. Сожгут и вас, если вы откажетесь помогать.

— Я уже пережил одну попытку сжечь меня, — поведал слуга, — так что, прошу прощения, не стану искушать судьбу, а отправлюсь подальше.

Он шагнул вперед и только улыбнулся еще шире, когда Никколо поднял пистолет. Затем он отскочил в сторону, Никколо зарычал и нажал на курок. Раздался лишь сухой щелчок. Слуга быстро развернулся, оказавшись позади Никколо, и завернул руку ему за спину, заставив журналиста выпустить пистолет.

Паскуале успел ударить рыжего по голове, так что тот покачнулся, но, когда Паскуале попытался приблизиться, слуга сильно ударил его пистолетом по щеке. Паскуале отшатнулся назад, а слуга запрыгнул на камень. Он выбросил пустую обойму, вставил новую и разок выстрелил в воздух.

Паскуале с Никколо переглянулись. У Паскуале текла по щеке теплая кровь и капала с подбородка. Рана только сейчас начала болеть.

— Эта игра не стоит наших жизней, Никколо. Пусть уходит, — предположил Паскуале.

Слуга насмешливо поклонился, затем достал тонкий свисток, похожий на тот, каким городские свинопасы созывают своих подопечных, валяющихся в сточных канавах. Он выдул одинокую пронзительную ноту. Из-за деревьев, растущих на подъеме к оливковой роще, через которую Паскуале с людьми Таддеи шел к вилле, выступил человек. Он шел в их сторону медленно, не прошел он и половины пути, как Паскуале узнал в нем испанского шпиона.

— Полагаю, расстояние в самый раз, — сказал рыжий и

поднял пистолет.

Паскуале видел, как на лице испанца отразилось изумление. Он потянулся к чему-то в сумке на поясе, и когда поднял руку, слуга быстро выстрелил три раза подряд. Испанец резко осел. Слуга тщательно прицелился и выстрелил еще раз. Голова лазутчика запрокинулась назад, он упал и в этот последний миг выпустил то, что достал из сумки.

Это была летающая лодка. Паскуале явственно видел, как она поднялась в ночное небо, ему даже показалось, он слышит шум от ее винта, но это было невозможно, потому что барабаны, барабаны, барабаны все еще били вдалеке, и пожар ревел, и наемники чародея все кричали и кричали в этом театре теней.

Слуга помчался по вереску, подпрыгивая и пытаясь схватить модель, которая взлетала выше, поднимаемая не силой собственных крыльев, а ветром, раздувавшим пожар. Она полетела в сторону, поднимаясь по дуге. Какой-то миг казалось, она поднимется над пламенем, лизавшим разрушенные ворота, но тут направление ветра изменилось, модель нырнула вниз и мгновенно вспыхнула. Сгорая, лодочка сделалась легче и снова поднялась как перышко в дыхании Господа, кружащееся высоко над полем битвы. И все кончилось.

Рыжий выбрался на дорогу и стоял, уставясь в небо, туда, где исчезла летающая лодка, словно надеясь, что она восстанет из пепла, как феникс. Когда он обернулся к Паскуале и Никколо, раздался негромкий треск, рыжий пошатнулся и упал вперед.

Сначала Паскуале подумал, что тот споткнулся, но, когда рыжий не поднялся, он понял, что слышал выстрел. Юноша дернул Никколо за рукав и заставил его затаиться в сомнительном укрытии из сухой травы. По направлению к тому месту, где упал слуга, по дороге шел человек. И внезапно Паскуале понял, кто это, ведь никто другой не привел бы сюда обезьяну. Он встал, замахал руками и закричал. Никколо принялся обзывать его дураком, говоря, что Таддеи только и мечтает прикончить их обоих.

Но человек на дороге уже повернулся к ним. Паскуале побежал навстречу. Это была женщина. Это была Пелашиль.

13

Паскуале, Пелашиль и Никколо Макиавелли долго шли обратно к реке. Идти по дороге они не рискнули, потому что Пелашиль рассказала о засаде — хватают всех, кому удалось спастись, она сама видела, как забрали толстого человека в красном, надо полагать Салаи, и затолкали его в экипаж. Паскуале спросил, был ли там священник или кто-нибудь в рясе, и Пелашиль кивнула:

— Да, и в капюшоне и с большим крестом, вот здесь. — Она приложила руку к груди.

— Так я и думал, — сказал Паскуале. — Кардано тоже савонаролист.

— Значит, фра Перлата сбежал. Я не смог определить в суматохе, когда паром ударился о берег и люди Джустиниани полезли на борт, — предположил Никколо.

Паскуале вытер кровоточащую щеку рукавом.

— Когда они выяснят, что у Салаи нет модели, они примутся искать нас. Нам нельзя здесь оставаться.

Они брели по вересковой пустоши, пылающая вилла осталась за спиной, колокольня церкви Святого Духа поднималась на фоне разбросанных в беспорядке огней прямо перед ними. Пелашиль шла, держа Паскуале за руку. Длинное охотничье ружье висело у нее на плече, его восьмигранное дуло поднималось у нее над головой на целый braccio. Она знала, что ему потребуется помощь, сказала она, Пьеро видел это во сне, поэтому она и взяла обезьяну, в надежде проникнуть на виллу и использовать макаку для отвлечения внимания. Но когда Фердинанд увидел фонари и пожар, услышал непонятный грохот, он порвал цепочку и перепрыгнул через стену.

— Он все равно нашел меня, — сказал Паскуале и рассказал о гибели Фердинанда.

Пелашиль тоже было о чем сообщить. Она видела печатные листки с изображением Паскуале, и Пьеро объяснил ей, что это значит. Кажется, Паскуале разыскивают из-за убийства его учителя, Джованни Баттиста Россо.

— Но это все пустяки, — бодро закончила Пелашиль. — Наконец-то ты выбрал верную дорогу.

Паскуале шагал молча. Он окаменел. Ничего не кончилось, вот все, что вертелось у него в голове. Вовсе не так, как в рыцарских повестях о героях, которые уничтожали чудовищ и злодеев или искали Грааль. Когда они все выполняли, наступал конец их трудам и они получали награду. Руку любимой,

законное восхождение на престол, найденный Грааль и райское блаженство в придачу.

— За всем этим стоит Таддеи, — заметил Никколо. — За этой последней попыткой получить твою голову, Паскуале. Разумеется, он надеется, что ты не выживешь в этом кошмаре, а значит, и не станешь неугодным свидетелем.

— Я того же мнения, — сказал Паскуале. Он повернулся к Пелашиль. — Может быть, ты поедешь со мной? Я уже пытался сказать тебе это, может быть, найдется способ…

— У меня уже есть хозяин…

— После всего этого? Ты сама себе хозяин, точнее, хозяйка. Пелашиль, я могу отвезти тебя обратно, домой. Пьеро ведь не знает, где ты. Он хочет одиночества. Он боится, боится других. Грозы, толпы, всего, что существует вне его разума. Он боится даже меня, а я бы стал его учеником, если бы он позволил.

— Мое место здесь, — настаивала Пелашиль. — Пьеро впустил меня, он учил меня, когда мои соплеменники отказались. Я помогаю ему. Он учит меня, так что я смогу стать мара'акаме. Неужели тебе не понятно?

— Я не стал бы похищать тебя у него. Я спросил только потому, что я не верю, будто бы ты его рабыня.

Пелашиль выпустила его руку и сердито заговорила:

— Ну почему мужчины ничего не понимают? Я с ним, потому что я сама так хочу. Никто мною не владеет. Я не его рабыня и не его жена. Я присматриваю за ним, потому что так хочу. Да, он боится меня, боится многого другого, но он великий и знающий мара'акаме и великий художник, каким ты вряд ли когда-либо сумеешь стать. Вот тебе причина, если она нужна тебе.

— Я тоже тебя боюсь, — сказал Паскуале.

— Отлично.

— Я даже не знал, что ты умеешь стрелять.

— Старик меня научил. У меня на родине, до того, как я попала сюда. До того, как он вернулся в этот ужасный город.

Паскуале узнал то, чего не хотел знать, хотя часто подумывал спросить: спала ли она когда-нибудь с Пьеро. Он сказал:

— Все, кого я знаю, в городе умерли. Что меня теперь держит? Россо все-таки был прав. Если бы я согласился уехать с ним в Испанию, он был бы жив, и многие другие были бы живы.

Никколо из деликатности прошел немного вперед, когда они спорили, но теперь он остановился и подождал их.

— Возможно, у тебя бы получилось. Но скорее всего испанцы убили бы тебя, — вмешался он в разговор.

Они поднялись на вершину холма. Дорога спускалась вниз, к докам, появились первые дома. Город раскинулся с обеих сторон,

и во всех его частях зеленые и красные огоньки передавали коротенькие точные сообщения.

Паскуале спросил Никколо:

— Что они передают?

— Если ты наберешься терпения, возможно, я смогу прочитать. Они передают одно и то же сообщение, в простых словах… Ага, — сказал Никколо устало, — будет война. Что за комедия ошибок, Паскуале?

— Значит, в конце концов, мы ничего не сделали, кроме того, что казалось нам правильным. — Он не казался обескураженным. Паскуале понял, что не чувствует ничего, даже разочарования.

Никколо мягко произнес:

— Не исключено, что мы изменили что-то, хотя знать об этом нам не следует. Было бы слишком самонадеянно думать иначе. Только сильные мира сего влияют на ход истории, Паскуале, а мы, прошу прощения, все-таки не входим в их число.

— Только Великий Механик.

— Ну, может, он когда-то и был таким. Но и у сильных мира сего бывают свои мгновения славы, думаю, его — уже позади, в той войне с Римом. Ту выиграли его механизмы, эту должно выиграть что-то еще.

Паскуале увидел движущиеся по реке огни. Огромная океанская maona готовилась отчалить из своего дока; горели огоньки над мачтами судов поменьше, их тянули маленькие светящиеся закорючки взбивающих колесами воду буксиров.

— Идемте, — сказал он. — Это мой единственный шанс. — И он бросился бежать. И когда он бежал, в его душе вскипала радость. Неважно, исполнил ли Якопо его просьбу, неважно, ответят ли ему. Важна только надежда, ожидание. Он остановился у подножия холма, сопя, как машина Хироу, и, когда Никколо с Пелашиль догнали его, он повел их вниз, к реке, шагая по грязной тропке между свечными лавками и мастерскими, выходящими на доки.

На плавучей платформе дока толпились люди. Чуть поодаль стоял корабль. Буксир старательно разворачивал его носом к воротам шлюза, которые выпустят его в воды Большого Канала. Когда Паскуале пробирался через толпу, он заметил над головами народа сверкающее серебро. Это были отполированные доспехи слуги Великого Механика, Якопо, который стоял на крыше экипажа, глядя по сторонам.

Когда Паскуале, а за ним Пелашиль и Никколо добрались до экипажа, Якопо спрыгнул вниз и открыл дверцу.

— Она хочет поговорить с тобой, — обратился он к Паскуале, улыбаясь.

— Надеюсь, и со мной тоже, — сказал Никколо.

Лиза Джокондо ждала внутри, ее лицо белело в свете одинокой ароматической свечки, единственного источника света, потому что ставни экипажа были закрыты. Паскуале с Никколо сели напротив нее на плюшевую скамью, а Пелашиль остановилась у дверцы. Помотала головой и отвернулась.

Никколо сказал:

— Не сомневайтесь, вы узнаете все, что произошло с момента нашей последней встречи.

Лиза Джокондо переплела длинные пальцы. Насыщенный запах ее мускусных духов заполнял маленькое пространство экипажа; как и в прошлый раз, на ней была сетчатая вуаль, поднятая с лица.

— Не сомневаюсь, вы получите огромное удовольствие, рассказывая мне обо всем, синьор Макиавелли, но пока у нас нет на это времени. Все, что я хочу знать сейчас, имеет ли мой муж какое-либо отношение к делу. — Красавица с трудом сдерживала охватившее ее волнение.

— Рафаэля убил венецианский чернокнижник Паоло Джустиниани, — сказал Паскуале. — У синьора Таддеи есть доказательства, что отравленный бокал подавал слуга Джустиниани, а тело этого слуги он найдет на дороге за воротами виллы мага.

Лиза Джокондо с облегчением вздохнула и промолвила:

— Значит, я в долгу перед вами.

— Что касается долгов, — Никколо улыбнулся своей почти незаметной улыбкой, — я бы хотел поговорить с вашим невиновным супругом, синьора. Я видел, что все сигнальные башни в городе передают сообщение о начале войны, и я хотел бы послужить Республике, как служил прежде.

— Я сделаю все, от меня зависящее, но вы должны понимать, что я имею не слишком большое влияние на мужа. Вам самому придется убеждать его в вашей ценности.

— Охотно, — с жаром отвечал Никколо.

Лиза Джокондо дала Паскуале бумагу, сказав, что два места оставлены для него, как и было обещано.

— Хотя стоило это немало. Возможно, это последний корабль, успевающий уйти до начала войны. А женщина снаружи, ваша жена, наверное?

— Пока нет, — сказал Паскуале, заливаясь краской. — Возможно, и никогда. Ее удерживает здесь долг. Никколо, если вы не едете со мной, нам пора прощаться.

— Не переживай за меня. — Никколо с улыбкой смотрел на молодого художника. — Все печатные листки закроют, но

Синьории необходим опытный человек, чтобы успокаивать толпу. Война — это тоже жизнь, Паскуале. Война была, война есть, война будет, пока существуют государства, противостоящие друг другу. Война — это просто еще один вид политики, возможно, ее проявление в чистом виде, поскольку она зиждется на одном лишь пороке гордыни. Все государства хотят мира, но любое государство, начавшее войну, тут же обнаружит себя осажденным соседями. Так что я не боюсь войны, так же как я не боюсь погоды.

— Мне будет не хватать вас, Никколо. Вы умеете утешить самым неожиданным образом.

Никколо приставил палец к носу.

— Флоренция готова к войне, и это первый, необходимый шаг к победе. В отличие от Испании, граждане здесь контролируют военных, а это второй шаг. Республика выживет и станет сильнее.

Лиза улыбнулась при этих словах, а Паскуале сказал журналисту:

— Вы уже занялись пропагандой, Никколо. Давайте просто попрощаемся!

Никколо обнял Паскуале за плечи и по-братски расцеловал его, сказав с короткой усмешкой:

— Мы больше не увидимся, Паскуале, но я надеюсь услышать о твоих приключениях. Ступай. Тебе пора на корабль.

Пелашиль с Якопо ждали снаружи. Паскуале обратился к Якопо:

— Ваш хозяин будет доволен тем, что изобретения больше не существует.

— Я передам ему. А Салаи?

— Его схватили савонаролисты. Астролог Таддеи, Кардано, один из последователей Савонаролы, он начал наступление на поместье Джустиниани ради них. Лишь по счастливой случайности летающая лодка погибла раньше, чем угодила им в руки.

— Мой господин будет тяжело переживать это известие, но, по моему мнению, он счастливо отделался от этого дерьма. — Якопо посмотрел поверх плеча Паскуале на Пелашиль. — Это та женщина, которая едет с тобой?

Паскуале снова залился краской:

— Она остается.

Якопо сказал:

— Удивительно, неужели и твой дар убеждения не всесилен. Мой господин просил передать тебе это. На дорогу потребуется еда и вино. Купить все можно в Ливорно, хотя тебе придется здорово переплатить.

Паскуале взвесил на руке небольшой мешочек с монетами:

— Жаль, что не смогу сам поблагодарить вашего господина.

— Он в безопасности в своей башне, размышляет, как быть дальше с Салаи. Он глупеет при виде смазливой физиономии, Паскуале. Я рад, что тебя не будет рядом и ты не сможешь злоупотреблять его убежденностью, будто ты некий вид ангела. А сейчас сюда, быстрее.

— Но корабль…

— А что ты собираешься делать, добираться до него вплавь? Синьора Джокондо наняла для тебя лодку, и за приличную сумму. Не стану спрашивать, за какую услугу она так благодарит, но, явно, не малую.

Маленький причал маячил дальше по течению реки, за причалами для больших кораблей, охраняемый парой тяжеловооруженных всадников. В самом конце была привязана небольшая лодка. Лодочник сидел, привалившись спиной к причалу, возвышающемуся над его головой. Он был совсем стар, усатый и морщинистый, бельмо на глазу полускрывала нависающая бровь. Он кутался в одеяло, чтобы уберечься от идущего с воды холода, и курил сигарету, которую загасил пальцами и сунул за ухо, прежде чем взяться за весла.

Перед тем как спуститься в эту скорлупку, Паскуале осмелился обнять Пелашиль, которая ответила на его объятие.

Она зашептала ему на ухо:

— Ты знаешь, я из народа виксарика, они живут в горах на северо-западе от империи мексиканцев. Добраться туда нелегко, Паскуале, потому что на пути встречается множество каньонов и провалов, но, если ты пойдешь своей дорогой, ты найдешь деревушку из круглых домиков, каждый с калихью, на котором танцует мара’акаме, а вокруг поля маиса.

— Пелашиль, я сотни раз слышал, как об этом рассказывал Пьеро.

— Да, но сколько раз ты ему верил?

— Я поверю, когда увижу.

— У нас говорят, что однажды все будет так, как бывает в Вирикута, месте, куда мы ходим собирать хикури. Народ Предков вернется, солнце станет бледнее, а луна ярче, пока они не сравняются. Все станет одним. А до тех пор мы стоим между миром солнца и снами о луне. Помни об этом, Паскуале.

— Лодочник не сможет двигаться быстрее корабля. Если хочешь попасть на борт, пора отправляться, — поторопил их Якопо.

И лодку оттолкнули, лодочник поднял весла, Пелашиль прокричала над расширяющейся полосой воды:

— Пришли сюда свою первую картину, Паскуале, чтобы я знала, что ты жив! Пьеро не вечен!

Потом она пошла назад, Якопо за ней, и Паскуале потерял их из виду. Корабль медленно шел к выходу в Большой Канал, и Паскуале увидел, что не только его лодчонка стремится навстречу ему. Как оказалось, корабль вышел из доков на несколько часов раньше срока, чтобы попасть в открытое море до того, как испанцы перекроют канал. У многих не было билетов, и Паскуале пришлось размахивать своими бумагами и много раз выкрикивать имя Лизы Джокондо, пока ему не спустили канат в узлах, по которому он смог забраться на борт.

Было утро, и корабль уже шел на буксире по широкому каналу за Ливорно, окруженный флотилией мелких суденышек с купцами, которые неплохо наживались, продавая свежие фрукты, одежду, зеркала, бусы и прочие безделушки (для торговли с дикарями), ружья (которые тут же приходилось отдавать в ремонт) и многое другое, когда Паскуале наконец выделили каюту. Это была всего лишь побеленная каморка два на четыре braccia, со шкафчиком, куда Паскуале смог убрать необходимые вещи, закупленные у торговцев на канале и интенданта, сурового толстяка, обитавшего в черных недрах корабля. Таких пассажирских мест было с полсотни, но никто не спал. Вместе со всеми остальными Паскуале опирался на перила корабельной палубы, глядя на стоящего на мостике капитана и рулевого. Паскуале охватило странное волнение, когда он разглядывал своих попутчиков, гадая, кто из них станет другом, окажутся ли среди них враги, удастся ли ему завязать роман во время долгого пути к Новому Свету.

Лодки торговцев остались позади. Колесный буксир отцепил свои канаты и замедлил ход, корабль шел сначала вровень с ним, а затем и буксир остался позади. А впереди виднелась все расширяющаяся полоса, темно-синее море под ясным небом.

У Паскуале под мышкой была зажата доска с покрытым маслом холстом и две скобы, чтобы удерживать бумагу на ветру. Серебряный карандаш уцелел во всех приключениях, и ножик, и кусочки темперы. Бумагу и мел можно купить у интенданта. Но он был не готов. Пока не готов. Он не сомневался, что можно заработать, делая портреты пассажиров, но не сейчас. Его голова пока еще была полна образов последних дней. Горящие ворота и горящие деревья, пылающий мост и светящееся витражное окно, осыпающееся вокруг него стеклянным дождем, недоуменный угасающий взгляд умирающей обезьяны и улыбка Лизы Джокондо, морщинистое мудрое лицо друга и независимая насмешливая Пелашиль… И из всего этого зарождались, хотя он

пока не признавал этого, проступали черты чего-то большего, чем человек, и меньшего, чего-то стоящего между миром идей и миром вещей, между Словом и Делом, возможно, это было (но разве он мог теперь быть уверен хоть в чем-нибудь?) светящееся невероятным светом изумительное лицо его ангела.

notes

Примечания

1

Viola da braccio (мн. ч. viole; *ит.*, буквально — ручная виола), — старинный смычковый музыкальный инструмент, при игре держали горизонтально у плеча.

2

Braccio (мн. ч. braccia; *ит.*) — старинная итальянская мера длины, локоть.

З

Maona (мн. ч. maone; *ит.*) — большое морское грузовое судно-лихтер.

4

Pietra serena (*um.*) — прозрачный камень.

5

botteghe (*um.*) — лавки.

6

Тондо (*ит.* tondo, буквально — круглый) — произведение живописи или рельеф, имеющие круглую форму.

Humiliatio (*лат.*) — смирение.

8

До XVIII в. в большинстве стран Западной Европы 25 марта, день весеннего равноденствия, в соответствии с римской церковной традицией считалось началом года.

9

Кастильоне Бальдассаре (1478–1529) — итальянский писатель, автор лирических стихов, поэм, элегий, эпиграмм на латинском языке. В трактате «Придворный» (кн. 1–4, 1528), имитируя беседы реальных лиц, воссоздает картины придворной жизни как искусства, выявляющего разнообразные грани человеческой личности.

10

На самом деле в результате заговора в церкви был убит Джулиано Медичи, младший брат Лоренцо Великолепного.

11

Гонфалоньер — глава городской власти.

12

Stationarius (мн. ч. stationarii; *лат.*) — особый вид должностных лиц при университетах в Европе XIII–XIV вв., по сути являлись первыми книготорговцами.

13

На самом деле переговоры с верховным вождем атцеков Монтесумой вел именно Кортес.

14

Геркуланум — римский город в Италии около современного Неаполя, согласно мифу был основан Гераклом. В 79 г. н. э. частично разрушен и засыпан вулканическим пеплом при извержении Везувия.

15

Arista (*ит.*) — жареная свиная спинка.

16

Берни Франческо (ок. 1497–1535) — итальянский поэт-сатирик, создатель пародийного жанра «бернеско». В своих сонетах высмеивал ханжей, пап и тиранов.

17

Ciompi (*um.*) — чесальщики шерсти.

18

Palle! (*um.*) — здесь: историческое значение — клич приверженцев Медичи.

19

Cassone (*ит.*) — ларь, сундук.

20

Путти (*ит.* putti) — изображение мальчиков, обычно крылатых, частый мотив настенных росписей и барельефов.

21

Raffietto (мн. ч. raffietti, совр. raschia; *um.*) — скребок.

22

Главная движущая сила (*лат.*).

23

Католические четки.

24

Viola da gamba (*um.*, буквально — ножная виола) — старинный смычковый музыкальный инструмент, при игре держали между коленями.

25

Tamburo (мн. ч. tamburi; *um.*) — в средневековой Флоренции ящик для жалоб и доносов.